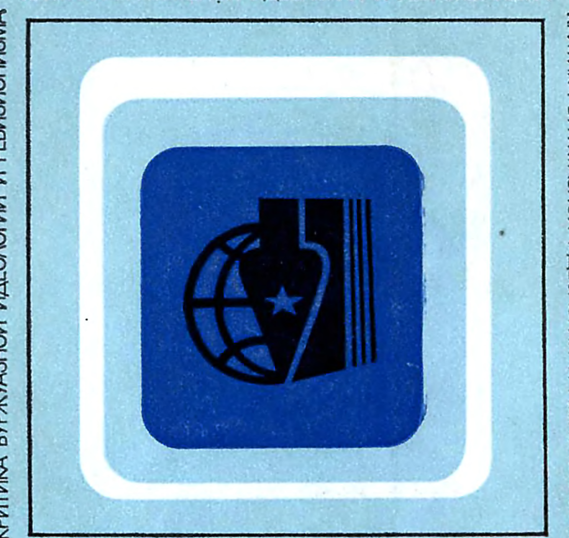
О. Л. Степанова

„Холодная война“: историческая ретроспектива

*

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

О. Л. Степанова

„ХОЛОДНАЯ ВОЙНА“: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Москва „Международные отношения“ 1982

ББК 66.4(0)
С 79

ВВЕДЕНИЕ

Один из патриархов западной историографии английский историк Арнольд Тойнби в начале второй половины XX века пришел к выводу: «Америка ныне лидер международного антиреволюционного движения в защиту денежных интересов. Ныне она стоит за то, за что в свое время стоял Рим. Рим последовательно поддерживал богатых против бедных во всех иностранных государствах, которые попадали в его орбиту. Но коль скоро бедных всегда и везде было куда больше, чем богатых, политика Рима вела к неравенству, несправедливости и лишению счастья широких масс. Решение Америки взять на себя роль Рима, если я правильно сужу, было обдуманным»[1].

А. Тойнби прав. Именно так рассудили моголы финансового капитала Соединенных Штатов, рассматривавшие после второй мировой войны чуть ли не весь мир как объект для эксплуатации. Однако эти замыслы, хотя в поддержку их была брошена вся мощь Соединенных Штатов, не осуществились и не могли осуществиться. На международной арене произошло изменение соотношения сил в пользу мира и социализма, что было следствием в первую очередь роста мощи Советского Союза, наших успехов во всех областях. Империализм оказался бессильным перед мощью мирового революционного процесса. Героический вьетнамский народ, сумевший с оружием в руках отстоять свою независимость против империалистической агрессии, дал блистательный пример успеха освободительной борьбы.

Народы, борющиеся с империализмом, не одиноки. На их стороне горячие симпатии, моральная и материальная поддержка СССР и других стран социализма. «Иные буржуазные деятели, — отмечал Генеральный

секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, — изображают удивление и поднимают шум по поводу солидарности советских коммунистов, советского народа с борьбой других народов за свободу и прогресс. Это либо наивность, либо, скорее всего, намеренное затуманивание мозгов». Политика «означает прежде всего, что споры и конфликты между странами не должны разрешаться путем войны, путем применения силы или угрозы силой»[2].

Вашингтон не мог не учитывать происходивших в мире изменений. Роль Рима оказалась США не по плечу, какие бы империалистические амбиции не вынашивали вашингтонские «ястребы». Стало очевидно, что Америка живет не по средствам и в США начался процесс мучительной переоценки ценностей. В ходе вьетнамской войны в американской исторической общине прошел и к нашему времени отшумел спор, в котором возникло «ревизионистское» направление в американской внешнеполитической историографии, внесшее заметный вклад в современную идеологию внешней политики США.

К исходу 60-х годов Г. Аптекер отметил «возрастание числа исторических трудов, в которых ставятся под сомнение основные мифы касательно дипломатической истории холодной войны». Аптекер писал, что «ревизионистских» книг стало так. много, что им необходимо посвятить специальное исследование[3]. Попытки пересмотреть установившиеся догмы в трактовке внешней политики США официальная американская историография США поначалу встретила в штыки. Страстность контратаки вызывалась тем, что «ревизионисты» размывали идеологическое обоснование внешней политики, которую Вашингтон стремился представить как бесспорную.

Еще в 1967 году А. Шлезингер, кичащийся близостью к «высшим сферам», почувствовал опасность в разысканиях этих историков и счел необходимым посвятить их работам большую статью в журнале «Форин афферс»[4]. Она легла в основу тогдашней оценки нового направления официальной историографии. Тезис Шлезингера на диво прост: критиковать, собственно, нечего, все в действиях Вашингтона в послевоенный период якобы правильно. Нет ничего удивительного, что рассуждения Шлезингера охотно разделили те, кто был ответствен за внешнеполитический курс США. Бывший посол США в Москве Ф. Колер оценил деятельность «ревизионистов»

чуть ли не как подрывную[5]. Другой американский посол в СССР, дослужившийся к концу жизни до поста заместителя государственного секретаря, Ч. Болен заявил: «Удивлен и в некоторой степени обеспокоен, когда вижу, как с готовностью принимается тезис некоторых историков о том, что в действительности холодную войну начали Соединенные Штаты. Никакая другая историческая неправда не может иметь более губительные последствия»[6].

Они, разумеется, пошли много дальше Шлезингера, который как-то заметил: «Тот факт, что в некоторых отношениях тезисы ревизионистов развиваются параллельно официальной советской аргументации, не должен, конечно, препятствовать рассмотрению их доктрин по существу, а также поднимать вопрос о мотивах их авторов, ибо все они, насколько мне известно, независимо мыслящие ученые»[7]. А. Гарриман, в свою очередь, заявил: «Есть группа историков, которая ныне пытается переписать историю тех лет (генезиса «холодной войны». — *О.С.*). Артур Шлезингер указал, что попытки переписывать историю часто случались в прошлом. Ревизионисты создают мифы о том, что произошло и каковы наши цели. Некоторые из них вырывают факты из контекста и стремятся обосновывать воображаемые цели»[8]. «Бесполезное занятие»[9], — повторил А. Гарриман в связи с очередным юбилеем Ялтинской конференции.

Но «ревизионисты» не потерпели заметного ущерба от этих уничтожительных оценок. В начале 1968 года еженедельник «Тайм» в обзорной статье, посвященной этому течению, нашел: «Самой спорной среди ревизионистских интерпретаций является их трактовка американской внешней политики. Соединенные Штаты, утверждают ревизионисты, были империалистическим агрессором, в то время как Советский Союз рассматривается как страна, проводившая в основном осторожную и реалистическую политику». Еженедельник заявил о своем несогласии с этой точкой зрения на американо-советские отношения, выразив надежду, что «ревизионисты» образумятся, ибо, по мнению редакции, «история слишком богата и разнообразна, чтобы раскрывать свои тайны только одному направлению. Ревизионисты, которые выживут в этой профессии, в конечном счете будут прежде всего историками и только потом ревизионистами»[10].

Прошло несколько лет, и осенью 1971 года заголовок большой статьи в «Уолл-Стрит джорнэл» оповестил читателей: «Взгляд назад. Число последователей радикальных историков растет». В ней говорилось: «В учебниках истории для средних школ и колледжей на каждый правильный ответ приходится дюжина неправильных, которые обманывают американцев. По крайней мере так утверждает группа левых историков, влияние которых все возрастает. Они бросают вызов традиционным представлениям о прошлом страны... Значительное число американцев прислушивается к ним, и радикальные ученые оказывают влияние на некоторых американцев, побуждая их изменить представление о своей стране и ее историческом месте. По мнению радикалов, американская дипломатия в XX столетии играла контрреволюционную роль... Эти историки указывают, что ради постоянного расширения рынков и получения доступа к источникам сырья американский капитализм распространил свои интересы практически на весь мир. Они считают, что существо дипломатии доллара состояло в том, чтобы обеспечить зарубежные инвестиции США и расширить их политическое влияние. Холодная война с Россией не что иное, как последняя фаза этой дипломатии». Влияние «ревизионистов», констатировала газета, растет не только в сфере идей: «Почти каждый крупный университет на среднем западе и северо-востоке имеет по крайней мере одного радикального историка, постоянно работающего в нем»[11].

Еще через три года заговорили о явной пользе «спора», затеянного «ревизионистами» с ортодоксальными историографами. В 1974 году сверхблагонамеренный профессор Гарвардского университета С. Хоффман счел необходимым подчеркнуть: «Хотя дебаты между представителями ортодоксального (официального. — *Θ.С.*) и ревизионистского направлений начались главным образом внутри академической общины, они имеют куда больший, нежели просто академический, интерес и значение. Потенциальное влияние их было усилено тем обстоятельством, что широкие слои американской общественности на протяжении последних нескольких лет поднимали новые и фундаментальные вопросы относительно тех принципов, на основе которых строилась внешняя политика Соединенных Штатов... В результате огромное внимание было сконцентрировано на природе

действий Соединенных Штатов на протяжении всего периода холодной войны»[12].

Итак, довольно быстро развился и шел к завершению поучительный процесс: новая школа в американской исторической науке, начавшая жизнь как еретическая, превращалась во влиятельное направление в историографии США. Как это случилось?

«Ревизионисты» появились в ответ на настоятельную потребность Вашингтона, приступившего к переоценке традиционных ценностей в условиях резко возросших для США трудностей на международной арене. В результате их работы в целом оказались в русле разработки текущей внешнеполитической стратегии Вашингтона.

«Ревизионизм» возник не в вакууме; он оказался эволюцией, частично через отрицание, давних американских толкований внешней политики в современном политическом климате потускнения биполярного мира и возникновения многополярности. В этом направлении американской внешнеполитической историографии синтезировано немало постулатов двух основных школ — «идеалистов» (именуемых также «традиционалистами», «утопистами» или «легалистами-моралистами») и «реалистов». В сущности «ревизионисты» с иных позиций попытались подтвердить в современных условиях главенство доктрины «баланса сил» как основополагающего принципа внешнеполитического курса Соединенных Штатов Америки.

Это направление во внешнеполитической историографии развивалось параллельно тому, что в те годы стало достоянием практической внешней политики. Политическое кредо республиканской партии на близких подступах к власти было сформулировано в издании Брукингского института «Повестка дня для нации», увидевшем свет в 1968 году. В этом сборнике заявил о себе Г. Киссинджер, тогда еще профессор Гарвардского университета. Рассуждая как человек, пока принадлежавший к академической общине, Г. Киссинджер бросил взгляд и в будущее. «В грядущие годы, — писал он, — самый серьезный вызов американской политике будет носить философский характер: разработать какую-то концепцию международного порядка в мире, являющемся биполярным в военном отношении и многополярным политически. Однако философское углубление вопроса

не дается легко тем, кто воспитан на американских традициях внешней политики».

Разъяснив в меру необходимости психологические трудности, стоящие на пути создания такой концепции, Г. Киссинджер предложил добиться синтеза «идеализма» и «реализма»[13]. «Проблема состоит в том, — предупредил Г. Киссинджер, — что не может быть стабильности без равновесия, но равновесие не является целью, которая удовлетворит нас в испытаниях нынешнего мира. Осознание миссии совершенно очевидно является наследием американской истории. Для большинства американцев Америка всегда стояла за нечто большее, чем собственное величие... Наша концепция международного порядка должна иметь более глубокие цели, чем стабильность... Возможен ли такой скачок в мировоззрении в современном бюрократическом государстве, покажет будущее»[14].

В 1968 году, когда были написаны эти строки, то, что ставил Г. Киссинджер в качестве задачи философского осмысления американской внешней политики[15], было в определенной степени выполнено тогда еще спорной школой «ревизионистов», которая успела совершить нужный «скачок». Оставалось сделать взгляды этих историков всеобщим достоянием, то есть завершить работу, начатую в 60-х годах, «интегрировав» самих «ревизионистов» в рамки официальной доктрины американской внешней политики. Короче говоря, отсечь то в их взглядах, что противоречит видам Вашингтона, взяв в идеологический арсенал лишь то, что усилит средства, находящиеся в распоряжении руководителей текущей американской внешней политики.

Это было выполнено не открытым нажимом, а инкорпорированием «ревизионистов» путем разъяснения и дополнения их аргументации в трудах коллег-историков, которых иной раз ныне именуют «постревизионистами». Понятие это при ближайшем рассмотрении однозначно принятой ныне в американской академической общине интерпретации проблем внешней политики. Так через признание заслуг «ревизионистов» перед заокеанской исторической наукой пришли к тому, что они превратились в одну из опор той же самой науки. Остро критическая часть их трудов тем самым была притуплена и постепенно предана забвению.

Тот же С. Хоффман в 1978 году свою большую тео-

ретическую работу под характерным названием «Первенство или мировой порядок» начинает следующими словами: «Давайте оставим в стороне шумные дебаты по поводу генезиса холодной войны и короткого периода перехода от конца второй мировой войны и начала холодной войны (1945—1947 гг.)»[16], то есть вопрос, особенно подробно изученный «ревизионистами». Хоффман, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, отослал читателей к своей статье 1974 года, а затем продолжил рассказ о послевоенной американской внешней политике, как будто «ревизионистов» и не было. Автор специального исследования М. Шерри заявил, что, хотя «ревизионисты» и выдвинули «некоторые убедительные аргументы против традиционной точки зрения», они тем не менее «не учли все источники», а посему и не смогли полностью отобразить всю картину, что и сделали «построевизионисты»[17].

Вероятно, самыми известными американскими историками, которые, не ниспровергая «ревизионистов», сумели приспособить их концепции для нужд текущей внешней политики, являются двое относительно молодых исследователей Д. Ергин[18] и Дж. Гэддис. Вот как Ергин (в трактовке рецензента «Нью-Йорк таймс») понял и оценил труды этого направления: «В течение ряда лет существует соперничающая ревизионистская историческая школа, винящая **в равной степени** (выделено мною. — *О. С.*) западную дипломатию и неуступчивость СССР за то, что сразу за победой союзников в 1945 году быстро последовала конфронтация»[19]. Но «ревизионисты» никогда не делили вину за «холодную войну» поровну между США и СССР. Что до книги Дж. Гэддиса, получившей премию Банкрофта, то ее основной вывод — «американские лидеры не хотели холодной войны»[20]. При этом Гэддис намекает, что «ревизионисты», мол, не могли учесть всех источников, которые были рассекречены уже после того, как увидели свет основные их труды.

Если так, тогда уместно рассмотреть «ревизионистское» направление в широком контексте «холодной войны», вернувшись к ее истокам. Сделать это поучительно не только в целях освещения того факта, как в американской исторической науке «приручают» первоначально оригинальных (притом работающих в конечном итоге в рамках принятых там концепций!) исследователей, но

и для того, чтобы на основании новейших опубликованных в США документов показать: перед Вашингтоном были различные альтернативы в области внешней политики. Выбор «холодной войны» был сознательным и обдуманным решением, в первую очередь администрации Г. Трумэна, продиктованным исключительно классовыми интересами правящих кругов США.

В наше время разбор концепций «ревизионистов» вдвойне необходим. Перед глазами современников развертывается процесс, в ряде отношений аналогичный тому, который имел место во второй половине 40-х годов. Тогда вашингтонские политики отбросили богатое наследие сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции, теперь, подчеркнул Л. И. Брежнев, «принялись разрушать то положительное, что с немалым трудом удалось создать в советско-американских отношениях за предшествующие годы»[21].

ГЛАВА I

О ГЕНЕЗИСЕ И КОНТУРАХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Весна 1945 года рассеяла, наконец, долгую ночь фашистского мрака. Крупнейшая классовая битва середины XX столетия подходила к концу. Забившись в бункере под имперской канцелярией, Адольф Гитлер все еще пытался предотвратить неминуемое, продолжить безнадежное сопротивление. А советский солдат уже шел по земле Германии...

12 апреля 1945 г. в Уорм-Спрингсе, где отдыхал Франклин Д. Рузвельт, выдался приятный день. Светило яркое солнце, его золотистые лучи мягко освещали комнату президента. Все вокруг казалось праздничным. Трудившаяся над портретом Рузвельта художница Елизавета Шуматова радовалась удаче — прекрасные часы для работы. Внезапно лицо президента побледнело. Он прервал сеанс, сославшись на сильную головную боль. Через два часа Рузвельта не стало.

Умер крупнейший государственный деятель США, с чьим именем связаны годы боевого сотрудничества советского и американского народов. Сотрудничества, в основе которого со стороны реалистически мыслившего президента лежало осознание того факта, что избранная им в отношении СССР политика является единственно возможной, принимая во внимание масштабы советских побед. Крах фашистской Германии был не за горами. А контуры послевоенного мира отчетливо проступали уже тогда: в нем неизбежно оставались две великие державы — Советский Союз и Соединенные Штаты... Складывалось то, что позднее получило название биполярности, в тени которой с военно-стратегической точки зрения мир живет по сей день.

С тех пор минуло почти сорок лет. Бо́льшая часть их падает на период «холодной войны». Время, когда

мир не раз подвергался опасности быть ввергнутым в пучину третьей мировой войны.

Уже по этой причине историки пристально изучают отношения между СССР и США, как правило, беря за точку отсчета именно год 1945. Налицо буквально поток исследований, посвященных тем или иным аспектам советско-американских отношений. Что закономерно — речь идет об одной из наиболее важных и сложных проблем XX века. Как отметил в своем выступлении по американскому телевидению Л. И. Брежнев во время визита в США в июне 1973 года, «от климата, преобладающего в отношениях между нашими двумя странами, в немалой степени зависит и общая атмосфера в мире. Ни экономическая, ни военная мощь, ни международный вес не дают нашим странам никаких дополнительных прав, но налагают на них особую ответственность за судьбы всеобщего мира, за предотвращение войны»[1].

Два крупнейших государства современности представляют противоположные социально-экономические системы и, следовательно, идеологию. Идеологическая борьба — объективный фактор, вызванный к жизни существованием двух систем. «Разрядка международной напряженности, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — отнюдь не отменяет борьбы идей. Это объективное явление»[2]. Вся история новейшего времени подтверждает справедливость этого положения.

Но нужно сразу оговориться: одно дело идеологическая борьба в условиях обострения международной напряженности, как было в годы «холодной войны», когда империалистическая пропаганда действовала методами «психологической войны». Другое дело — идеологическая борьба в защиту соответствующих идеалов в условиях мирного сосуществования социализма и капитализма, когда из повседневной практики должны исключаться такие достойные всяческого порицания приемы, как шантаж, грубое искажение фактов, фальсификация документов, наконец, прямая клевета. Применение их чревато неисчислимыми последствиями и делает поддержание нормальных межгосударственных отношений невозможным.

С первых дней Великого Октября Советская Россия выдвинула как основополагающий принцип то положение, что идеологические разногласия не должны быть поводом для вооруженных столкновений между госу-

дарствами с различным социально-экономическим строем. Выйдя из первой мировой войны, Советское государство стало последовательно проводить в жизнь миролюбивую ленинскую внешнюю политику, отстаивало принцип невмешательства во внутренние дела других государств, уважение их суверенных прав.

Практика международных отношений убедительно доказала, что ленинские принципы внешней политики являются единственно разумной основой для взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами. Успехи советской внешней политики в 20—30-х годах бесспорны. СССР в течение двух десятилетий сумел сохранить мир, что было отнюдь нелегкой задачей при тогдашнем положении Советского государства на международной арене, воинствующем антикоммунизме, пронизывавшем политику Запада. В этих условиях усилия партии и всего советского народа были направлены на построение и упрочение социализма, что одновременно подготовило страну к серьезнейшему испытанию — вооруженной схватке с фашистской Германией и ее сателлитами.

В годы второй мировой войны СССР и США сотрудничали в борьбе против общего врага. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне был по достоинству оценен во всем мире. Симпатии к СССР росли и среди американцев. И они зиждились не только на эмоциях — преклонении перед советскими людьми, защитившими цивилизацию от фашистского варварства, но и на соображениях реалистической политики. В огне тяжелейших испытаний СССР показал и доказал, что является верным союзником в войне и надежным партнером при решении сложных политических проблем.

В августе 1945 года, незадолго до своей смерти, влиятельный политический деятель США Г. Гопкинс, соратник президента Франклина Д. Рузвельта, написал записку, которую можно рассматривать как его политическое завещание: «Мы знаем, что мы и Россия являемся двумя наиболее могущественными нациями в мире как по людским, так и по сырьевым ресурсам. Известно также, что мы смогли бороться бок о бок с русскими в величайшей войне в истории. Мы знаем или считаем, что интересы России в той степени, в какой мы можем их предвидеть, не дают основания для серьезных разногласий между нами во внешних делах. Мы знаем, что мы

взаимозависимы в экономическом отношении. Мы знаем, что с русскими легко иметь дело. Русские, несомненно, любят американский народ, они любят Соединенные Штаты, они доверяют Соединенным Штатам больше, чем какой-либо другой державе в мире. Я уверен, что у них не только нет никакого желания воевать с нами, но что они полны решимости занять свое место в мировых делах в международной организации, и прежде всего они хотят поддерживать дружественные отношения с нами...

Советский Союз — это 180 миллионов трудолюбивых, гордых людей... Это люди волевые, решительные, мыслящие и действующие так же, как и мы с вами. Наша политика в отношении России не может диктоваться людьми, уже решившими, что нет возможности сотрудничать с русскими и что наши интересы сталкиваются и в конце концов должны привести к войне. Я считаю эту позицию несостоятельной, и она может привести только к катастрофе»[3].

Американский публицист С. Сульцбергер, много путешествовавший по свету, выпустил в 1969 году объемистый том воспоминаний и записей под экстравагантным названием «Длинный ряд свечей». Документы, включенные в книгу, иллюстрируют дух доброжелательства и симпатии американцев к советскому народу-освободителю, показывают тот отпор, который они давали попыткам сеять раздор между нашими странами.

9 марта 1946 г. Сульцбергер с «величайшим восторгом» пополнил свой дневник текстом приказа, который он прочитал в штабе американской части в Вюрцбергере (Западная Германия): «Советское правительство — союзник Соединенных Штатов Америки, и вы вместе или поодиночке — представители нашего правительства. И я не потерплю никаких уничижительных замечаний против наших союзников... Миллионы русских солдат и гражданских лиц погибли, чтобы спасти наши шкуры. Если пропаганда побуждает вас ненавидеть русских, остановитесь и подумайте. Они умирали и за вас... Если вы думаете, что я красный и поспешите донести, вот что я вам скажу. Политически я — консервативный демократ, южанин. Мой предок был убит в войне за независимость США. Русские — наши союзники. Они мужественны. Они спасли нас от немецких орд; и еще одно — я не хочу больше воевать. Думаю, что хватит войн. Вы предупреждены. Подполковник Фрэнк В. Эби»[4],

Сульцбергер, побывавший в Москве в майские дни 1945 года, описывает, как огромные толпы у здания американского посольства, располагавшегося тогда неподалеку от Красной площади, с энтузиазмом приветствовали представителей США, партнера СССР по антигитлеровской коалиции, внесшего свой вклад в победу над фашизмом[5].

Подобные свидетельства с обеих сторон можно легко умножить. Поучительно не это, а то, что в серьезной американской литературе сочли возможным во весь голос заговорить об этом лишь на рубеже 60—70-х годов. До этого времени на протяжении более двух десятилетий соответствующие факты просто замалчивались. Оно и понятно, бушевала «холодная война», интересы ведения которой с американской стороны шли вразрез с объективным подходом к прошлому.

Подавляющее большинство американских историков предвзято освещало возникновение «холодной войны». Истоки фальсификации этого периода в американской историографии ясны. Как указывал еще Ф. Энгельс, «лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»[6].

Вся вина за обострение американо-советских отношений после второй мировой войны в течение многих лет в США возлагалась только и исключительно на СССР. Советский Союз изображался агрессором, а США — «жертвой», которой-де не оставалось ничего иного, как защищаться. Такова суть концепции о возникновении «холодной войны», господствовавшей в США по крайней мере до второй половины 60-х годов.

Такого рода «аргументацию» трудно принять всерьез по многим причинам.

Исход второй мировой войны подтвердил, что генеральное направление исторического развития определяют идеи Великого Октября. Победа над фашизмом отвечала коренным закономерностям эпохи, открытым и объясненным подлинно научным учением — марксизмом-ленинизмом. Разгром фашистских держав создал условия для превращения социализма в мировую систему. Возникает социалистическое содружество. С прогрессирующей быстротой распадается колониальная система империализма.

Рост сил социализма и демократии вызвал понятную

ярость империалистической реакции. Происходит резкое обострение классовой борьбы в сфере международных отношений. Правящие круги Соединенных Штатов берут на себя роль гаранта и защитника международного капитализма. Вашингтон был преисполнен решимости возглавить послевоенный мир.

* * *

Еще при жизни Ф. Рузвельта в США поговаривали о необходимости «твердой» политики в отношении Советского Союза. Однако реалистически мысливший президент без особого восторга относился к подобным разговорам.

Обычно отмечают, что перед смертью людям свойственно обращаться к прошлому, подводя итоги пройденному пути. Вряд ли, конечно, Ф. Рузвельт, составляя последний вышедший из-под его пера документ — краткий ответ У. Черчиллю, собиравшемуся произнести в палате общин резко антисоветскую речь и запрашивавшему мнение президента на сей счет, — мог предвидеть, что доживает последние сутки. Тем не менее его предсмертное послание, отправленное в Лондон за час до кончины, вобрав в себя тогдашнее настоящее, бросало свет и на отношение Рузвельта к прошлому. Президент писал: «Я склонен преуменьшать общую проблему Советов, насколько это возможно, ибо такие проблемы в той или другой форме возникают каждый день. Большинство из них улаживалось... Однако мы должны быть твердыми и до сих пор наш образ действия был правильным»[7].

На пороге смерти Рузвельт стоял за продолжение и в мирное время нормальных отношений с СССР. Президент знал, что говорил: человечеству вскоре предстояло получить оружие неслыханной разрушительной силы. Лишь международное сотрудничество могло оградить мир от атомной катастрофы. Построить его без поддержания в послевоенном мире нормальных отношений между двумя крупнейшими державами, представляющими противоположные социальные системы, было невозможно. Вот почему, подчеркивал американский специалист в области международных отношений Д. Флеминг, «для Рузвельта, великого политического деятеля, каким он был, не могло быть иной рациональной политики»[8].

Конечно, не сразу и не вдруг пришел Рузвельт к этой мысли. Она выкристаллизовывалась в ходе его деятельности на посту президента с 1933 года. Огонь войны, когда державы фашистской «оси» создали смертельную угрозу всему человечеству, закалил его убеждение — только в сотрудничестве с Советским Союзом возможно строительство прочного послевоенного мира.

Такого рода реконструкция внутреннего мира президента Рузвельта применительно к описанной проблеме представляется правильной. Современные и позднейшие политические недруги президента в США, естественно, атаковали такую концепцию мотивов политики Рузвельта в отношении СССР. Они находили ее прежде всего слишком простой, пытаясь подставить иные значения под совершенно ясные действия президента США. Во всяком случае, с жаром упрекали его в политической близорукости. Дж. Гэддис, вполне компетентный знаток вопроса, в 1978 году в работе, носящей обзорный характер, указал, что иного для Рузвельта не было дано, он работал в рамках соотношения сил, складывавшегося в антигитлеровской коалиции в результате побед Советского Союза.

Не личные симпатии или антипатии Рузвельта определяли его подход к СССР, а кажущаяся на первый взгляд «простота» его действий была очень сложной суммой слагаемых. «Критики задним числом бросают обвинение, что Рузвельт был наивен до безответственности, упорствуя в своей вере, что он может завоевать доверие Сталина личной сердечностью, политическим умиротворением и безоговорочной помощью. В действительности его подход был куда более реалистичен. Политику, когда открытие второго фронта было задержано более чем на два года, послевоенная помощь связывалась с политическими уступками, начисто отрицалась любая возможность раскрыть (СССР) данные об атомном оружии, едва ли можно квалифицировать как потворство из робости. Когда Рузвельт шел на уступки, то дело обычно касалось тех регионов, где англо-американцы физически не могли употребить свою мощь, чтобы лишить русских того, чего они желали»[9]. И не последнее по значимости — администрация Ф. Рузвельта имела на руках войну против держав фашистской «оси».

После смерти Рузвельта президентом США стал

60-летний Г. Трумэн, имевший за плечами политический опыт, приобретенный в сфере почти исключительно внутренней политики, главным образом в защите интересов штата Миссури. Лишь в очень зрелом возрасте Трумэну, не выполнявшему до этого никаких сколько-нибудь важных политических функций в масштабах страны, удалось выдвинуться. Весной 1941 года он добился создания специального сенатского комитета по расследованию национальной программы обороны, который и возглавил. На этом посту Трумэн вел себя весьма осмотрительно, на деле закрывая глаза на оргию наживы монополий в годы войны, ограничиваясь сдержанными рекомендациями по улучшению военного производства. Все это создало ему репутацию человека в высшей степени разумного. Последовало и вознаграждение — Трумэн стал вице-президентом.

К апрелю 1945 года вице-президент пробыл на своем посту только три месяца. За это время он лишь дважды беседовал с Рузвельтом, и то по второстепенным вопросам. Теперь ему многому предстояло учиться. Впрочем, «ученичество» не затянулось и по очень простой причине: не обладая большими знаниями, Трумэн был во власти антикоммунистических стереотипов.

Новый президент на лету схватывал внушения махровых реакционеров, отражавших, однако, по его мнению, голос нации. Озлобленные итогами войны и напуганные ростом сил демократии в мире, они твердили о необходимости «жесткой линии» в отношении доблестного союзника, то есть повторяли доводы, не производившие большого впечатления на Рузвельта.

С величайшей самоуверенностью Трумэн объяснял американскому послу в СССР А. Гарриману, что он отнюдь не боится русских, ибо «Советский Союз нуждается в нас больше, чем мы в нем». Конечно, по мнению Трумэна, США не могут рассчитывать на 100-процентное удовлетворение своих требований, но мы «должны быть в состоянии получить 85 процентов». Если же «русские» не согласятся, то пусть тогда они «проваливаются ко всем чертям»[10]. В кристальной ясности и четкости изложения мыслей новому президенту нельзя было отказать! Причем, Трумэну не пришлось менять давние политические убеждения, когда он изрекал эти тирады. Американский историк Б. Бернстейн замечает: «Трумэн как враг русского коммунизма, он сам ранее

так называл себя, не доверял России». («Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, — высказался сенатор Трумэн после нападения фашистской Германии на Советский Союз, — нам следует помогать России, а если Россия будет выигрывать, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают как можно больше»[11]). Обосновавшись в Белом доме, Трумэн был преисполнен решимости «продолжить» политику своего предшественника в отношении СССР.

Уже 23 апреля 1945 г. на совещании с членами правительства и командованием вооруженных сил в Белом доме Трумэн недвусмысленно заявил: «Я намереваюсь быть твердым в отношении России»[12]. Присутствовавшие одни с удовлетворением, другие с замешательством приняли к сведению заявление президента.

Военные сделали надлежащие выводы. Вскоре после этого командующий военно-воздушными силами генерал Г. Арнольд подчеркнул в беседе с английским главным маршалом авиации Ч. Порталом: «Наш следующий враг — Россия... Для успешного использования стратегической бомбардировочной авиации нам нужны базы, расположенные по всему периметру ее границ, с тем чтобы мы могли достичь любого объекта в России, который нам прикажут поразить»[13].

Некоторые полагают, подчеркивает Д. Флеминг, «что холодная война не была начата до 1947 года, но ясно.., что президент Трумэн был готов начать ее еще до истечения своего двухнедельного пребывания на посту. 23 апреля 1945 г. перечеркнуло годы работы Рузвельта.., в ходе которой были заложены основы взаимопонимания с советскими руководителями»[14]. В тот день президент принял в Белом доме советского министра иностранных дел В. М. Молотова. Игнорируя решения Ялтинской конференции, предусматривавшие согласованные действия США и СССР в послевоенном мирном урегулировании в Европе, Трумэн поставил перед советской стороной чуть ли не ультиматум. Он требовал, чтобы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, и прежде всего в Польше, были созданы режимы, способствующие их превращению в пресловутый «санитарный кордон» вдоль советских границ. В общем, хвалился Трумэн после беседы, «я врезал ему [советскому министру] пару раз прямо в челюсть»[15].

На другой день И. В. Сталин указал в послании

Трумэну: «...Советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита... во имя освобождения Польши». Сталин указывал, что согласен способствовать достижению урегулирования данной проблемы. «Но Вы требуете от меня слишком многого... Я не могу пойти против интересов своей страны»[16].

В мае по распоряжению президента США внезапно прекратили поставки СССР по ленд-лизу под тем предлогом, что боевые действия против Германии окончились. Это шло явно вразрез с договоренностью, в соответствии с которой Соединенные Штаты уже выделили Советскому Союзу 935 млн. долл. на следующий год после победы над Гитлером. Трумэн, однако, не взял на себя труд объясниться. Решение о прекращении США поставок СССР по ленд-лизу было не чем иным, как средством «экономического давления» на недавнего союзника[17].

«Жесткий курс» начал получать публичное оформление, а тем временем уже вынашивались опасные для дела послевоенного мира планы. Уже 24 апреля 1945 г. президент получил от военного министра Стимсона записку следующего содержания: «Уважаемый господин Президент! Мне совершенно необходимо как можно скорее переговорить с Вами по чрезвычайно важному и секретному делу. Я вкратце сообщал Вам о нем уже вскоре после Вашего вступления на пост, но с тех пор не считал возможным беспокоить Вас ввиду тех многочисленных трудностей, с которыми Вам пришлось столкнуться. Однако решение этого вопроса представляется мне столь важным для дальнейшего развития наших международных отношений и столь глубоко занимает мои мысли, что я считаю себя обязанным немедленно ввести Вас в курс дела»[18].

Стимсон не преувеличивал. Ему предстояло рассказать президенту о ходе работ по созданию атомной бомбы. До начала испытаний «Толстяка», так ученые-атомщики назвали первый образец нового оружия, оставались считанные месяцы. На приеме у президента 25 апреля 1945 г. Стимсон назвал 1 августа — примерную дату, когда, по его мнению, атомная бомба могла быть готова. Так Трумэн познакомился с тогдашним самым

секретным предприятием в США под кодовым названием «Манхэттенский проект». Лишь очень узкий круг лиц знал о его истинном предназначении. Конгресс же, голосовавший за ассигнования на «Манхэттенский проект», не имел ни малейшего понятия о том, куда идут эти средства.

Вводя Трумэна «в курс дела», военный министр счел себя обязанным подчеркнуть, что, хотя работы и близки к завершению, необходимо «отложить любое обострение отношений с Россией до тех пор, пока атомная бомба не станет реальностью и пока мощь ее не будет наглядно продемонстрирована». Подчеркивая, что новое оружие должно стать ценным инструментом дипломатии, «Стимсон, — пишет американский исследователь Г. Алпровиц, — не верил, что эта новая сила может вынудить русских принять американские условия в спорных дипломатических вопросах...» Стимсон считал, и об этом он сообщил Трумэну, что Соединенные Штаты не смогут долго «удерживать монополию на бомбу»[19].

Нащупывая возможные пути использования атомной бомбы, прежде всего как средства дипломатического нажима, Стимсон реально оценивал тогдашнее соотношение сил в мире и на большее не замахивался. Военный министр пришел к выводу, что секрет нового оружия может стать предметом сделки с советской стороной за столом мирных переговоров. При обсуждении этой проблемы с Трумэном 25 апреля он прямо заявил: «Вопрос раздела (атомных секретов)... и ...условия их раздела становятся основным вопросом нашей внешней политики»[20]. До сих пор, однако, не вполне ясно, как соотнести планы военного министра по использованию атомного оружия в дипломатических целях с его известными сомнениями в том, что такой подход мог вынудить СССР пойти на уступки американской стороне в спорных вопросах.

Более или менее удовлетворительное объяснение, по всей вероятности, дал М. Шерри, который в своей книге, вышедшей в 1977 году, показал споры среди высшего военного командования США в 1945 году по поводу возможностей атомного оружия. Если политики уже тогда запугивали «русской угрозой», то американские профессиональные военные судили по делам: они на исходе второй половины войны достаточно трезво взвеши-

вали вклад в нее СССР и результаты сотрудничества с великим союзником. На заседании сверхсекретного временного комитета, в задачу которого входила оценка значения атомного оружия, начальник штаба армии США Д. Маршалл отверг утверждение, что СССР в годы войны был будто бы «неискренним» в отношениях с США. Генерал судил как военный. «Эти утверждения, — сказал он, — совершенно необоснованны. То, что представляется как кажущееся стремление России не сотрудничать в военных делах, объясняется необходимостью сохранения военной тайны». Маршалл предложил продемонстрировать добрую волю США, пригласив на испытания атомной бомбы «двух известных русских ученых». Предложение, конечно же, пропустили мимо ушей.

В руководстве военного министерства США довольно скептически отнеслись к намерению администрации вести дело к немедленной конфронтации с СССР. Давний друг и советник Стимсона Г. Дорр 8 июня 1945 г. счел необходимым просветить высших чинов министерства, указав на малую обоснованность аргументов, которыми Трумэн и к° пытались подкрепить враждебный к СССР курс. «Я не понимаю, — писал Дорр, — как мы можем ожидать терпимого отношения русских к существованию капиталистической системы или свободы для данной страны жить при этой системе, если мы не можем проявить такой же терпимости к существованию социалистической системы экономики». Дорр поставил под сомнение весь тезис о «советской угрозе», указав, что «сам характер социалистической экономики окажется менее агрессивным, чем капиталистический, ибо социализм направлен на создание самообеспечивания». Он серьезно предупреждал, что политика, избираемая в отношении СССР, будет неизбежно рассматриваться советским народом через «призму опыта Мурманска, Восточной Сибири и „санитарного кордона"», что не может не осложнить американо-советских отношений. Мотивы рекомендаций подобного рода, как и позиция генерала Маршалла, очевидны. Уже тогда высшее командование вооруженных сил США приходило к выводу, который окончательно был зафиксирован в документах комитета начальников штабов осенью 1945 года: атомная бомба «будет лишь дополнением к обычным видам вооружений» и не «революционизирует» вооруженную борьбу[21].

Позиция Стимсона, несомненно формировавшаяся с учетом всего этого, отличала его от сторонников «жесткого курса». Стимсон, по всей вероятности, не видел в атомной бомбе философского камня американской внешней, и тем более военной политики, но безоговорочно признавал за ней средство психологического давления. Он рекомендовал президенту отложить встречу глав правительств трех великих держав до начала июля, то есть до того времени, когда уже должны были быть получены сведения о результатах первых испытаний атомной бомбы. Стимсон считал, что «наибольшие осложнения могут возникнуть во время встречи «большой тройки», если к этому времени испытания не будут еще завершены»[22].

Президент согласился. С этого момента начало совещания в верхах было привязано к графику по созданию атомного оружия. «По моему мнению, — убежденно заявил государственный секретарь США Д. Бирнс, — атомная бомба обеспечит нам возможность продиктовать условия мира по завершении войны»[23].

Так думали политики. Ученые же не скрывали своей озабоченности тем, что в руках одного государства — Соединенных Штатов Америки вот-вот окажется самое разрушительное оружие, которым когда-либо владело человечество. Лауреат Нобелевской премии Д. Франк возглавил специально созданный комитет по изучению социальных и политических последствий использования атомного оружия. Ведущие ученые, работавшие в комитете, подготовили доклад-рекомендацию, который 11 июня 1945 г. был передан в канцелярию Стимсона. Зная, что вопрос о применении атомной бомбы против Японии уже решен, авторы доклада взывали к американскому правительству проявить благоразумие. Они «просили отказаться от внезапного атомного удара, писали о необходимости выступить с ультиматумом или в крайнем случае дать японцам возможность эвакуировать население из районов, подлежащих атомному удару»[24]. Однако администрация Трумэна оказалась глухой к «докладу Франка» и другим выступлениям ученых.

Это не должно удивлять. Позиция, занятая Трумэном, отнюдь не была личной, а являлась практическим воплощением в жизнь тех рекомендаций, которые были выработаны и одобрены администрацией Ф. Рузвельта. На протяжении почти четырех лет, пока осуществлялся

«Манхэттенский проект», никогда не ставилось под сомнение значение атомной бомбы как военного средства. Равным образом неизменно считалось, что Советский Союз не должен быть посвящен в тайну подобного оружия. Разыскания в американской историографии, основывающиеся на рассекреченных к середине 70-х годов архивных документах, доказывают это[25]. Все обстоит именно так. Однако неизбежно возникает вопрос — не является ли акцент на выполнении Трумэном рекомендаций, принятых при Рузвельте, попыткой указать на «преемственность» политики Белого дома? Или, если угодно, освятить реноме Рузвельта действия Трумэна? И другое соображение — была ли такая большая необходимость выполнять на закате войны, когда Япония явно стояла на грани поражения, рекомендации, принятые в разгар вооруженной борьбы против держав фашистской «оси», когда была видна только заря победы?

17 июля открылась, наконец, Потсдамская конференция, хотя американская сторона приложила максимум усилий, чтобы потянуть время. В день открытия конференции у Трумэна еще не было отчета об испытаниях нового оружия. Он пришел с курьером лишь 21 июля. Президент с жадностью прочитал документ. Итак, испытание атомной бомбы прошло успешно.

* *

16 июля на пустынном плато штата Нью-Мексико землю потряс оглушительный взрыв. Вспышка ярче тысячи солнц, раскаты грома. В радиусе мили все было разрушено. Дабы пресечь всякого рода толки окрестного населения, для печати было подготовлено сообщение, в котором говорилось, что неподалеку от воздушной базы Аламогордо взорвался склад боеприпасов.

Известия из пустыни буквально окрылили Трумэна. В исследовании о президенте Трумэне Б. Кохран писал: «Трумэн и его ближайшие советники думали использовать бомбу как средство дипломатического устрашения русских. Они надеялись, что применение бомбы приведет к необходимому потрясению, чтобы заставить японцев сдаться до вступления русских в войну на Дальнем Востоке...»[26].

Действительно, иные в высшем эшелоне власти в США считали, что, имея атомную бомбу, Вашингтон

уже не нуждается более во вступлении СССР в войну против Японии. Трумэн полагал, что боевые действия на Дальнем Востоке удастся завершить еще до наступления Красной Армии.

После одного из заседаний конференции Трумэн в чрезвычайно приподнятом настроении сообщил Сталину о том, что США располагают новым оружием, обладающим небывалой разрушительной силой. Президента явно интересовала реакция советской стороны.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, присутствовавший на конференции, писал: «У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Черчилль, как и многие другие англо-американские деятели, потом утверждал, что, вероятно, И. В. Сталин не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают.

И. В. Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла о создании атомной бомбы»[27].

Хотя по завершении войны в Европе перед Советским Союзом стояли неотложные, громадные задачи по восстановлению народного хозяйства, требовавшие напряжения всех сил и средств, Советское правительство, верное союзническому долгу, приняло решение выступить против милитаристской Японии. Враждебное отношение Японии к СССР, ее участие в антикоминтерновском пакте и тройственном союзе, постоянная угроза советским дальневосточным границам, а также стремление СССР помочь народам Азии в их борьбе против колониализма и империализма — все это и обусловило принятие Советским правительством решения о вступлении в войну с Японией.

В Вашингтоне в обстановке лихорадочных поисков наиболее благоприятного для США окончания войны на Тихом океане было решено применить против Японии атомное оружие еще до выступления Советской Армии на Дальнем Востоке. 6 августа 1945 г. была сброшена

атомная бомба на Хиросиму. Большинство жителей в миле от эпицентра взрыва были мгновенно испепелены. Оставшиеся в живых, но попавшие в зону радиации умирали мучительной смертью. Черные, обуглившиеся тела виднелись повсюду: среди обломков разрушенных домов, в остановившемся транспорте, прямо на дорогах. В городе, застроенном деревянными домами, вспыхнули пожары. Через сутки Хиросима превратилась в мертвую пустыню...

8 августа та же участь постигла еще один японский город — Нагасаки. Результат — 247 тыс. пострадавших в Хиросиме и приблизительно 200 тыс. человек убитых и раненых в Нагасаки.

«Почти совсем невозможно, — пишет Г. Алпровиц, — вообразить тот резкий перелом в умонастроениях американцев, то новое ощущение уверенности и силы, которое появилось у них вслед за атомным взрывом. Чтобы оценить воздействие этого нового оружия на международные отношения, мало простого убеждения, что усиление военной мощи является важным фактором в военных и дипломатических акциях»[28].

В соответствии с договоренностью, достигнутой на Крымской конференции, Советский Союз через три месяца после капитуляции Германии объявил войну Японии. Ранним утром 9 августа 1945 г. Советские Вооруженные Силы начали наступление. Молниеносный разгром японской Квантунской армии положил конец надеждам милитаристов в Токио затянуть войну в Тихом океане. Японское правительство объявило о капитуляции.

Однако, стремясь умалить значение вклада Советского Союза в исход войны на Дальнем Востоке, Трумэн отверг предложение И. В. Сталина об участии советских контингентов в оккупации побежденной Японии. Единоличной оккупацией Японии и поспешным занятием Южной Кореи Вашингтон стремился подчеркнуть свою исключительную роль в послевоенных делах на Дальнем Востоке[29].

Вступление СССР в войну против Японии избавило США от необходимости вторжения на ее острова, что, по минимальной оценке американских штабов, обошлось бы в 1 млн. жертв. СССР буквально спас американский и японский народы от чудовищной резни, в которую неизбежно бы вылились операции на Японских остро-

вах. Победа Советских Вооруженных Сил, а не атомные бомбардировки привели к быстрому завершению войны против милитаристской Японии.

Военной необходимости в применении атомного оружия против двух японских городов, конечно, не было. Помимо прочего к такому мнению пришла специальная американская группа, занимавшаяся анализом результатов стратегических бомбардировок военно-воздушных сил Соединенных Штатов. В отчетном докладе группы подчеркивалось: «Если говорить о Японии в целом, то пережитые ею потери и военные неудачи, например на Сайпане, на Филиппинах и на Окинаве, в два раза превосходят по своей значимости атомную бомбу в смысле убеждения населения страны в неизбежности поражения. С этой точки зрения обычные воздушные налеты на Японию в совокупности в три раза превосходили по своей значимости атомную бомбу»[30].

Решение Трумэна сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки было продиктовано главным образом политическими соображениями: президент рассчитывал запугать Советский Союз. «Американские решения относительно использования атомной бомбы, — подчеркивает Д. Флеминг, — определенно означали конец военного сотрудничества с Советским Союзом...»[31].

Подобные действия Вашингтона не могли не вызывать тревоги в мире. Благодарное человечество отлично знало, что именно Советский Союз спас цивилизацию от фашистского порабощения.

* * *

Ставшая известной в наши дни технология создания мифа о «советской угрозе» — достаточно точный критерий трудностей, которые встали перед Вашингтоном после второй мировой войны. Было отнюдь не просто изобразить вчерашнего союзника сегодняшним противником. Внушения в общем тогда малоизвестного Трумэна и его «серого» окружения едва ли могли иметь большое значение. Требовалось орудие куда большей пробивной мощи. На эту неприглядную роль напросился У. Черчилль.

С июля 1945 года, когда на парламентских выборах возглавлявшаяся им консервативная партия потерпела сокрушительное поражение, он был не у дел. Черчилль,

понятно, пребывал в самом скверном настроении: жалел себя и жаловался на неблагодарность народа, вышвырнувшего консерваторов. Согбенная фигура бывшего премьера, его вздохи были хорошо известны в парламенте, где поговаривали, что неплохо отправить старика в длительный отпуск куда-нибудь подальше от зимнего, неприветливого Лондона. С наигранным простодушием мастер в парикмахерской парламента тепло посоветовал Черчиллю: «Послушайте, сэр, отправляйтесь немедленно. Так-то будет лучше, чем бесцельно бродить здесь, чем вы сейчас только и заняты». Подровнял виски и застыл, испепеленный гневным взором тучного государственного деятеля, величественно поднявшегося из кресла.

Как бы то ни было, пойдя навстречу пожеланию парикмахера или последовав совету друзей, Черчилль в январе 1946 года отправился в длительный отпуск в солнечную Флориду, куда на поклон к маститому политику зачастили трумэновцы. Им Черчилль излил свое раздражение на жизнь, коммунизм, Советский Союз и пр. Они ловили каждое слово желчного старика. Из Вашингтона Трумэн подзадоривал Черчилля — зачем столь прекрасные речи, лейтмотивом которых были сетования на слепость мира, не видящего «советской угрозы», оставлять достоянием немногих. Не лучше ли сделать их достоянием всего человечества. Президент, пламенный патриот родного штата Миссури, предложил, на его взгляд, трибуну громадной высоты — заштатный миссурийский городишко Фултон. Черчилль ухватился за идею и месяца полтора готовил речь, читал ее в фрагментах и целиком Трумэну, государственному секретарю Бирнсу, адмиралу Леги и некоторым другим тогда «великим» в Вашингтоне. Все горячо его одобрили.

В поезде по пути в Фултон, куда Черчилль отправился в сопровождении Трумэна, царило праздничное настроение. Президент купался в лучах славы великого Черчилля и безмерно гордился тем, что обставил англичанина за картами, выиграл в покер целых 75 долл.! Черчилль позднее так отозвался о проигрыше лорду Галифаксу: «Неплохое вложение!»[32]. Трумэн заранее одобрил речь, заметив, что «она великолепна и принесет только пользу, хотя, конечно, и вызовет порядочный шум»[33].

Итак, 5 марта 1946 г в Вестминстерском колледже Фултона У. Черчилль произнес свою речь. В президиуме собрания восседал сияющий Г. Трумэн.

Обрисовав в черных тонах «наступление» коммунизма на мир, английский экс-премьер драматически возвестил: над Европой опустился «железный занавес», поглотивший страны Восточной Европы. США, продолжал Черчилль, должны крепить союз с Англией перед лицом общей «угрозы» с Востока. Оратор призывал Запад к проведению более решительной политики в отношении Советского Союза. Английский деятель говорил о том, что надо отбросить мечты о сотрудничестве великих держав в Организации Объединенных Наций и развернуть мобилизацию ресурсов Запада для противопоставления «коммунистическому экспансионизму».

Трумэн торжествовал: в Фултоне прозвучало «слово»! 11 марта он пишет матери и сестре: «Рад, что вы получили удовольствие от Фултона, так же как я»[34].

Что до сенсации, на которую рассчитывали Трумэн и Черчилль, она пришла, вызвав по крайней мере недоумение. Тут же припомнили: выражение «железный занавес» впервые «изобрел» гитлеровский министр финансов фон Крозинг. То был излюбленный термин геббельсовской пропаганды на исходе войны, когда Красная Армия-освободительница пришла в Европу.

В Советском Союзе по достоинству оценили выступление Черчилля. «Несомненно, — писала «Правда» от 14 марта 1946 г., — что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Поразительно, удивлялась задним числом любящая дочь Трумэна Маргарэт в пухлой книге воспоминаний об отце, почему Сталин расценил речь в Фултоне как недружественную по отношению к Советскому Союзу, присовокупив, что в СССР ничего подобного в адрес США не могло быть произнесено. «Никогда не было более трагического доказательства полной неспособности русских... понять свободное общество»[35], — восклицала эта дама. Поистине комментарии тут излишни.

Отец Маргарэт в марте 1946 года рассудил по-иному. На пресс-конференции, проведенной по горячим следам выступления Черчилля в Фултоне, он начисто отрицал, что видел текст речи до ее произнесения. Опровержения — опровержениями, но дело было сделано: шаткий курс, избранный Вашингтоном в отношении СССР, в

глазах западного обывателя подкреплялся авторитетом великого по тамошним масштабам государственного деятеля.

Фултонская эскапада Черчилля, хотя и носившая ярко выраженный личный характер, находилась в русле генерального направления общей оценки СССР, которая именно в эти недели возобладала в тайных советах Вашингтона. Ненавистники коммунизма, адепты антисоветизма в руководящих кругах США нашли квазифилософское объяснение своих достаточно пестрых убеждений в «длинной телеграмме», которую 22 февраля 1946 г. направил в государственный департамент временный поверенный в делах США в Москве Дж. Кеннан. В этом документе из 8000 слов Кеннан, почитавшийся тогда ведущим американским экспертом по делам Советского Союза, сформулировал дремучее антикоммунистическое кредо в пристойных выражениях, и даже не без претензий на научный анализ. Он предложил именовать «жесткий курс» в отношении Советского Союза политикой «сдерживания».

Ручаясь за свой авторитет специалиста по «русским делам», Кеннан утверждал, что Советский Союз будто бы не считает возможным поддержание «постоянного модус-вивенди» с Соединенными Штатами и стремится к уничтожению американского образа жизни. Отсюда следовал вывод о необходимости «сдерживания» коммунизма, для чего, предлагал автор, Советский Союз должен быть окружен тесным кольцом американских военных баз. Иного пути, заклинал Кеннан, нет, ибо внешняя политика СССР якобы формируется не с учетом внешнего окружения, а только в зависимости от внутренних потребностей «режима». Давая в целом уничижительную оценку политики СССР, Кеннан настаивал на оказании давления на нашу страну по всем линиям, что приведет-де к падению советской власти[36].

Государственный департамент всецело одобрил точку зрения Кеннана «как наиболее правдоподобное объяснение нынешней советской политики» и заключил, что Соединенные Штаты должны продемонстрировать Москве «сначала дипломатическими методами, а в случае необходимости военной мощью, что ее нынешний курс может привести только к катастрофе для Советского Союза»[37]. Сам автор спустя много лет в мемуарах вы-

разил «изумление, граничащее с ужасом», по поводу оценки в Вашингтоне его нашумевшего сочинения, звучавшего как «наставление взволнованного комитета конгресса или творение организации «Дочери американской революции», предназначенное поднять граждан против опасности коммунистического заговора»[38]. Он напрасно язвит в мемуарах. Телеграмма от 22 февраля 1946 г. Трумэном, правительством и командованием вооруженных сил была принята как откровение свыше. Принята как руководство к действию, точнее, как дававшая обоснование политики, не имевшей иного обоснования кроме голой антикоммунистической риторики[39].

Надо думать, что и Черчилль в канун выступления в Фултоне был ознакомлен с новыми откровениями Кеннана. Написанное Кеннаном из Москвы, разумеется, держалось в строжайшей тайне, но, когда «сдерживание» было официально принято правительством Трумэна в качестве основы американской внешнеполитической доктрины, Дж. Кеннан дал ему публичное теоретическое обоснование в статье, подписанной «г-н X».

Публикация увидела свет в июльском номере журнала «Форин афферс» за 1947 год. В статье доводилось до всеобщего сведения, что в основе американской политики в отношении СССР должно быть твердое и бдительное сдерживание «экспансионистских устремлений» Москвы[40]. Кеннан с уверенностью «предсказывал», что проведение в жизнь такой политики приведет к «развалу» СССР через 10, максимум 15 лет. Крайний субъективизм оценки целей политики Советского Союза очевиден, а между тем, исходя из этих посылок, Дж. Кеннан и разрабатывал теоретические основы американской внешней политики в отношении СССР. Автор не остался без награды: он возглавил отдел планирования политики госдепартамента, а посему пожелал остаться неизвестным. Правда, вскоре его псевдоним был раскрыт.

Стратегия «сдерживания», разумеется, преподносилась как курс на оборону от Советского Союза. Однако истинное содержание нового стратегического курса свидетельствовало об обратном. Оценивая «сдерживание», американский исследователь вопроса Д. Бернхэм нашел, что «немедленное возведение барьеров против экспансии русских в то же время создаст баланс сил в пользу США. Россия будет поставлена перед альтерна-

тивой, но в любом случае преимущества будут на стороне США, как «активного противника». Если Москва будет продолжать относиться к Америке враждебно, она в конечном счете будет вынуждена сражаться против нее, причем США будут иметь явное преимущество в силе. У русских будет и другой выход: признать новый баланс сил и согласиться на американские условия, изменить свою политику»[41].

Политика «сдерживания» — яркий пример попытки империалистического диктата. Раскрывая ее сущность, советский историк Н. Н. Яковлев указывает: «... стратегия «сдерживания» соответствовала традиционному принципу американской политики «баланса сил». Соединенные Штаты проводили «сдерживание» не только и не столько собственными силами, оказывая военную и экономическую помощь, они противопоставляли лагерю мира и демократии другие капиталистические страны, создавая предпосылки для ведения войны чужими руками. В то же время, ссылаясь на потребности «сдерживания», США пошли на огромное расширение своих баз за океаном»[42].

Основой этой доктрины служила монополия США на атомную бомбу. С помощью наращивания вооружений и укрепления капитализма в странах западного лагеря, прежде всего расположенных в территориальной близости к Советскому Союзу, в Вашингтоне рассчитывали изолировать страны социалистического содружества. «Сдерживание» закрепляло лидирующую роль США в западном мире, отражало устремления правящих кругов США к установлению мирового господства Америки.

Внешнеполитический курс Трумэна — Ачесона, продолжает Д. Флеминг свой анализ генезиса «холодной войны», выглядит «даже более зловещим», если принять во внимание некоторые замечания, сделанные самим президентом относительно его сущности. Например, заслуживает внимания речь Трумэна весной 1947 года. Делая обзор экономической внешней политики США, Трумэн подчеркнул: «Весь мир должен одобрить американскую систему», а сама эта система «может выжить в Америке только, если она станет мировой системой»[43].

Претворение в жизнь доктрины «сдерживания» связано с именем Маршалла, занявшего пост государственного секретаря. Теперь полноправный политик, он быст-

ро забывал свои недавние генеральские заблуждения. 27 февраля 1947 г. лидеры конгресса, приглашенные в Белый дом, узнали от Трумэна и Маршалла о «катастрофе», грозящей в ближайшем будущем Греции и Турции. Суть их наставлений свелась к тому, что США должны немедленно прийти на помощь этим странам.

Заместитель государственного секретаря Д. Ачесон беспокойно ерзал на месте, выслушивая неторопливые рассуждения Маршалла, он не видел в них должной зубастости. Ачесон, ярый антикоммунист, прекрасно понимал, что Маршалл вознесен на пост государственного секретаря по причинам, сходным с теми, которые вызвали недавнее использование Черчилля в Фултоне, — освятить безупречным авторитетом генерала, руководившего масштабными операциями в годы второй мировой войны, козни трумэновской администрации.

Впоследствии Ачесон вспоминал: «Мой выдающийся начальник совершенно необычно и прискорбно скомкал свое заявление (надо думать, что Маршалл как военный, привыкший оперировать фактами, был повергнут в смущение, когда ему пришлось по указке свыше нести явный вздор о несуществующей «советской угрозе». — *О. С.*). В отчаянии я шепотом попросил у него разрешения выступить. То был мой тезис, я вынашивал его целую неделю». Ачесон дорвался до трибуны и понеслось: «Весьма вероятный прорыв Советов (на Ближний Восток) откроет для советского проникновения целых три континента. Как гнилое яблоко в корзине заражает все остальные, так и Греция заразит Иран и весь Восток... Африку... Италию и Францию... Со времен древнего Рима и Карфагена мир не видел такой поляризации сил»[44]. Ачесон умел и любил говорить. Правда, убеждая тех, кто хотел верить, каковыми оказались руководители обеих палат конгресса США. Мнения президента, государственного секретаря и риторика Ачесона для них были неотразимы. Посему они согласились поддержать предложения Трумэна.

Решение о «помощи» Греции и Турции было сформулировано в специальном послании Трумэна конгрессу от 12 марта 1947 г. Основные положения послания легли в основу «доктрины Трумэна». Непосредственной ее целью было создание американских баз в восточном средиземноморье для утверждения американского господства в этом районе.

У. Липпман тогда заметил по поводу «доктрины Трумэна»: «Мы выбрали Турцию и Грецию не потому, что они так уж нуждаются в помощи, и не потому, что они — блестящий образец демократии, а потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море, к сердцу Советского Союза»[45].

К апрелю 1948 года американская «помощь» Греции и Турции составила 337 млн. долл., при этом Греция израсходовала 59%, а Турция — 100% выделенных им средств исключительно на военные нужды[46].

Поддержка США стабилизировала соответствующие режимы в этих странах. Прогрессивный турецкий историк Тюрккая Атаёв подчеркивал в своей книге «США, НАТО и Турция»: «Не подлежит сомнению, что правительство Трумэна располагало достаточной информацией о режимах и правителях, которых собиралось поддерживать. Оно прекрасно знало, с какими правительствами намерено сотрудничать. Трумэн, помогая в соответствии со своей доктриной греческому правительству, показал решимость США поддерживать именно подобного рода правительства... Правая пресса Греции не делала секрета из того, что американская помощь означает широкую поддержку всех осуществляемых греческим правительством мероприятий. Следовательно, США считали желательным, чтобы правые элементы Греции установили свой контроль над всей государственной машиной, оттеснив левых». Таким образом, заключает Атаёв: «...„доктрина Трумэна" была выдвинута отнюдь не с целью оказать помощь Греции и Турции. Эта доктрина была проявлением все той же старой империалистической политики США применительно к новым условиям»[47].

Спустя два дня после начала московской сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, где обсуждались важнейшие вопросы послевоенного мирного урегулирования, Трумэн выступил со своим посланием конгрессу. На этой сессии Советский Союз выступил с предложениями о демилитаризации и демократизации Германии, немедленной подготовке мирного договора с ней и с другими мирными инициативами, которые были, однако, отвергнуты американской стороной.

«Доктрина Трумэна» явилась открытым вызовом и по справедливости расценивалась как объявление анти-

коммунистического крестового похода. Трумэн и его администрация видели мир только в черных и белых красках. Подспудная идея этой доктрины — кто не с нами, тот против нас, для нейтральных места нет.

Д. Флеминг живо воссоздал то состояние изумления и беспокойства, которое охватило миллионы европейцев, когда они узнали о «доктрине Трумэна». В Лондоне «громы протеста и иронические восклицания лейбористских членов парламента прерывали каждую попытку ораторов в палате общин охарактеризовать программу президента Трумэна об американской помощи Греции и Турции как шаг на пути к мировой свободе и демократии»[48]. И так было повсюду. Действия американского правительства слабо вязались с фразами Вашингтона о миролюбии.

Теоретик «сдерживания» Дж. Кеннан относился к «доктрине Трумэна» без особого энтузиазма, считая ее слишком прямолинейной, грубо сработанной, с чрезмерным акцентом на чисто военные аспекты. Гораздо бо́льшие надежды он возлагал на «план Маршалла» — другое детище «сдерживания». В рекомендациях отдела планирования политики госдепартамента общие цели этого плана трактовались следующим образом: «Коммунисты используют в своих целях кризис в Европе, дальнейшие успехи коммунистов в этой области создадут серьезную угрозу для безопасности США... Усилия Соединенных Штатов должны быть направлены, однако, не на борьбу с самим коммунизмом, а на восстановление экономического потенциала западноевропейских стран» при американском содействии[49].

Если «доктрина Трумэна» была призвана наполнить идею «сдерживания» милитаристским содержанием, то провозглашенный в июне 1947 года «план Маршалла» был рассчитан прежде всего на подведение экономической основы для организации военных блоков в Европе. По логике авторов этого плана, чтобы противопоставить Советскому Союзу устойчивую «контрсилу», нужно было сначала восстановить экономику стран, составляющих эту «контрсилу», а заодно попытаться проложить для американских монополий путь в европейскую экономику.

В СССР справедливо расценили «план Маршалла» как действия Вашингтона, направленные на подрыв суверенитета европейских стран. Предоставление помощи, указывал Советский Союз, не должно влечь за собой

вмешательство во внутренние дела государства-получателя[50]. Даже Рамадье, тогдашний французский премьер-министр, устранивший коммунистов из своего кабинета, в мае 1947 года вынужден был признать: «С получением каждого нового кредита мы теряем часть своей независимости»[51].

Профессор Бостонского университета Г. Зинн, автор комплексного исследования по проблемам американской внешней политики послевоенного времени, справедливо считает, что в основе послевоенного внешнеполитического курса США лежало стремление правящих кругов США завоевать новые сферы влияния и установить мировое господство. При этом вашингтонские политики тщательно маскировали свои намерения заявлениями о необходимости «остановить коммунизм». Именно такая позиция, подчеркивал автор, помогла США оказать помощь режимам в Греции и Турции, Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке. Важнейшим объектом экспансии США после второй мировой войны становится Западная Европа. Усиление этой экспансионистской тенденции Зинн связывает прежде всего с принятием «плана Маршалла», особо выделяя, что с его помощью США «купили себе право» политического влияния в странах Западной Европы, а также контроля над их экономикой, которую США смогли ориентировать в своих интересах[52].

Политика «сдерживания» не достигла планировавшихся целей. Хотя «сдерживание», однозначное «холодной войне», решительно осложнило международную обстановку, замыслы инициаторов этой политики изменить соотношение сил между СССР и США обанкротились. Много позже последовали запоздалые раскаяния Дж. Кеннана, сетовавшего, что его-де не так поняли, сведя отношения между двумя системами — капиталистической и социалистической — только к военной конфронтации.

С большим запозданием он прозрел: сложившееся в результате второй мировой войны равновесие сил между СССР и США не давало Соединенным Штатам, даже в период временной монополии на атомное оружие, какого-нибудь явного перевеса. Как выразился в 1948 году в беседе с журналистами генерал Б. Смит, занимавший в 1946—1948 годах пост американского посла в СССР, если между США и Советским Союзом раз-

разится война, она будет «катастрофической войной, которую никто не выиграет»[53].

Ничего Вашингтон с этим поделать не мог. Научно-технические достижения Советского Союза явились прочным щитом социализма. На создателя политики «сдерживания» все это подействовало отрезвляюще.

В мемуарах, выпущенных в 1967 году, Кеннан буквально каялся: «Я не смог изложить то обстоятельство, что когда я говорю о сдерживании советской мощи, то имею в виду не сдерживание военной угрозы военными средствами, а сдерживание политической угрозы политическими методами»[54]. Истинный смысл статьи «Истоки поведения Советов», по словам Дж. Кеннана, заключался в том, что, «не желая войны» с СССР, он предлагал «другой путь», а конкретно — путь повсеместного сопротивления попыткам СССР «расширить сферу своего политического влияния»[55].

Спустя еще десять лет, в декабре 1977 года, Кеннан открылся в публичном выступлении в Вашингтоне: «Тридцать лет назад мне довелось выразить мнение по поводу советско-американских отношений, которое легло в основу статьи в журнале «Форин афферс», подписанной псевдонимом «Х». Статья эта приобрела некую прискорбную известность и с тех пор преследует меня по пятам, как верное, но нежелательное и даже определенно затрудняющее мне жизнь животное»[56].

Лучшим опровержением всех этих слов служат собственные суждения автора, относящиеся к периоду разработки основ политики «холодной войны». Как быть, например, с той телеграммой от 22 февраля 1946 г., в которой ясно указывалось: чтобы «сдержать» коммунизм, необходимо окружить Советский Союз тесным кольцом американских военных баз? Или как быть с выступлением Кеннана, находившегося тогда в зените славы, перед группой работников госдепартамента в 1946 году, когда оратор прямо заявил о необходимости «сдерживать их (т. е. коммунистов. — *О. С.*) как в военном, так и в политическом отношениях на протяжении длительного времени в будущем»[57]? Предпочтительнее было бы, конечно, и вовсе не упоминать сей прискорбный факт в мемуарах, однако он существует и проливает свет на тогдашнюю позицию Кеннана, которую он десятилетия спустя пытается объявить только «политической».

Небезынтересна трактовка кеннановского меморандума от 22 февраля 1946 г. Маргарэт Трумэн. На первый взгляд она кажется неожиданной. Она заявляла, что многие историки считают, что меморандум Кеннана определил направление внешнеполитического мышления в Вашингтоне. «Я могу безоговорочно сказать, что такое утверждение — вздор. Дж. Элси, один из ближайших сотрудников моего отца, подтверждает мое впечатление, что доклад Кеннана не поразил никого в Белом доме... „В сущности в нем не говорилось ничего такого, что мы бы уже не знали", — говорит м-р Элси»[58].

Что это? Сознательное преуменьшение роли Дж. Кеннана как «архитектора „сдерживания"»? Несомненно, намеренно снижая «ценность» его меморандума для вашингтонских политиков, Маргарэт, естественно, тем самым возвеличивает фигуру Трумэна. Чуть ли не в обиженном тоне она заключает: «Президент всегда самостоятельно принимал все важные политические решения, ничье влияние не было для него решающим. Ибо, как говорил Элси, „общественного мнения вообще не существует... Президент должен решать, что он собирается сделать и делать это..."»[59].

Едва ли Маргарэт приходится рассчитывать на то, что ее заявление сможет в будущем — а именно к нему и обращены мемуары — убедить сколько-нибудь большое число исследователей. Квалификация Кеннана как создателя «сдерживания» никогда не менялась. Существующая на этот счет обширная литература писалась и пишется исключительно с целью анализа самой политики, оценки ее эффективности и т. д. и т. п. При этом, однако, нигде не ставится под сомнение ее авторство.

В 1972 году исполнилось ровно четверть века со дня публикации статьи Кеннана «Истоки поведения Советов». Редакция журнала «Форин полиси» отметила дату, посвятив добрую половину летнего выпуска юбиляру и статье. Воздав должное Кеннану и высоко оценив его «интеллект и заслуги», журнал в то же время дал достаточно объективную оценку как содержанию «сдерживания», так и позднейшим заявлениям Кеннана. «Двадцать пять лет назад, — подчеркнула редакция, — «Форин афферс» опубликовал статью, которая, несомненно, явилась самой значительной за всю историю... На протяжении четверти века, прошедших с момента ее опубликования, она перепечатывалась чаще, чем лю-

бая другая статья, когда-либо появлявшаяся в «Форин афферс»... Хотя Кеннан написал в своих мемуарах в 1967 году, что популяризаторы статьи, подписанной «Х», основательно не поняли ее, представив как призыв к оружию с целью «сдержать» СССР при помощи военной угрозы, в то время как Кеннан намеревался лишь дать анализ международной конфронтации, который был в сущности политическим и который призывал прежде всего к ответу политическими средствами.., «сдерживание» все же представляет собой комплекс мер и все еще в различных формах продолжает оказывать влияние на американскую внешнюю политику»[60].

* * *

Логическим развитием послевоенной внешней политики США явилась подготовка Вашингтоном создания военного блока НАТО. Соединенные Штаты решили обзавестись военными союзниками, поставив их на службу собственным интересам. Работа стоила Трумэну большого напряжения сил. Президент ломал вековую традицию: ранее Соединенные Штаты ни с кем не вступали в военные союзы. Для оправдания задуманного требовалось снова и снова убеждать мир в «агрессивности» Советского Союза. Словом, США крайне нуждались в каком-либо остром конфликте или его подобии для оправдания своей империалистической политики.

В этих же целях последовательно обострялась обстановка в Европе. Началось с того, что в конце 1946 года Соединенные Штаты и Великобритания объединили свои зоны оккупации Германии, создав так называемую Бизонию. Вскоре к ней была присоединена и французская зона оккупации. В 1947 году США провели в Западной Германии ряд мер, явившихся грубым нарушением решений Потсдамской конференции о демократизации и демилитаризации Германии.

На совещаниях министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, проходивших в 1947 году в Москве и Лондоне, Советский Союз неоднократно указывал на необходимость возвращения к Потсдамским решениям. Однако усилия СССР не достигли успеха. США, Англия и Франция открыто встали на путь раскола Германии.

4 марта 1947 г. Англия и Франция подписали Дюн-

керкский пакт. При этом всячески подчеркивалось, что договор имеет-де целью не допустить превращения Германии в угрозу для мира. 17 марта он был расширен и заключен сроком на 50 лет под названием Брюссельский пакт. К последнему присоединились Бельгия, Голландия, Люксембург. В рамках пакта был создан единый штаб вооруженных сил этих пяти государств.

Очень скоро стало ясно, что Брюссельский пакт имел антисоветскую направленность и создавался с помощью Соединенных Штатов. Спустя два года государственный секретарь США Д. Ачесон официально заявил, что этот пакт был подписан «с одобрения нашего правительства» и «поддержан... Соединенными Штатами»[61]. Появление его на свет явилось важным шагом на пути создания Североатлантического союза.

Формирование антисоветских блоков шло под неизменный аккомпанемент военной пропаганды. Сколачивая новый агрессивный союз, США намеренно пошли на серьезное обострение международной обстановки.

В июне 1948 года за спиной Советского Союза была проведена сепаратная денежная реформа в Западной Германии. Советский Союз поставили в известность об этом постфактум. Провокационный характер подобной меры был очевиден. Так, США заверили, что реформа не коснется западных секторов Берлина. Утверждение было заведомо ложным. Через несколько часов, когда уже началось проведение реформы, картина прояснилась. Конечно же, существовавшая в то время четкая договоренность об обязательном согласовании на четырехсторонней основе в органах Контрольного Совета важнейших принципов проведения общегерманской денежной реформы не могла служить сколько-нибудь серьезным препятствием намерению США обойти ее[62].

Коль скоро события приняли такой оборот, советские власти были вынуждены для предотвращения хозяйственного хаоса принять решение о проведении денежной реформы в восточной зоне. Исключительно в целях ограждения Восточной Германии от последствий сепаратной денежной реформы советская военная администрация временно ограничила перевозки в Берлин из западных зон. Совет Министров СССР распорядился предоставить для снабжения населения Берлина 100 тыс. *т* пшеницы и других продовольственных товаров.

Это послужило поводом для ожесточенной антисоветской кампании, СССР обвинялся в намерении «задушить голодом» Западный Берлин, агрессивных планах и т. д. и т. п. США поспешили «на помощь» берлинцам, организовав «воздушный мост» для транспортировки продовольствия и топлива в западные сектора города. Ежедневно 130 американских самолетов доставляли в город до 2500 *т* продовольствия и топлива[63]. В то же время западные оккупационные власти не допускали в свои сектора доставки продовольствия из восточного сектора[64].

Состряпанный Вашингтоном «берлинский конфликт» дал возможность командованию ВВС США осуществить свою давнюю мечту — дислоцировать ударные силы стратегической авиации за рубежом. В середине июля 1948 года американские бомбардировщики «Б-29» разместились на английских базах, предоставленных США правительством Великобритании. Английских лейбористов при этом нисколько не смутил факт превращения Британских островов в атомную базу США. Советский историк Ю. М. Мельников подчеркивает: «Берлинский кризис 1948 года был использован американской дипломатией для «согласования» политики западных союзников, прежде всего в военной сфере и в германском вопросе, на основе полного подчинения их американскому диктату»[65].

Берлинский «кризис» породил на Западе обстановку военной истерии, в которой прошло вовлечение стран Западной Европы в военный союз. Переговоры в этом направлении быстро продвигались вперед. 4 апреля 1949 г. представители США, Канады, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Норвегии, Дании, Португалии и Исландии подписали в Вашингтоне Североатлантический пакт (НАТО). В 1952 году к нему присоединились Турция и Греция, а в 1955 году — ФРГ.

Заключение Североатлантического пакта означало воплощение в жизнь фултонского предложения Черчилля о создании военно-политического союза западных держав против СССР и стран народной демократии под главенством Соединенных Штатов. Как выразился несколько позднее Ш. де Голль, «под прикрытием НАТО в Западной Европе был установлен американский протекторат»[66].

Агрессивный блок НАТО сколачивался в то время, когда Советский Союз прилагал громадные усилия к тому, чтобы не допустить развития событий в сторону «холодной войны». СССР выступал с конструктивными предложениями, направленными на укрепление мира и ослабление международной напряженности. СССР выдвинул идею заключить Пакт мира между пятью великими державами, запретить применение оружия массового уничтожения, сократить вооружения и т. д.

Даже западная печать недоумевала тогда, можно ли расценивать создание НАТО как акт миролюбия. «Если мы стремимся к миру.., — подчеркивала «Газетт энд дейли», — то мы никогда не достигнем нашей цели... путем заключения военного договора, направленного против Советского Союза»[67].

Создавая НАТО, отмечает советский историк Ю. М. Мельников, США преследовали главную цель — «связать прочными военными узами как можно больше капиталистических стран друг с другом — США с Западной Европой, одни западноевропейские страны с другими, открыто реакционные с более демократичными, стоящими на пути социальных преобразований, милитаристские со склоняющимися к мирной или нейтральной позиции — с тем, чтобы попытаться максимально унифицировать их внешнюю и внутреннюю политику на основе американских доктрин»[68].

Двадцать с лишним лет спустя после подписания Североатлантического пакта американский историк Г. Зинн обратил внимание на то, что «на внешнеполитической арене США отличало стремление к сколачиванию военно-политических блоков, созданию конфликтных ситуаций. В основе этого лежала ярко выраженная «тенденция к экспансии», объясняющая другую — «тенденцию к развязыванию агрессивных войн», проистекающую из основных экономических и политических принципов американского общества»[69].

Заключив впервые со времен войны за независимость 1775—1783 годов военный союз с европейскими государствами, США тем не менее сохранили свободу рук. Они не считали себя обязанными вступать в войну в случае, если кто-то из участников договора подвергнется «нападению»[70]. Но участники НАТО обязывались следовать за Вашингтоном даже в том случае, если бы там решились на агрессивную войну. Создание НАТО

не поколебало традиционные принципы американской политики «баланса сил». Администрация Трумэна в новых условиях старалась проводить в жизнь «баланс сил» с той лишь разницей, что теперь она именовала эту политику концепцией «щита и меча». «Щит» — атомное оружие, под прикрытием которого союзные армии наносят удар «мечом».

Создавая НАТО, в Вашингтоне буквально теряли голову. Трумэн написал в это время дочери: «Мы находимся совершенно в той же обстановке, в какой Англия и Франция оказались в 1933—1939 годах перед лицом Гитлера. Все выглядит мрачно. Должно быть принято решение, и я приму его»[71].

Что за «обстановка», кто создал ее и о каком решении шла речь?

* * *

В обзорной работе по советско-американским отношениям Дж. Гэддис сделал вывод: «Берлинский кризис привел США и СССР ближе всего к войне в первые послевоенные годы»[72]. Д. Ергин особо выделил «весенний кризис» 1948 года, который, однако, историки и мемуаристы склонны игнорировать, теряя его в тени событий предшествующей весны — «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла»[73]. Ставшие известными в наши дни документы неопровержимо свидетельствуют, что в это время Вашингтон действительно готовился развязать войну. Те, кто планировал ее, отлично знали, что обострили обстановку США, и только США.

5 марта 1948 г. от генерала Л. Клея из Берлина в Вашингтон пришло сообщение, адресованное начальнику военной разведки генералу С. Чемберлену. Клей утверждал, что если раньше он считал, что войны с СССР не будет по крайней мере десять лет, то теперь он изменил свое мнение и полагает, что война грянет с «драматической внезапностью». Почему же? Клей с обескураживающей откровенностью объяснял: «Хотя я не могу представить по этому вопросу формального доклада, ибо не располагаю надлежащими данными, подкрепляющими эту точку зрения, но я ощущаю, что дело будет обстоять именно так». Поразительно! Позже биограф Клея прокомментировал этот документ: «По-

слание Клея было направлено прямо Чемберлену, а не через обычные каналы и, следовательно, Чемберлен мог использовать его как считал нужным. Основная цель послания заключалась в том, чтобы помочь командованию вооруженных сил в конгрессе (выколачивать большие военные ассигнования.— *О. С.*), оно, по мнению Клея, отнюдь не было связано с какими-нибудь изменениями в советской стратегии»[74].

Профессиональный историк спустя почти три десятка лет сделает нужный вывод. А как те, в Вашингтоне, которым Чемберлен любезно разослал копии беспримерно алармистского документа? «Разразилась воистину военная истерия»[75],— лаконично замечает Дж. Кеннан по поводу воздействия личной оценки Клея на официальный Вашингтон. 19 мая 1948 г. в целях общей подготовки комитетом начальников штабов был утвержден план войны с СССР — «Хафмун». Под кодовым наименованием «Флитвуд» он был разослан 1 сентября 1948 г. командующим видами и родами вооруженных сил для подготовки оперативных планов. «Хафмун-Флитвуд» был посвящен почти целиком военным вопросам. Тем временем по приказу министра обороны Д. Форрестола министерство обороны в сотрудничестве с государственным департаментом подготовило политическую директиву, которая была утверждена Трумэном 23 ноября 1948 г. (СНБ 20/4). В ней рассматривались «цели США в отношении СССР».

Составители СНБ 20/4, среди которых, конечно, был и Дж. Кеннан, не скрывали, что́ не устраивает Вашингтон, а именно «характер советской системы». По их логике выходило, что само существование социализма в СССР является «угрозой безопасности США», а посему необходимо все это изменить. Сначала они рассуждали, чего именно можно добиться такими средствами, когда дело не доводится до войны: «20 *а*... Способствовать постепенному сокращению чрезмерной русской мощи и влияния...

b. Способствовать развитию среди народов России таких тенденций, которые могут помочь изменить нынешнюю советскую политику и дать возможность возродить национальную жизнь таких групп, которые проявляют способность и решимость достичь и отстаивать национальную независимость».

В интересах достижения этого (запомним, что пока

речь идет только о средствах, «когда дело не доводится до войны»):

«21 *а.* Повысить уровень военной готовности и поддерживать его столько, сколько необходимо, как средство сдерживания советской агрессии, как неотъемлемую часть поддержки нашей политики в отношении СССР, как средство поощрения государств, сопротивляющихся советской политической агрессии, и как достаточную основу для немедленного ведения военных действий и быстрой мобилизации, если война станет неизбежной».

Что касается «военных целей» США в отношении Советского Союза, то предусматривалось уничтожение СССР, расчленение его на ряд государств, особо оговаривалось: «Если в какой-либо части СССР останется какой-нибудь большевистский режим, нужно не допустить, чтобы он смог контролировать значительную часть военно-промышленных ресурсов СССР, дающую ему возможность вести войну на равных с любым другим режимом или режимами, которые могут существовать на исконно российской территории»[76].

Командование американских вооруженных сил учло эти цели в военном планировании. Наметки «Хафмун-Флитвуд» были сочтены недостаточными, и, вводя положения директивы СНБ 20/4, комитет начальников штабов 26 мая 1949 г. сочинил куда более широкий план ведения войны против СССР «Оффтэкл». Он исходил из того, что война начнется в течение следующего финансового года, то есть начиная с 1 июля 1949 г. Указание на «финансовый год» в высшей степени многозначительно: генералы собирались начать боевые действия с наличными силами. Оголтелая уверенность, что можно выступить без дальнейшего наращивания вооружения; основываясь на предпосылке, будто «разведывательные данные указывают, что СССР в 1950 финансовом году не будет располагать атомными бомбами» и, следовательно, окажется возможным «в сотрудничестве с нашими союзниками (НАТО только что создано! — *О. С.*) достичь военных целей США в отношении СССР (описанных в директиве СНБ 20/4. — *О. С.*), уничтожив его волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии при стратегической обороне на Дальнем Востоке»[77].

К моменту принятия этого плана командование стратегических ВВС США разработало оперативный план 21-49, предусматривавший нанесение атомных ударов «по главным советским сосредоточениям городов и промышленности». Тут возникла проблема берлинского «воздушного моста», и комитет начальников штабов потребовал выяснить, не повлияет ли отвлечение сил авиации для обслуживания его на подготовку и проведение стратегического воздушного наступления против Советского Союза. Начальник штаба ВВС уже 21 декабря 1948 г. ответил отрицательно, указав, что США располагают достаточным количеством самолетов, чтобы поддерживать перевозки в Берлин вплоть до начала боевых действий против СССР. Представляя свою оценку возможностей стратегической авиации США, он заверил комитет начальников штабов, что операции против СССР пойдут по плану, а именно:

«К 1 февраля 1949 г. будут розданы по частям планы целей и навигационные карты для действий против первых семидесяти городов. Имеющиеся карты (в масштабе 1:1 000 000) достаточно точны, чтобы обеспечить достижение любой желательной цели в пределах Советского Союза». Далее шли детальные подсчеты, что и когда бомбить и в какие сроки[78].

11 мая 1949 г. специальный комитет под председательством генерала Х. Хармона по поручению комитета начальников штабов дал оценку возможного стратегического воздушного наступления против Советского Союза. Комитет принял к сведению планы командования стратегической авиации США: нанесение в течение первых 30 дней войны или в начальной фазе атомных ударов по 70 советским городам и затем продолжение атомных бомбардировок. Комитет Хармона был особо заинтересован в том, чтобы выяснить, выведут ли из строя СССР атомные бомбардировки именно в течение 30 дней. Было подсчитано, что в результате их советский промышленный потенциал сократится на 30—40%. «Первоначальная фаза атомного наступления приведет к гибели 2700 тыс. человек и еще 4 млн. в зависимости от состояния советских средств пассивной обороны. Будет уничтожено значительное количество жилищ, и потому проблема выживания для оставшихся из 28 млн. жителей (70 промышленных городов) будет очень осложнена».

Однако, предупреждал комитет, «атомное наступление само по себе не приведет к капитуляции СССР, не уничтожит корни коммунизма», следовательно, война будет продолжаться. Подспудный вывод комитета — одними атомными бомбардировками войны не выиграть. Однако при всем этом комитет заключил: «Конечно, атомные бомбардировки вызовут определенные психологические последствия и возмездие, которые нанесут ущерб военным целям союзников, а их разрушительные результаты осложнят послевоенные проблемы. Но атомная бомба будет основой союзной военной мощи в любой войне против СССР и явится единственным средством стремительного нанесения ущерба советскому военному потенциалу. Первоначальное атомное наступление особенно облегчит использование других средств союзными вооруженными силами, дав значительное снижение потерь. Полное использование этих преимуществ зависит от своевременности связанных с ней военных и психологических операций. С точки зрения нашей национальной безопасности, выгоды немедленного применения в войне атомного оружия превыше всего. Должны быть предприняты все разумные усилия, с тем чтобы иметь средства для быстрой и эффективной доставки максимального количества атомных бомб к надлежащим целям»[79].

Итак, бомбы были, оставалось разве что расширить состав стратегических ВВС и нажать кнопку.

* * *

25 сентября 1949 г. ТАСС сообщило об испытании атомной бомбы в СССР. Создание в СССР атомного оружия вызвало крайнее замешательство в Вашингтоне. Трезво мыслившие политики, правда, отнеслись к этому спокойнее. Для иных из них сообщение ТАСС послужило подтверждением уже давно очевидной истины: пора обуздать начавшуюся по инициативе и вине США гонку вооружений, то есть встать на тот путь, к которому призывал Советский Союз.

СССР неоднократно указывал на то, что опасный курс Вашингтона создает реальную угрозу делу мира. 14 декабря 1946 г. по настоянию советской делегации Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о путях сокращения вооруженных сил и вооружений.

Однако волей западных держав этот жизненно важный документ так и остался нереализованным. Та же участь постигла резолюцию, принятую в сентябре — ноябре 1947 года II сессией Генеральной Ассамблеи ООН, осуждавшей преступную пропаганду новой войны.

В период с 1948 по 1950 год, то есть как до, так и после создания атомного оружия в СССР, Советское правительство последовательно вносило на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН конструктивные предложения, имевшие целью сокращение вооруженных сил, ликвидацию военных баз на чужих территориях, запрещение атомного оружия и установление системы контроля над ним. Все эти миролюбивые предложения Советского правительства были отвергнуты.

Зарвавшиеся атомные маньяки в Вашингтоне думали совершенно о другом — как превзойти СССР в военной мощи. Министр ВВС США Саймингтон 8 ноября 1949 г. представил министру обороны Л. Джонсону доклад, немедленно переданный Трумэну. В нем после двухмесячного анализа последствий создания атомного оружия в СССР утверждалось, что прежние планы ВВС — увеличение численности и принятие на вооружение новых образцов самолетов — недостаточны. Теперь нужно немедленно создавать такую систему ПВО в США, которая позволила бы выдержать атомный удар со стороны СССР, плюс «мы должны уже теперь располагать средствами вернуть этот удар врагу» (формулировка в зародыше содержала позднейшее «возмездие». Таким языком заговорили теперь люди, недавно безоговорочно рассуждавшие только об «атомном наступлении» на СССР и пр.).

Саймингтон напоминал, что никто из экспертов в США не ожидал, что СССР будет располагать атомным оружием раньше 1952—1953 годов, а «некоторые даже думали, что русские никогда не решат технические и промышленные проблемы». Итак, отныне речь может идти даже о выживании Соединенных Штатов[80]. Вывод, который сделал Трумэн из всего этого, был обнародован 31 января 1950 г.: США заявили о том, что приступают к работам по созданию термоядерного оружия.

Это сопровождалось усилением антикоммунистической риторики, ссылками на все растущую «угрозу» со стороны СССР. Заведомо ложные обвинения в адрес нашего государства, как и в прошлом, были призваны

оправдать нагнетание США международной напряженности.

Если поистрепавшихся пропагандистских клише было достаточно для массового потребления обывателей на Западе, то в начале 1950 года в Вашингтоне была сделана попытка оценить обстановку (в первую очередь учесть создание СССР атомного оружия) для практической политики. Точнее, дать ей, если угодно, историко-философское обоснование. Этим занялась специальная группа работников государственного департамента и министерства обороны под руководством П. Нитце, заменившего в январе 1950 года Дж. Кеннана на посту начальника отдела планирования госдепартамента. 7 апреля 1950 г. они подали Трумэну свой труд — документ более чем на семидесяти страницах, который по утверждении президентом стал печально известной директивой № 68 Совета национальной безопасности. Вероятно, уже само название обзора проливает свет на то, чем была эта директива на деле: «СНБ-68: пролог к перевооружению»[81].

Признавая действенными принципиальные положения директивы СНБ 20/4, составители СНБ-68 настаивали, однако, на том, что она совершенно недостаточна в новых условиях, поскольку в результате научно-технических достижений СССР «республика и ее граждане в зените своей мощи оказались в самой страшной опасности. Проблемы, стоящие перед нами, полны величайшей важности, речь идет о процветании или уничтожении не только нашей республики, но и самой цивилизации. Время не ждет. Полные ясного осознания этого и решимости, наше правительство и народ, который оно представляет, должны ныне принять новые решения». Апокалиптический стиль, в котором сквозь канцелярский язык все же позвякивала бронза латыни (о, эти набившие оскомину представления иных американцев о США как о Риме XX века!). Чтобы услышать это, и процитирован абзац из введения к СНБ-68, который тут же сменился деловыми рассуждениями. Суть их проста:

«Нужно наращивать военную мощь США и их союзников до такого уровня, когда эта объединенная мощь будет превосходить как в начале, так и в течение войны силы, которые могут выставить СССР и его сателлиты... Представляется повелительно необходимым, что-

бы при увеличении нашей мощи мы опирались на техническое превосходство... Совершенно очевидно, конечно, что объявление о следовании рекомендующемуся здесь образу действий будет использовано Советским Союзом в его кампании за мир, что окажет неблагоприятное психологическое воздействие на некоторые части свободного мира до достижения необходимого роста мощи. Поэтому в любых заявлениях о политике и характере проводимых мер должен особо подчеркиваться их оборонительный характер и следует озаботиться тем, чтобы свести до минимума, насколько это возможно, неблагоприятную реакцию как в стране, так и за рубежом...

США ныне тратят около 22% валового национального продукта (225 млрд. долл. в 1949 г.) на военные расходы (6%), иностранную помощь (2%) и инвестиции (14%), незначительная часть последних идет на военные нужды... В чрезвычайных обстоятельствах США могут выделить до 50% своего валового национального продукта на эти цели (как было в минувшую войну, т. е. увеличить в несколько раз нынешние расходы на прямые и косвенные военные нужды)...

Предлагается, чтобы мы заявили, что не используем атомное оружие, кроме как для возмездия за то, что агрессор уже прибег к нему... Мы не можем выступить с таким заявлением, если не уверены, что достигнем наших целей без войны или в случае войны, без применения атомного оружия...

Нынешняя обстановка буквально восстает против ведения успешных переговоров с Кремлем, ибо условия соглашения по важным нерешенным вопросам отразят теперешние реальности и, следовательно,. будут неприемлемы, если не катастрофичны, для США и остального свободного мира. После принятия решений и начала строительства мощи свободного мира может оказаться желательным для США взять на себя инициативу в открытии переговоров с тем, чтобы эти переговоры могли облегчить приспособление Кремля к новой обстановке»[82].

Этот поразительный по цинизму документ хранился в тайне ровно 25 лет[83], но перефразированные извлечения из него дополняли специальную американскую литературу. СНБ-68, утвержденная Трумэном, определила американскую внешнюю политику на десятилетия, в

сущности по сегодняшний день. Квазифилософская концепция директивы положила конец спорам в высших сферах Вашингтона относительно того, что гонка вооружений обернется скверными последствиями для самих Соединенных Штатов. Отныне никакие бюджетные, а следовательно, и экономические соображения не ограничивали роста военных расходов США. Потенциальные действия СССР ожидались не на основании реальных фактов, а предположений, что может сделать СССР. Кеннан впоследствии с определенной брезгливостью отозвался об этом образе мышления, заметив: «Итак, нет необходимости спрашивать, почему (противник) предпримет определенные враждебные действия или предпримет ли он их вообще, достаточно, чтобы у него была для этого способность»[84].

* * *

Практические последствия принятия директивы СНБ-68 проявились без промедления. В июне 1950 года Соединенные Штаты начали агрессию против корейского народа.

Как подчеркивает Г. Колко, Соединенные Штаты еще до вступления СССР в войну с Японией продумывали свою позицию в отношении Кореи, стремясь не только укрепиться здесь, но сделать свое влияние в Корее «господствующим». Эти соображения и составили «существо проблемы»[85].

Утверждение американского влияния в Корее проводилось в жизнь энергичными методами. Начали с разгона народных комитетов, созданных в Южной Корее после ее освобождения. Установили контроль военной администрации. Американские власти приняли все меры, дабы не допустить создания общекорейского правительства. США сорвали принятое в декабре 1945 года на Московском совещании министров иностранных дел согласованное решение СССР, США и Англии о восстановлении Кореи как единого, независимого и демократического государства.

26 сентября 1947 г. Советское правительство предложило США вывести из Кореи советские и американские войска, указав, что корейскому народу должна быть предоставлена возможность самому создать свое демократическое правительство. Вашингтон отказался,

Большинство членов ООН последовали в этом вопросе за США. Тем не менее советские войска покинули пределы Кореи.

Попирая все нормы демократии и законности, американские власти провели 10 мая 1948 г. выборы в Национальное собрание. В обстановке разнузданного террора и преследования демократических элементов и вообще всех противников сепаратных выборов было создано южнокорейское правительство проамериканского образца. Создание марионеточного режима Ли Сын Мана означало раскол страны и явилось ярким проявлением империалистического курса США, вставших на путь превращения Южной Кореи в свою стратегическую базу на Дальнем Востоке.

В обстановке террора и репрессий демократические силы Южной Кореи не прекращали борьбы за восстановление единства страны. В июне — июле 1948 года представители политических партий и общественных организаций Севера и Юга на объединенном совещании приняли решение провести демократические выборы в Верховное народное собрание всей Кореи. Так как американские власти Юга были преисполнены решимости помешать осуществлению этого решения, в Южной Корее выборы проводились тайно.

На основе всеобщих выборов в августе 1948 года было образовано Верховное народное собрание, принявшее конституцию и образовавшее первое правительство Корейской Народно-Демократической Республики. Это еще более ужесточило позицию Вашингтона. Отклонив просьбу Верховного народного собрания Кореи о выводе их войск с территории Южной Кореи, США сделали все возможное, чтобы не допустить создания единой и независимой страны.

В феврале 1950 года США приняли закон, гласивший, что «в случае образования в Корейской Республике коалиционного правительства, в составе которого будет один или более членов коммунистической партии или партии, которая находится теперь у власти в Северной Корее», Соединенные Штаты тут же прекращают всякую помощь Южной Корее[86]. Закон принимался с явным расчетом оказать давление на южнокорейскую буржуазию и помешать тем самым объединению страны. Это было грубое вмешательство США во внутренние дела Кореи.

Одновременно Вашингтон принял меры по созданию вооруженных сил Южной Кореи. Костяк их составили полицейские части, сформированные еще в 1945—1946 годах американскими оккупационными властями главным образом из лиц, служивших до того в японской полиции. США поставляли для полиции оружие и снаряжение, американские офицеры обучали ее. Корейская полиция носила форму американского образца. К концу 1947 года она насчитывала в своих рядах 20 тыс., через год — 50 тыс. человек[87].

В августе 1948 года клика Ли Сын Мана подписала с США корейско-американское военное соглашение, текст которого по понятным причинам опубликован не был. Однако, как следовало из сообщений печати, соглашение ставило под полный американский контроль внутреннюю и внешнюю политику лисынмановского режима. Американский капитал занял прочные позиции в экономике страны. Пентагон поставил под контроль южнокорейскую армию.

Все это проводилось в соответствии с философией, которая как раз в то время выкристаллизовывалась в положения директивы СНБ-68, а именно, как было записано в этом документе: «При поляризации мощи... идет наступление на свободные (читай: капиталистические. — *О. С.*) институты по всему миру, а при нынешней поляризации мощи поражение свободных институтов в любом месте означает их повсеместное поражение»[88]. Как бы ни была убедительна эта логика для американских деятелей, вплотную занимавшихся делами Дальнего Востока, для некоторых, бросавших взгляд на глобальные цели США из Вашингтона, она представлялась сомнительной.

Рассуждая о сущности тогдашней американской политики в Азии, министр военно-воздушных сил Т. Финлеттер в беседе с Сульцбергером 3 октября 1950 г. отметил, что она является составной частью политики «сдерживания». «Это ставит нас в трудное положение.., — посетовал министр. — «Сдерживание» как всеохватывающая политика невозможно. Все, что мы можем сделать в Азии.., это надеяться оказать сопротивление (коммунистам. — *О. С.*). А ведь мы должны еще «сдерживать» Западную Европу, что включает посылку большего числа американских войск в Германию и вооружение немцев»[89].

У Трумэна, однако, сомнений не было. В июне 1949 года он в послании конгрессу призвал увеличить военную помощь южнокорейскому режиму. Президент прямо заявил, что это «поощрит страны Южной и Юго-Восточной Азии к сопротивлению коммунизму...»[90]. Конгресс утвердил на 1950 год 110 млн. долл. на помощь режиму Ли Сын Мана, в распоряжение которого было поставлено 140 тыс. винтовок, 2 тыс. противотанковых ружей «Базука», 4900 автомашин, 79 военных судов, орудия, боеприпасы и т. д.[91]

25 июня 1950 г. клика Ли Сын Мана, подстрекаемая США, развязала войну против Корейской Народно-Демократической Республики. 7-й американский флот получил приказ президента о выходе в Тайваньский пролив. На другой день к войне подключились ВВС США, начавшие операции на стороне армии Ли Сын Мана. 27 июня последовал приказ Трумэна американским вооруженным силам прийти на «помощь» южнокорейским войскам. Что бы ни утверждала тогда и впоследствии американская пропаганда о непосредственном толчке к боевым действиям в Корее, замечание генерала Дж. Коллинса (одно время командовавшего войсками США на этом театре) многозначительно: «В то время мы не располагали больше нигде за рубежом таким количеством войск всех родов, готовых к немедленному введению в действие»[92].

Спровоцировав конфликт, Вашингтон поспешил придать видимость «законности» своим действиям. По настоянию США был созван Совет Безопасности ООН, который по существу был поставлен перед свершившимся фактом. Поспешно, в обход Устава ООН и в отсутствие представителя Советского Союза США провели через Совет Безопасности резолюцию, объявлявшую КНДР «агрессором». Члены Организации Объединенных Наций призывались оказать помощь Южной Корее. Цель была достигнута — США «реабилитированы» перед миром.

Под давлением Вашингтона 15 государств — союзников США по агрессивным блокам или же зависивших от американской «помощи» согласились участвовать в войне. Только две страны — Англия и Турция — оказали США действительную военную поддержку, послав по бригаде каждая. Кроме того, Англия использовала свои военно-морские силы, дислоцировавшиеся в японских

водах. Другие государства выделили в помощь США лишь символические контингенты.

30 июня правительство США санкционировало переброску в Корею из Японии двух американских дивизий. Кроме того, было решено установить военно-морскую блокаду КНДР. 6 июля 1950 г. МИД СССР в ноте посольству США указал, что Советское правительство будет считать США ответственными «за все последствия этого акта и за весь ущерб, который может быть причинен интересам Советского Союза»[93].

7 июля под нажимом США Совет Безопасности принял новую резолюцию. Войскам интервентов присваивалось наименование «войск ООН» под командованием Д. Макартура. Однако, замечается в современной биографии Дж. Картера, «все меры президента Трумэна тщательно рассчитывались как в рамках ООН, так и при односторонних действиях, с тем чтобы избежать конфронтации с Советским Союзом»[94].

Корейская народная армия, перейдя 38-ю параллель, восторженно встречаемая населением, продвигалась все дальше на юг. 28 июня была освобождена столица Кореи Сеул. В первых числах сентября 1950 года народное правительство контролировало 95% территории страны. Американские и лисынмановские войска были оттеснены на самый юг Кореи и закрепились на небольшом плацдарме у Пусана.

Война в Корее для руководителей США явилась желанным поводом для нагнетания атмосферы военного психоза, в которой было гораздо легче расширять гонку вооружений. В самом деле, вспоминал позже Ч. Мэрфи (в то время специальный помощник президента), в начале 1950 года «мы пришли к твердому убеждению, что нужно решительно изменить политику. Тут встал вопрос: а как это объяснить конгрессу и американскому народу? Мы как раз бились над этой проблемой, когда в июне 1950 года северокорейцы вторглись в Южную Корею. Отныне нам удавалось объяснять все в терминах корейской проблемы, что, наверное, было допустимо. Все, конечно, выглядело довольно туманно, но мы-то для себя твердо решили, что нужно громадное увеличение нашей оборонной мощи, необходимое и для войны в Корее». В результате то, что первоначально в области военного строительства было спланировано на четыре года, сократили до двух лет. Под барабанный бой тре-

воги корейской войны военные расходы в 1951 году увеличились до 22,3 млрд., в 1952—до 44 млрд. и 1953 году достигли 50,4 млрд. долл.[95] Собственно, на войну в Корее шло не так много средств.

Исходя из всего вышеизложенного, США были прямо заинтересованы в том, чтобы пожар войны в Корее не затухал.

15—16 сентября в тылу народной армии в порту Инчхон высадились американские войска численностью в 50 тыс. человек. Операция проводилась под прикрытием 500 самолетов и 300 военных кораблей, включая линкоры. Возникла угроза тылу и коммуникациям войск КНДР. Однако американским стратегам не удалось запереть основные части народной армии в «мешке» на юге страны. С боями она сумела в относительном порядке отойти на север.

Имея огромное превосходство в силах, Макартур развернул наступление за 38-й параллелью.

Представители СССР и других социалистических стран, выступая на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивали, что США своими действиями создали серьезную угрозу миру на Дальнем Востоке. Советская делегация внесла предложение о немедленном выводе из Кореи всех иностранных войск, предоставив стране самой решить вопрос о своем будущем. Урегулирование дальневосточной проблемы, подчеркивала советская сторона, возможно лишь при участии КНДР[96]. Агрессоры, однако, все расширяли масштабы военных действий. 24 ноября 1950 г. американское командование предприняло новое широкое наступление в Северной Корее. В операции участвовали 7 американских, 1 англо-австралийская, 6 лисынмановских дивизий, турецкая бригада и несколько мелких подразделений интервентов из других стран. Макартур был уверен в успехе — полной оккупации Кореи.

Результат оказался неожиданным: части корейской народной армии и отряды китайских добровольцев, опираясь на поддержку и всестороннюю помощь СССР, перешли в контрнаступление. СССР снабжал КНДР оружием, боеприпасами, транспортом, медикаментами и продовольствием. В Корее работали советские военные советники. В воздушных боях сражались советские летчики, прикрывавшие северо-восточный Китай от налетов вражеской авиации.

27 ноября вражеский фронт был прорван, войска интервентов обратились в бегство. Неописуемая паника охватила официальные американские круги. Даже Ч. Болен, принадлежавший к весьма воинственным деятелям, тогда заметил: «Нет сомнения в том, что Макартур совершил ужасную (несколько позже он выразился: „фатальную". — *О. С.*) ошибку, предпринимая это последнее наступление в Корее»[97].

30 ноября 1950 г. Трумэн пригрозил применить в Корее атомное оружие. «Мы не остановимся перед использованием всех видов оружия, которыми располагаем»[98], — подчеркнул президент. Макартур шел еще дальше, настаивая на немедленной бомбардировке Маньчжурии. Генерал предлагал сбросить на военно-воздушные базы и объекты тыла КНДР и КНР от 30 до 50 атомных бомб[99].

Так было недолго и до мировой войны. Заявление Трумэна, о котором было известно, и планы Макартура, хотя детали и не были уточнены, повергли в ужас союзников США. Прогрессивную общественность мира потрясли действия американской военщины в Корее.

Всю первую половину 1951 года Вашингтон раздирал «великий спор». Командование американских вооруженных сил на Дальнем Востоке во главе с Макартуром продолжало стоять на своем. Его поддерживали влиятельные сторонники в правительстве — министр обороны Л. Джонсон, военно-морской министр Ф. Мэтьюс, в сенате и конгрессе — правое крыло республиканцев, предводительствуемое сенатором Р. Тафтом. За Макартуром шла также часть демократов.

Несмотря на столь дерзкие заверения Трумэна в том, что США ничто не помешает применить «все виды» оружия, президент не пошел на это. Стратегия Макартура, с точки зрения Трумэна и лиц, взявших его сторону, — государственного секретаря Д. Ачесона, министра обороны Д. Маршалла, сменившего на этом посту в октябре 1950 года Л. Джонсона и др., грозила опрокинуть основные устои «сдерживания», острие которого было направлено против Советского Союза. Дело в том, что агрессивные действия США на Дальнем Востоке только внешне были направлены против КНР, в действительности они имели в виду СССР, а войну против него Вашингтон планировал главным образом в Европе. Как заметил Дж. Гэддис, «все это становится ясным,

если учесть последствия решений, принятых уже в первые часы после начала войны, — нейтрализовать Тайваньский пролив и усилить помощь французской армии в Индокитае. Эти действия были в большей степени направлены против русских, чем против китайцев. Озабоченность по поводу Тайваня отражала страх по поводу того, что может случиться, если Мао предоставит там русским воздушные и морские базы, а поддержка противопартизанских действий в Индокитае (решение о чем было принято еще до Кореи) должна была помочь Франции внести более существенный вклад в НАТО»[100].

Это не умозрительные рассуждения Гэддиса, а резюме изученных им недавно рассекреченных документов Совета национальной безопасности и военного ведомства.

Не понимая, а быть может, не зная этого, Макартур вел дело к вооруженному конфликту с КНР. Конечно, в Вашингтоне были готовы предпринять операции против КНР с воздуха, но вновь вставал вопрос, не приведет ли это к войне с СССР.

Д. Маршалл так и заявил в сенатской комиссии, что, не будь опасности вступления в войну Советского Союза, бомбардировки Маньчжурии «начались бы без всякого промедления»[101]. 11 апреля 1951 г. генерал Макартур был снят с поста командующего на Дальнем Востоке. Как и следовало ожидать, «великий спор» в Вашингтоне не родил великих истин[102]. Он закончился признанием необходимости и дальше следовать прежней политике «баланса сил», но Вашингтон так и не смог добиться широкого участия в войне своих союзников.

Вооруженный конфликт в Корее явно затягивался, а перспективы победить в нем день ото дня становились все более сомнительными. Отвлечение и дальше части американских ресурсов грозило сорвать планы укрепления НАТО.

К середине 1951 года линия фронта в Корее стабилизировалась примерно вдоль 38-й параллели. 23 июня 1951 г. советский представитель в Организации Объединенных Наций Я. А. Малик выступил по американскому телевидению с призывом установить перемирие в Корее. СССР выступил за прекращение огня до решения вопроса о выводе иностранных войск из Кореи и рассмотрения политических проблем. Трумэну не оста-

валось ничего другого, как согласиться. Местом переговоров был избран г. Кэсон, расположенный на 38-й параллели, позже их перенесли в г. Паньмыньчжон.

Переговоры открылись 10 июля 1951 г., и сразу же выяснилось, что Соединенные Штаты отнюдь не стремятся к заключению соглашений на равноправной основе. Вашингтон не мог расстаться с надеждой получить односторонние преимущества. Превратив Корею в своеобразный полигон для испытания новых видов оружия и тактических средств, США вовсе не торопились покинуть пределы страны. Корея была по-прежнему нужна им для нагнетания военного психоза.

Война в Корее облегчила введение в США воинской повинности в мирное время. Первый шаг в этом направлении был сделан Трумэном 30 июля 1950 г. Президент подписал приказ об увеличении максимальной численности вооруженных сил до 5 млн. человек. Через год, в июне 1951 года, последовал закон об обязательной воинской повинности юношей начиная с 18 лет. Закон предусматривал полугодовую службу в войсках плюс восьмимесячное пребывание в резерве.

Резко усилилась и «психологическая война». 10 октября 1951 г. конгресс США принял закон «О взаимном обеспечении безопасности». Одна из статей его предусматривала ежегодные ассигнования 100 млн. долл. на шпионскую и подрывную деятельность, именовавшуюся в законе «помощью» в деле обеспечения безопасности Соединенных Штатов![103]

Несмотря на военную пропаганду в печати, по радио и телевидению, американский народ с возрастающим негодованием относился к войне в Корее. В июле 1951 года в Чикаго проходил Конгресс в защиту мира, на котором присутствовало 5 тыс. человек[104]. Конгресс твердо высказался против продолжения войны в Корее, предложив провести массовые митинги в стране в поддержку этого требования.

К осени 1952 года в США закончились работы по созданию термоядерного оружия. 1 ноября прошли его испытания. На атолле Эниветок в Тихом океане поднялось гигантское грибовидное облако. Трумэн торжествовал, решив, вероятно, что обеспечил достаточно эффектный финал своего президентства.

В период пребывания Трумэна в Белом доме были заложены основы политики «холодной войны». Известно

такое заявление Трумэна, об этом пишет американский историк Б. Кохран: «Когда история скажет, что в мое президентство началась холодная война, она также скажет, что в те восемь лет мы установили курс, который мог выиграть ее». Вполне очевидно, что президент глубоко неправ по существу: «Это как раз то, чего история не скажет», — подчеркивает автор. Четыре последующие администрации тратили громадные средства на ведение бесполезного для США курса «холодной войны», сопровождавшегося безудержной гонкой вооружений и колоссальным напряжением всех ресурсов страны. При этом были преданы забвению нужды американского народа, и в результате, заключает Кохран, в настоящее время (его книга вышла в свет в 1973 году) «Соединенные Штаты слабее в сравнении со своим кремлевским соперником»[105]. Так спустя два с лишним десятилетия после ухода Трумэна с поста президента США отзывается о его внешнеполитическом курсе американская историография, причем Кохран далеко не одинок в своих выводах.

На выборах 1952 года победила республиканская партия, выдвинувшая лозунг покончить с войной в Корее. Президентом США стал 62-летний генерал Д. Эйзенхауэр, до этого не принадлежавший ни к демократам, ни к республиканцам. Для последних кандидатура главнокомандующего силами НАТО в Европе явилась буквально находкой. В глазах правящих кругов Соединенных Штатов он был именно тем деятелем, который мог, по их мнению, «с честью» вывести страну из тупика корейской войны, становившейся ненужной и с точки зрения большой стратегии США.

Еще в период избирательной кампании будущему президенту волей-неволей приходилось как-то высказываться на предмет возможных путей решения корейской «проблемы». И хотя Эйзенхауэр намеренно не вдавался в подробности, некоторые суждения генерала достаточно четко говорят о его позиции в этом вопросе. Так, выступая 2 октября 1952 г., Эйзенхауэр заявил: «Если Америка вынуждена принимать на себя главные удары противника и постоянно посылать людей на линию фронта, Организация Объединенных Наций теряет свой смысл. Это должно быть делом корейцев... Уж если война там неизбежна, то пусть она будет войной азиатов против азиатов при нашей поддержке»[106].

Ближайшие события, однако, не принесли каких-либо видимых изменений. По весне 1953 года американские войска затеяли новое наступление в Корее, которое было быстро отбито. Штабные планировщики указали, с учетом трудностей ведения войны и сил противника, что за победу военными средствами придется платить абсурдно дорого. Росло недовольство и среди союзников. Ширились протесты в мире. Горизонты были не из блестящих.

Видя, что при Эйзенхауэре американская политика в Корее не претерпела существенных изменений, Макартур воспрянул духом. Генерал решил еще раз попытать счастья, напросившись на прием к президенту-генералу. Он объявил желавшим слушать, что определенно знает, как покончить с корейской войной.

Время, казалось, ничуть не изменило бывшего командующего на Дальнем Востоке. Он продолжал гнуть свою линию: США должны незамедлительно сбросить атомные бомбы на Северную Корею. Президент не поддержал предложения, беседа осталась в тайне[107].

Однако весной 1953 года американские атомные бомбы были доставлены на Окинаву. США продолжали атомный шантаж. Сразу после подписания перемирия в Корее Эйзенхауэр попытался изобразить дело так, будто угроза США применить атомное оружие привела к перемирию. «Мы заявили им, — сказал президент, — что не будем больше считать войну ограниченной, если коммунисты будут избегать перемирия. Они не хотели всеобщей войны или атомного удара. Это оказало на них сдерживающее влияние»[108]. Эйзенхауэр еще представлял США жертвой!

Оставалось одно из двух: либо применить атомное оружие, либо пойти на перемирие. Первое не могло быть реализовано. Возросшая мощь СССР и стран социализма не позволяла США развязать атомную войну.

Советский Союз неизменно разоблачал агрессивные планы США, стоял за мирное урегулирование в Корее. В ряде заявлений Советского правительства осуждался агрессивный характер корейской войны. СССР боролся за прекращение корейской войны и в Организации Объединенных Наций. Предложения СССР о прекращении военных действий и отводе войск от демаркационной линии по 38-й параллели в конечном счете и легли в

основу соглашения, в соответствии с которым в дальнейшем стали возможными переговоры о прекращении войны в Корее. Находясь в тупике и видя растущие протесты в мире, администрация Эйзенхауэра была вынуждена пойти на перемирие в Корее, которое было подписано 27 июля 1953 г. Силы мира и демократии одержали верх над агрессорами.

В Соединенных Штатах корейская война отнюдь не пользовалась популярностью. Большинство американцев, знакомясь со сводками потерь в кровопролитных схватках за океаном, отказывалось верить в разумность политики «с позиции силы». Как подчеркивает американский профессор Р. Вигли, «корейская война была непопулярна, и поэтому стремление избежать повторения подобной войны казалось крайне важным в начале 50-х годов». Политика «с позиции силы», заключает американский исследователь, никогда в прошлом не несла ничего хорошего американцам, и «в современных условиях ни одна из форм применения силы практически не сулит ничего доброго для Соединенных Штатов»[109]. То, что превозносилось как верх мудрости — «сдерживание», — стало вызывать серьезные сомнения в самых широких кругах США.

ГЛАВА II

ТУПИК «СДЕРЖИВАНИЯ» И ПОЛИТИКИ «С ПОЗИЦИИ СИЛЫ»

Интервенция США в Корее была ярким проявлением империалистической политики «с позиции силы». Она обошлась США в 20 млрд. долл. Ценой жизней 34 тыс. убитых и 103 тыс. искалеченных американцев Соединенные Штаты пытались повернуть развитие событий вспять, приступить к изменению соотношения сил на международной арене при помощи оружия. Однако исход корейской войны со всей очевидностью показал как беспочвенность подобных попыток, так и опасность для мира политики «с позиции силы».

Многие в США неизбежно задавались вопросом о том, куда приведет Америку дорога «холодной войны». Постановка вопроса администрацией Трумэна, «когда война в Корее рассматривалась как прелюдия к нападению на Западную Европу»[1], определенно обанкротилась. За виновниками войны, объявленной «оборонительной», а на деле являвшейся агрессивной, не было нужды далеко ходить — они были в Вашингтоне. Говоря о последствиях корейской войны, Д. Флеминг указывал, что они «для нашего собственного народа были глубокими. Наши планы были расстроены, мы были унижены, разъединены и измучены.., но, что хуже всего, наши страхи, ненависть и неврозы, связанные с холодной войной, которые уже достаточно прочно укоренились, сделались еще более глубокими... Существовала абсолютная уверенность в том, что американские империалисты готовы завоевать мир. Посмотрите, что они пытались сделать в Корее! Что они сделают дальше?»[2] Эти вопросы вставали перед американцами.

Над итогами корейской войны напряженно размышляли в Белом доме. Взявшая бразды правления республиканская администрация Д. Эйзенхауэра не могла

не видеть, что ее взлет на вершину политической власти явился прежде всего результатом всеобщего отвращения в США к «войне г-на Трумэна». В области внешней политики правительство Эйзенхауэра пришло к выводу, что в ходе войны, явившейся результатом применения на практике «сдерживания», был нарушен давний принцип политики «баланса сил». Корейский пример был поучителен: союзники США, получившие миллиарды и миллиарды американской «помощи», ограничились символическим участием в ней.

Уже на своей первой пресс-конференции государственный секретарь Дж. Даллес заявил, что для поддержания благоприятного для США «баланса сил» с СССР на Дальнем Востоке не обязательно присутствие там в будущем американских контингентов. Достаточно «предоставления военной помощи туземным вооруженным силам в соответствии с политикой, рассчитанной на войну азиатов с азиатами»[3].

Ту же цель — стремление неукоснительно проводить политику «баланса сил» в международных делах — преследовал курс на ремилитаризацию Западной Германии. Пусть, решили в Вашингтоне, европейские государства в случае нужды действуют самостоятельно, США же останутся в резерве. Исходя из этих соображений, американские «миротворцы» пошли на сокращение вооруженных сил, раздутых при Трумэне. Это, однако, отнюдь не означало, что наступил конец гонке вооружений.

США приступили к воплощению в жизнь программы администрации Эйзенхауэра, получившей название стратегии «массированного возмездия». Звучало внушительно, а главное, как полагал ее автор, Дж. Даллес, США наконец-то приобрели руководство в области внешней политики. С этой точки зрения новую стратегию Эйзенхауэра вполне можно было бы назвать «Вперед без поражений!»

Что же предлагала республиканская администрация? Расширение сил стратегической авиации с термоядерным оружием на борту. Когда Вашингтон сочтет нужным, он использует ее в соответствующем месте. Введение в действие американской авиации будет, так сказать, решающим ударом, который склонит чашу весов победы в нужную для США сторону. Наземные армии в основном поставят союзники.

Сказано — сделано. К июню 1957 года общую численность вооруженных сил США сократили на 635 тыс. человек главным образом за счет армии. Силы авиации достигли 137 авиагрупп. Командование ВВС с восторгом поддержало президента. Военно-воздушные силы получили надлежащее признание. Армия и флот, конечно, также не были забыты — они получили новейшую технику.

На первый взгляд представлялось так ново, так ново! Выполняются до точки положения платформы республиканской партии на выборах 1952 года, в которой осуждалась «негативная, бесполезная и аморальная политика „сдерживания“»[4] (между прочим, заметим, что США не бросаются «освобождать» народы, избравшие социализм).

В нашумевшей речи 12 января 1954 г. Дж. Даллес определил «массированное возмездие» как решимость Запада «осуществлять немедленное возмездие средствами и в местах, которые мы изберем», что «дает максимальную безопасность за сносную цену»[5].

При ближайшем рассмотрении, однако, отмечает Дж. Гэддис, «политика Эйзенхауэра в конечном счете в большей степени подтверждала, чем отвергала политику его предшественника. Однако по политическим соображениям президент и государственный секретарь сводили этот факт до минимума... Версии сдерживания Трумэна и Эйзенхауэра различались больше в нюансах и акцентах, чем по существу. Различия проистекали отнюдь не из внешнеполитических соображений, а из того, что Эйзенхауэр и Даллес принимали за потребности внутренней политики»[6].

Иными словами, соображения «баланса сил» были подчинены «сдерживанию». Что дело обстояло именно так, показывает и доказывает составная часть внешнеполитического курса США — дальнейшее усиление международной напряженности. Иные горячие головы звали немедленно начать превентивную войну против Советского Союза.

Насколько серьезно обстояло дело, можно судить хотя бы по высказыванию Д. Лоу, специально изучавшего этот вопрос. «Правда об этом периоде нашей истории» состоит в том, подчеркивал автор, что «вопрос о превентивной войне серьезно рассматривался правительством»[7].

Правительство Эйзенхауэра провозгласило одной из главных целей американской внешней политики «освобождение» стран, избравших путь социализма, в том числе Восточной Европы. Имелась в виду реставрация там капиталистических порядков.

Хотя «освобождение» прочно связано с администрацией Эйзенхауэра, этот образ действия отнюдь не был ее изобретением. В довольно откровенной форме предавалось огласке то, что было разработано и одобрено еще при Трумэне. Директива СНБ-68, утвержденная 14 сентября 1950 г., в качестве одного из важнейших аспектов «сдерживания» предусматривала: «Для нас непосредственно осуществимым курсом является поощрение центробежного еретического процесса в странах-сателлитах. Какими бы слабыми они сейчас ни представлялись, есть основания для существования еретиков-схизматиков. Мы можем содействовать усилению таких расколов, не неся за них ответственности. А когда произойдет окончательный разрыв, мы не будем прямо бросать вызов советскому престижу: ссориться будет Кремль с коммунистической реформацией»[8].

Преемственность эйзенхауэровского «освобождения» и описанной стратегии, принятой при Трумэне, сомнений не вызывает. Другое дело, что Даллес проявил нетерпение, выставив в качестве непосредственной цели восстановление капитализма. Против этого особо предостерегали составители директивы СНБ-68, полагая, что пока достижима не эта, а промежуточная цель — содействие возникновению, говоря словами директивы, «схизматических коммунистических режимов»[9].

В Западной Европе администрация Эйзенхауэра продолжала проводить политику «сдерживания».

Еще лежали в руинах тысячи разрушенных Гитлером городов и сел, а империалистическая реакция уже вынашивала планы включения ФРГ в НАТО и вооружения недавнего агрессора. В сентябре 1950 года в Нью-Йорке состоялось совещание министров иностранных дел западных держав и сессия совета НАТО. В опубликованном коммюнике указывалось, что Западная Германия должна занять место в «совместных вооруженных силах», то есть в системе Североатлантического пакта. К этому вела дело администрация Эйзенхауэра.

В условиях нагнетания международной напряженности Советское правительство выступило с важной инициативой, направленной на оздоровление обстановки и упрочение мира в Европе. На совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции в январе 1954 года советская делегация внесла проект общеевропейского договора о коллективной безопасности. Желая придать дискуссии о европейской безопасности конкретный, деловой характер, Советское правительство выступило с предложением о созыве общеевропейского совещания, на котором был бы обсужден вопрос об обеспечении коллективной безопасности на континенте. Предложение было отвергнуто Западом.

*

Едва смолкли выстрелы в Корее, как внимание администрации поглотил Вьетнам. Весной 1954 года Франция оказалась на грани поражения в развязанной «грязной войне» против Вьетнама. За ее спиной стояли США. Их политика после победы августовской революции 1945 года была направлена на реставрацию колониальных порядков во Вьетнаме и преследовала одну цель: приостановить развитие мирового революционного процесса. Она по сути была частью большой стратегии империализма по борьбе с национально-освободительным движением во всем мире. Без прямой поддержки США Франция, еще далеко не оправившаяся от потрясений второй мировой войны, едва ли смогла бы отважиться на вьетнамскую авантюру.

Индокитай давно привлекал внимание американских правящих кругов. Район огромных природных богатств, он занимает еще и важное стратегическое положение, что давало возможность рассчитывать на использование его в качестве военного плацдарма. Все это имело особую ценность в глазах Вашингтона. Как выразился еще в начале 1950 года государственный секретарь США Д. Ачесон, «Индокитай является частью американского оборонительного периметра на Дальнем Востоке»[10].

Присутствие во Вьетнаме Франции особенно не тревожило США. Разве, рассуждали в Вашингтоне, французские колонизаторы ведут войну во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже не на деньги американцев, не американ-

ским оружием и не по американским директивам? Так что же помешает США в дальнейшем прибрать Индокитай к рукам?

В беседе с журналистами 25 июля 1950 г. президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин подчеркивал, что «вмешательство американцев в военной, политической и экономической областях с каждым днем становится более активным»[11].

По окончании бесславной войны в Корее Эйзенхауэру представлялось, что Вьетнам поможет США показать всему миру, что любое национально-освободительное движение обречено на провал, и добиться того, что не удалось в Корее, — возможности воевать чужими руками. Вот почему с приходом к власти республиканцев США резко увеличили помощь Франции. Всего в 1952—1953 годах США предоставили ей кредиты на сумму в 314 млн. долл., в 1953—1954 годах — более 1 млрд. долл.[12] В период с 1950 по 1954 год французский экспедиционный корпус во Вьетнаме получил от США 340 самолетов, 1400 танков и броневиков, 350 десантных катеров, 150 тыс. *т* единиц легкого оружия и большое количество боеприпасов[13]. Было бы, однако, неправильно считать, что эта помощь оказывалась бескорыстно. Помимо политических мотивов — и это подчеркивал сам американский президент в августе 1953 года — «утрата» Индокитая означала бы потерю для США источников таких ценных металлов, как олово и вольфрам.

Но американские доллары уже не могли спасти положение. Охотников воевать за интересы заокеанского империализма не находилось, а для Франции, хотя и при поддержке Вашингтона, задача была явно не по плечу. Во Вьетнаме побеждал народ.

Изучение стратегической обстановки во Вьетнаме и знания профессионального военного помогли президенту США реально оценить шансы французского командования. Эйзенхауэр предсказывал, что если оставить крупные силы в Дьенбьенфу, отдаленном районе у границы с Лаосом, то они почти наверняка угодят в мышеловку. Так оно и вышло.

В США не могли не учитывать возможность военного поражения Франции, однако были не прочь продлить агонию французской армии. «Умудренный» опытом корейской войны Вашингтон не торопился посы-

лать собственные войска во Вьетнам, выжидая более удобный момент, дабы с минимальными издержками подключиться к этой авантюре.

В апреле 1954 года государственный секретарь США Дж. Даллес вел переговоры в Париже с министром иностранных дел Франции Ж. Бидо. Подчеркнув драматизм обстановки, сложившейся для французских войск во Вьетнаме, Даллес вдруг предложил использовать там пару американских атомных бомб. «Мы не должны допустить ни малейшего продвижения коммунизма в Юго-Восточной Азии, — пояснил государственный секретарь. — С этим покончено раз и навсегда! Если мы сейчас же всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами не нажмем ручку стоп-крана, то нас выставят оттуда».

Бидо был потрясен. Американское предложение означало ни больше ни меньше, как коллективную акцию правительств США и Франции по уничтожению вьетнамцев и французского гарнизона! Решив, вероятно, что ослышался, министр иностранных дел воскликнул: «Но ведь в таком случае вместе с вьетнамцами будет уничтожен и гарнизон!»[14] Даллес не ответил. Его действительно не интересовала судьба французов.

«Поблагодарив» за совет, Париж все же счел за благо отмежеваться от американского предложения о коллективной акции. В Лондоне также не поддержали США.

Тем временем вашингтонские «ястребы» развернули бешеную агитацию в пользу прямого вмешательства во вьетнамскую войну. Особенно неистовствовали командующие авиацией и флотом. Обсуждалось множество вариантов того, как следует решить задачу. В конце концов во Вьетнам была отправлена комиссия экспертов армии для изучения обстановки, а они были компетентны в делах такого рода: предстояли сухопутные операции. Выводы комиссии оказались малоутешительными: для победы был необходим крупный контингент войск[15].

Эйзенхауэр согласился с экспертами, хотя и отказался от комментариев. Перед глазами все еще стояла Корея. Нет, президент определенно не спешил с повторением первых уроков. Осажденный французский гарнизон в Дьенбьенфу получил горячее послание Эйзенхауэра, где превозносились боевые качества француз-

ских солдат и содержалось немало теплых слов в адрес командования. Этим дело и ограничилось.

Вскоре французские войска потерпели сокрушительное поражение под Дьенбьенфу. Франция была вынуждена перейти к мирным переговорам.

26 апреля 1954 г. в Женеве открылось совещание министров иностранных дел, на котором предстояло рассмотреть вопрос о восстановлении мира в Индокитае. В работе совещания приняли участие представители СССР, США, Франции, Великобритании, Китайской Народной Республики и других заинтересованных государств. Созыв такого совещания явился крупной победой миролюбивых сил.

Советское правительство энергично поддержало предложение Демократической Республики Вьетнам, предусматривавшее: признание независимости Вьетнама, Камбоджи, Лаоса; вывод всех иностранных войск с территорий указанных государств; объединение каждого из этих государств на основе свободных выборов без какого-либо давления извне[16].

Переговоры продвигались медленно. Правительство США не соглашалось на мирное урегулирование, явно стремясь к продолжению военных действий во Вьетнаме. Позднее в своих мемуарах Эйзенхауэр так объяснил позицию США по этому вопросу: потеря Индокитая «привела бы к установлению коммунистического господства над многомиллионным населением трех стран». Кроме того, это повлекло бы за собой «потерю ценных запасов олова и огромных ресурсов каучука и риса»[17].

Накануне индокитайского тура переговоров Даллес демонстративно покинул Женеву. Жест не произвел желаемого эффекта среди партнеров США. Место Даллеса занял заместитель государственного секретаря, в прошлом посол США в СССР Б. Смит.

В период Женевского совещания, вплоть до отставки правительства Ланьеля — Бидо, Париж вел переговоры с правительством США о непосредственном участии американских вооруженных сил в индокитайской войне. Французское правительство, хотя и шло на переговоры, стремилось свести урегулирование индокитайского вопроса к прекращению огня лишь на какой-то период. Передышка в колониальной войне была необходима Франции. Экспедиционный корпус находился на грани

полного разгрома. США не были склонны к непосредственному вступлению в войну в Индокитае, поощряя в то же время французов к продолжению военных действий.

Тем временем политическая обстановка во Франции накалилась до предела. Росло недовольство правительством Ланьеля, ратовавшим за продолжение «грязной войны» во Вьетнаме. Борьбу за прекращение войны возглавили французские коммунисты. Оппозиционные настроения захватили и буржуазию, раздраженную неудачами французских колонизаторов. 12 июня 1954 г. правительство Ланьеля пало.

17 июня 1954 г. Национальное собрание предоставило полномочия сформировать правительство Мендес-Франсу. С 10 июля премьер-министр и министр иностранных дел Мендес-Франс возглавил французскую делегацию в Женеве. Глава нового правительства был полон решимости положить конец крайне непопулярной и дорогостоящей войне.

С этого момента наметился определенный поворот во внешнеполитической линии Франции. Мендес-Франс установил деловые контакты с главой делегации ДРВ Фам Ван Донгом, то есть сделал как раз то, чего намеренно избегал Бидо и без чего, естественно, вести переговоры о восстановлении мира в Индокитае было невозможно. Он встречался с главами делегаций Советского Союза и Китайской Народной Республики. Уже первые официальные и неофициальные встречи и совещания показали, что появились реальные возможности для урегулирования индокитайского вопроса.

Такой поворот событий отнюдь не обрадовал Вашингтон. В июле в Париж прибыл Даллес. Туда же из Женевы приехали Мендес-Франс и Иден. В течение двух дней Даллес вел с ними переговоры относительно совещания в Женеве. Американцы не желали восстановления мира в Индокитае, но, как показала отставка правительства Ланьеля, уже не могли этому помешать. США пришлось примириться с неизбежностью прекращения военных действий в Индокитае.

На этих же переговорах помимо прочего обсуждался вопрос о создании агрессивного блока в Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Англия и Франция согласились на предложение США принять в нем участие[18].

20 и 21 июля 1954 г. были подписаны соглашения о

прекращении военных действий на территориях Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Французское правительство обязывалось вывести все свои войска из этих стран. Соглашения запрещали ввод в Индокитай иностранных войск, ввоз военного персонала иностранных государств, а также оружия и боеприпасов. На территориях указанных стран запрещалось создание иностранных военных баз. Правительства Лаоса и Камбоджи заявили о своем нейтралитете, о том, что они не присоединятся ни к каким военным блокам. Соглашения предусматривали, что ни Северный, ни Южный Вьетнам не станут в будущем участниками каких-либо военных блоков. Для наблюдения и контроля за осуществлением Женевских соглашений были созданы специальные международные комиссии из представителей Канады, Индии и Польши.

Заключительная декларация содержала обязательство участников совещания уважать суверенитет Вьетнама, Камбоджи и Лаоса и не допускать вмешательства в их внутренние дела. Политическое урегулирование во Вьетнаме должно было быть проведено на основе его независимости, единства и территориальной целостности. Декларация предусматривала также проведение свободных выборов в Лаосе, Камбодже и Вьетнаме. Между ДРВ и Южным Вьетнамом была установлена временная демаркационная линия, проходящая немного южнее 17-й параллели.

Хотя Соединенные Штаты и не принимали участия в соглашении о проведении свободных выборов, американское правительство заявило, что согласно с ним и «будет воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения их»[19]. В дальнейшем США грубо нарушили ими же самими данное обязательство.

Установление в Южном Вьетнаме проамериканского марионеточного режима во главе с Дьемом сорвало проведение свободных выборов во Вьетнаме. Вашингтон вскоре приобрел решающее влияние в Южном Вьетнаме, превратив его в свою опорную базу. По требованию США премьер-министром сайгонского марионеточного правительства стал Нго Динь Дьем, занимавший в прошлом высокие посты в колониальной администрации в Индокитае.

Останавливаясь на позиции США в отношении проведения свободных выборов во Вьетнаме, американские

исследователи М. Кэлб и Э. Эбел подчеркивают: «Дьем отрицал саму идею выборов, пока «условия свободы» не будут существовать на всей территории Вьетнама...» Заявляя так, он имел в виду прежде всего Север, полагая, что на Юге такие условия уже существуют. «Занимая такую позицию, Дьем не имел проблем в отношениях с Соединенными Штатами, а имел их только с Ханоем...»

Но, тут же поправляются авторы, у Нго Динь Дьема были «веские» причины поступать так. «Как заявил несколько лет спустя государственный департамент, выборы были «ловушкой», и власти в Южном Вьетнаме отказались лезть в хорошо расставленные сети». Временная демаркационная линия стала превращаться в национальную границу[20]. Итак, Женевские соглашения, оказывается, были хорошо рассчитанной «ловушкой» для Южного Вьетнама!

Подписанные в Женеве соглашения имели существенное значение для ослабления международной напряженности. Они могли бы стать надежной основой дальнейшего мирного развития стран Юго-Восточной Азии. Однако разрядка напряженности в этом районе мира никак не устраивала Вашингтон. Расценив Женевские соглашения как проигрыш американской дипломатии, США постарались взять реванш, активизировав создание агрессивного военного блока СЕАТО. Переговоры в этом направлении начались еще во время работы Женевского совещания[21]. Участниками нового агрессивного союза стали Соединенные Штаты, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, а также три наиболее зависимых от американского империализма государства Азии — Пакистан, Таиланд и Филиппины. Переговоры завершились 8 сентября 1954 г. Соединенные Штаты распространили действие договора и на индокитайские государства, что явилось грубым попранием только что подписанных Женевских соглашений.

2 декабря 1954 г. в Вашингтоне состоялось подписание «договора о взаимной безопасности» между Соединенными Штатами и Чан Кайши. В документе предусматривалось оказание военной помощи гоминьдановцам и предоставление островов Тайвань и Пэнхуледао под американские военные базы. 28 января 1955 г. конгресс США принял специальную резолюцию, предоставляющую президенту право принимать любые меры,

дабы обеспечить безопасность названных островов[22]. «Сдерживание» продолжалось любой ценой.

Сразу же по окончании Женевской конференции Соединенные Штаты приступили к наращиванию военного потенциала в Южном Вьетнаме.

Американские субсидии прямо предназначались для военных нужд. Было принято решение о строительстве сети стратегических дорог, которым предстояло соединить военные базы на равнине с базами плоскогорья, вплоть до границ с Лаосом и Таиландом. Во Вьетнам начали отправляться американские военные специалисты.

Официальная американская историография по сей день продолжает утверждать, будто активизация деятельности патриотов Вьетнама привела к расширению американского вмешательства во внутренние дела страны. Но расширение фронта народной борьбы в Южном Вьетнаме явилось лишь закономерным следствием усиления американской агрессии. США намеренно игнорировали созданную в Женеве Международную контрольную комиссию, действуя в обход ее. В конце концов американская военщина вкупе с сайгонской кликой практически парализовала работу этого важного органа.

Прошло примерно два десятилетия со времени описываемых событий, когда в США стали открыто указывать, в чем была порочность курса, начатого при Эйзенхауэре в отношении Юго-Восточной Азии. Теперь, когда война во Вьетнаме позади, американские теоретики сделали открытие, которое, вероятно, точнее всех изложил Г. Моргентау. Он написал: «Политика, имеющая в виду стабильность и идентифицирующая нестабильность с коммунизмом, уже логикой своего толкования фактов реальной жизни подавляет во имя антикоммунизма все проявления недовольства народа, душит надежды на реформы... Так тирания становится последним прибежищем политики, ищущей стабильности как высшей цели»[23].

«Сдерживание» при администрации Эйзенхауэра — Даллеса вылилось в параноидную «пактоманию»: во второй половине 50-х годов США приняли обязатель-

ства «защищать» 43 государства. Появилась и новая черта — откровенное сведение внешнеполитического курса к «балансированию» на грани войны. Новшество явилось плодом коллективного творчества президента и государственного секретаря. Эйзенхауэр всецело доверял Даллесу, считая его величайшим государственным деятелем.

Познакомив мир с концепцией «освобождения», или, как ее еще называли, «отбрасывания коммунизма», Даллес дал в начале 1956 года «эффектное» интервью, в котором подчеркнул, что способность быть на грани войны, но не оказаться вовлеченным в нее является необходимым искусством. Президент с большой похвалой отозвался о выступлении Даллеса. Неизвестно, как далеко зашли бы США по пути, превозносимому администрацией, если бы не мощь Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Отказ западных держав от сотрудничества в вопросе о создании системы коллективной безопасности и включение ФРГ в НАТО побудили страны социализма принять совместные ответные меры. В мае 1955 года на совещании в Варшаве европейские социалистические страны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В основе этого союза заложены принципы равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, защиты свободы и независимости народов.

В отличие от замкнутой группировки Североатлантического блока, Варшавский Договор открыт для присоединения любой страны, стремящейся способствовать обеспечению мира и безопасности

Советский Союз и все миролюбивые силы, используя возможности, открывшиеся с прекращением войны сначала в Корее, а затем в Индокитае, усилили борьбу за разрядку международной напряженности и нормализацию отношений между государствами с различными социальными системами. В результате летом 1955 года были созданы условия, в которых оказался возможным созыв Женевского совещания глав правительств СССР, США, Англии и Франции. Впервые после десятилетнего перерыва в Женеве встретились руководители четырех великих держав.

На совещании обсуждались важные проблемы: германский вопрос, вопрос о безопасности Европы, разору-

жение. В повестке дня совещания стояла и актуальная проблема развития контактов между Западом и Востоком. Совещание показало, что путем переговоров можно добиться позитивного решения сложных международных проблем при условии взаимного стремления всех участников к сотрудничеству и мирному урегулированию спорных вопросов. Оно открывало новую возможность налаживания связей между социалистическими и капиталистическими странами, создавало благоприятную атмосферу в международных отношениях, получившую название «духа Женевы». Даже Эйзенхауэр не мог отрицать положительного значения встречи в верхах[24].

Советский Союз и другие социалистические страны делали все от них зависящее, чтобы поддержать «дух Женевы» и подкрепить его практическими делами в интересах мира. Иным руководствовались правящие круги Запада, которые вели дело к тому, чтобы свести к минимуму «дух Женевы», продолжая политику «с позиции силы». Мнение Дж. Даллеса о том, что «цели» переговоров с СССР перевешивают-де получаемые от них «выгоды», возобладало[25].

В октябре 1956 года был спровоцирован контрреволюционный мятеж в Венгрии. Дело не обошлось без американских спецслужб, ведших подрывную работу. Однако венгерский народ с братской помощью СССР отразил все посягательства контрреволюции.

Той же осенью 1956 года серьезно обострилась обстановка на Ближнем Востоке в результате попыток империалистических стран сохранить там свои экономические, политические и военные позиции. Израиль совместно с Англией и Францией напал. на Египет. Благодаря решительным мерам Советского Союза и других миролюбивых стран планы империалистической реакции были сорваны.

США, которые формально стояли в стороне от агрессии против Египта, решили действовать в соответствии с излюбленной концепцией «вакуума силы», создавшегося на Ближнем Востоке, для захвата там позиций своих европейских союзников и подавления в этом районе национально-освободительного движения.

В январе 1957 года была провозглашена «доктрина Эйзенхауэра». Под предлогом «агрессивных замыслов» СССР на Ближнем Востоке Эйзенхауэр просил санкции

конгресса на оказание экономической и военной помощи странам этого района, вплоть до использования в случае «необходимости» вооруженных сил США[26]. Для проведения в жизнь этой программы «помощи» конгрессу предлагалось выделить значительные суммы.

В целом то было противодействие Вашингтона независимой политике стран Ближнего Востока, направленное на раскол арабского мира. Путем поддержки и подкупа феодально-монархических и буржуазно-националистических элементов империалистические круги США рассчитывали вовлечь в орбиту американской политики возможно большее число стран.

В это время Организация Объединенных Наций приняла решение о выводе израильских войск с оккупированных ими территорий. Эйзенхауэр выступил в поддержку этого решения, что вызвало бурю недовольства среди экстремистов в конгрессе. Они требовали от правительства поддержать Израиль, который отказывался подчиниться решениям ООН. Но президент не отступил, опасаясь, что развитие конфликта приведет лишь к укреплению авторитета Советского Союза в арабском мире. Наконец, расширение конфликта было чревато всеобщей войной, а с начала второй половины 50-х годов в Вашингтоне уже довольно отчетливо представляли себе успехи СССР в научно-технической области.

Случилось это в то время, когда Вашингтон, затеяв дорогостоящие программы перевооружения, казалось, должен был уверенно смотреть в будущее. В самом деле, вдоль периметра границ социалистических стран было построено множество военно-воздушных баз. Соединенные Штаты накопили большой запас термоядерных бомб, построили флот дорогостоящих бомбардировщиков. 60% военного бюджета приходилось на авиацию. Американский генералитет и политики смело полагались на техническое превосходство США. СССР, думали они, не сможет осуществить возмездие на территории агрессора, ибо он не располагает базами по всему миру.

Тем временем в Советском Союзе были созданы могучие межконтинентальные ракеты, что привело к ликвидации прежней неуязвимости Соединенных Штатов. Осенью 1957 года мир узнал о триумфе советской научно-технической мысли — запуске искусственного спутника Земли.

Запуск 4 октября 1957 г. в Советском Союзе первого в истории искусственного спутника Земли имел огромное значение. Он свидетельствовал о высоком уровне развития науки и техники, мощном промышленном потенциале СССР. Изменение соотношения сил, обозначившееся с того момента, сопровождалось серьезными переменами в глобальной стратегической ситуации. Причем они шли явно в неблагоприятном для США направлении.

В правящих кругах США первой реакцией на спутник была паника[27], а затем начался процесс мучительной переоценки эффективности американских внешнеполитических доктрин. Политики и военные волей-неволей приходили к более трезвой оценке соотношения сил на международной арене. Попыткам раздуть панику по поводу спутника, превратив ее в призыв немедленно вооружиться до зубов, администрация Эйзенхауэра оказала сопротивление. Американские стратеги прекрасно знали, что СССР, что бы ни кричали крайние реакционеры, отнюдь не собирается нападать на США. Об этом свидетельствовала вся сумма разведывательной информации[28]. Бешеное взвинчивание военного бюджета на взгляд профессионального военного, каким был Эйзенхауэр, было в данных условиях явно бессмысленным и могло привести только к инфляции и внутриполитическим затруднениям[29]. Правительство Эйзенхауэра считало, что США и без того тратят гигантские суммы на военные нужды (в среднем по 40 млрд. долл. в год в его президентство).

Тем временем все большее число американцев, людей различных убеждений и социального положения, выступало с критикой курса Эйзенхауэра — Даллеса «балансирования» на грани войны.

К критике этой их подтолкнули не абстрактные размышления о прелестях мира, а ясное понимание доступности США для ответного удара. Как подчеркивал в статье «Нью-Йорк таймс» физик из Колумбийского университета доктор И. Рэби, «Соединенные Штаты должны немедленно пересмотреть свою внешнеполитическую стратегию. В случае войны противники СССР будут уничтожены новым мощным оружием, точность попадания которого колеблется лишь в пределах процента. Америке необходимо вплотную заняться решением проблемы мирного сосуществования на этой планете,

или она погибнет»[30]. Такого рода высказывания, весьма характерные для того времени, отражали определенный поворот в общественном мнении США в сторону нормализации американо-советских отношений, стремление положить конец бессмысленной гонке вооружений и «холодной войне»[31].

Советское правительство всегда придавало большое значение прямым переговорам с руководителями западных держав, рассматривало их как важное средство для оздоровления обстановки в мире. В 1958 году было заключено соглашение о культурном обмене между СССР и США, в результате чего стало возможным проведение американской промышленной выставки в СССР и советской — в США. Постепенно создавались условия для визита в Соединенные Штаты Председателя Совета Министров СССР, который состоялся в сентябре 1959 года. В ходе обмена мнениями советская и американская стороны заявили о своей готовности решать международные вопросы мирным путем, без применения силы, продолжать переговоры по конкретным вопросам, способствовать расширению культурных и торговых связей между двумя странами. Была достигнута договоренность об ответном визите президента США в Москву в 1960 году. Хотя переговоры и подтвердили принципиальные разногласия по многим важным международным вопросам, они тем не менее могли послужить основой для подлинного ослабления напряженности в мире.

Однако Вашингтон с иных позиций смотрел на контакты с Советским Союзом. Для администрации Эйзенхауэра, попавшей в затруднительное положение после запуска спутника в СССР, открывшийся диалог с нашей страной был маневром. Ближайшие события показали, что США отнюдь не собирались вносить коренные изменения в свою политику в отношении СССР и других стран социализма. Уже в январе 1960 года США по существу сорвали намечавшиеся переговоры по финансовым и торговым вопросам, отказавшись отменить дискриминационные меры против Советского Союза. Из Вашингтона то и дело раздавались призывы усилить военные приготовления против стран социализма. Американские самолеты совершали шпионские полеты над территорией СССР. Спецслужбы США безмерно гордились этим, ибо «величайшим достижени-

ем ЦРУ было изобретение высотного самолета «У-2» с аппаратурой, позволявшей делать снимки с высоты 80 тыс. футов, причем разрешающая способность ее была такова, что можно было различать объекты на земле размером в 12 дюймов»[32].

Карта ЦРУ оказалась битой 1 мая 1960 г. Накануне намечавшегося в Париже совещания глав правительств четырех держав над Советским Союзом был сбит шпионский самолет «У-2». Пилот Пауэрс, спустившийся на парашюте, был задержан. Правительство США, попавшееся с поличным, тем не менее не только отказалось извиниться за грубое нарушение норм международного права, но пошло буквально напролом, объявив, что шпионские полеты представляют собой часть «государственной политики». На пресс-конференции 11 мая 1960 г. президент прямо заявил: «С самого начала моего избрания... я отдавал приказы о сборе информации любыми возможными способами; эта деятельность неприятна, но она жизненно необходима»[33].

Для Вашингтона задачи «холодной войны» были превыше всего. Совещание в верхах в Париже и намечавшийся визит Эйзенхауэра в СССР стали невозможными.

Последствия всего этого оказались плачевными для республиканской партии. Даже очень правый историк А. Улам заключил: «То был уникальный случай стать соавтором исторического международного соглашения, что помимо прочего почти обеспечивало победу республиканской партии на президентских выборах, тем не менее Эйзенхауэр... разрушил надежды на совещание в верхах. Более того, президент обнаружил как наивность, так и непонимание обстановки, взяв на себя личную ответственность за полеты «У-2» и еще добавив, конечно, что он собирается посетить Советский Союз! Итак, с учетом крайне незначительного большинства, которым был избран Джон Ф. Кеннеди, впечатляющий успех во внешних делах республиканской администрации в последние месяцы президентства или даже отсутствие напряженности... несомненно дало бы иной результат на выборах»[34].

Избирательная кампания 1960 года в США проходила в обстановке острых нападок на администрацию Эйзенхауэра — Даллеса. Прежде всего ей ставилось в вину отставание США в военно-технической области. Была придана самая широкая гласность мифу о том, что США будто бы безнадежно отстали от СССР в военно-технической области, прежде всего в создании ракет, а посему-де советская «угроза» резко возросла. Лживость этого тезиса прекрасно знали компетентные американские инстанции. В официальной истории ЦРУ, представленной в 1976 году сенатскому комитету Ф. Черча, сказано: «То был вопрос, вызвавший яростные споры во время кампании по выборам президента в 1960 году. Демократы, возглавляемые бывшим министром ВВС, теперь сенатором Сайрусом Саймингтоном, обвиняли администрацию Эйзенхауэра в том, что она позволила СССР обогнать США по количеству ракет и бомбардировщиков. Данные, полученные в результате фоторазведки ЦРУ, показывали, что эти обвинения необоснованны... Не совсем ясно, в какой мере Эйзенхауэр прямо опирался на данные Управления национальных оценок (ЦРУ), высказываясь по этому вопросу. Споры были в основном политическими. Однако вероятно, что позиция Эйзенхауэра пусть не прямо определялась, но опиралась на анализ упомянутого управления, который так и не был предан гласности»[35]. Эйзенхауэр в сущности не разоблачил фальсифицированные утверждения противников на выборах, поставив интересы «холодной войны» выше хотя бы простого здравого смысла.

Кандидат на пост президента от демократической партии Джон Ф. Кеннеди в своих многочисленных выступлениях неизменно подчеркивал: чтобы победить в состязании с СССР, необходимо сначала навести порядок в собственной стране. Для этого США необходимо сильное правительство, способное обеспечить увеличение темпов экономического роста. Кеннеди не уставал повторять, что выход СССР в космос стал возможным в результате многих факторов: промышленное производство в СССР растет в несколько раз быстрее, чем в Соединенных Штатах, русские тратят в два с половиной раза больше от своего национального дохода на образование, чем США[36].

Однако далеко не все, слушавшие красноречивого будущего президента, понимали, что его обращения к острым вопросам внутренней жизни Америки были вызваны отнюдь не тем, что он пекся об обездоленных. Кеннеди выступал от лица правящей элиты, стремившейся к укреплению позиций Соединенных Штатов в мире и в конечном счете к изменению в соотношении сил между США и СССР. «Но чем иным была инагурационная речь президента Кеннеди, — замечает С. Хофман, — если не красноречивым (или болтливым, зависит от литературного вкуса) утверждением, что новое поколение подхватило факел сдерживания?»[37].

Однако если предшествовавшие администрации по существу сводили взаимоотношения между США и СССР к голому военному противостоянию, то правительство Кеннеди, стремясь расширить сферу борьбы, включило в нее состязание в темпах экономического роста, образования и т. д. На этих путях Вашингтон при Кеннеди надеялся в конечном счете возобладать над СССР.

Кеннеди при этом говорил о возможности соглашения с Советским Союзом по вопросам разоружения, подчеркивал заинтересованность сторон в предотвращении ядерной войны, называл обоюдным желание наладить экономические, торговые и культурные связи.

Новые тактические приемы вызвали резкое противодействие ортодоксов «холодной войны» в США. Они выступали против любых отступлений от позиции открытой враждебности к Советскому Союзу.

Администрация Кеннеди отвергла доктрину «массированного возмездия», как сковывавшую свободу действий США, и приняла на вооружение стратегию «гибкого реагирования». Отныне помимо подготовки к всеобщей ракетно-ядерной войне США развертывали потенциал и для «ограниченных» войн. Особое внимание обращалось на подготовку «специальных» войск для действий против партизан. Группы таких войск проходили подготовку на Окинаве, в Западной Германии, на различных заморских базах, а также на территории самих США.

Те, кто указывал на необходимость разоружения и бессмысленность нового витка в гонке вооружений, остались в США в меньшинстве. Д. Халберштам с большой долей сарказма показал, что решения об уве-

личении военного потенциала США в то время покоились на абсурдных основаниях: «В министерстве обороны Макнамара действовал активно, обязавшись ликвидировать не существующее в действительности отставание в области ракет. Все его помыслы, связанные со вступлением на пост министра обороны, сводились к усилению гонки вооружений. В начале 1961 года некоторые советники Белого дома, такие как эксперт по науке Д. Визнер и К. Клаузен из Национального совета безопасности, высказались за замедление гонки вооружений или по крайней мере были за проведение переговоров с СССР. В то время США располагали 450 баллистическими ракетами. Макнамара требовал увеличить их число до 950, а комитет начальников штабов — до 3000. Работники Белого дома без шума провели проверку и выяснили, что по военной эффективности эти 450 ракет равны 950, запрашиваемых Макнамарой. Итак, был редкий момент, существовал шанс по-новому подойти к гонке вооружений и если не обратить ее вспять, то хотя бы временно заморозить ее.

— Так как, Боб? — осведомился Кеннеди.

— Они правы, — ответил Макнамара.

— Тогда зачем нам нужны 950 ракет? — спросил Кеннеди.

— Это наименьшее число, с которым мы можем появиться в Капитолии без риска быть „прибитыми", — ответил он»[38].

Редкий по несерьезности довод в делах, касавшихся судеб всего мира.

Ссылаясь на потребности новой стратегии, США пошли на значительное расширение военного бюджета. Если за 3000 дней президентства Эйзенхауэра на военные цели было истрачено 315 млрд. долл., то за 1000 дней пребывания у власти Кеннеди США истратили 167 млрд. долл.[39]

С первых дней пребывания Кеннеди в Белом доме в Пентагоне вплотную занялись Кубой. Пример Острова Свободы ослаблял позиции США в Латинской Америке. Существование в Западном полушарии независимого от США в экономическом и политическом отношении государства не устраивало Вашингтон. 17 апреля 1961 г. американские наемники высадились в заливе у Плайя-Хирон. Руководители Центрального разведывательного управления, подготовившие вторжение, рассчи-

тывали, что стóит контрреволюционерам ступить на остров, как на Кубе немедленно вспыхнет мятеж и народная власть падет. Однако этим планам не суждено было сбыться. В трехдневных боях наемники потерпели сокрушительное поражение. Кубинский народ с честью отстоял независимость своей родины. Стратегия «гибкого реагирования» дала глубокую трещину при первом же столкновении с реальностью, подтвердив простую истину: США не всесильны.

Понятно, что в этих условиях исключался сколько-нибудь серьезный прогресс в советско-американских отношениях.

Осенью 1961 года, точнее, 22 октября заместитель министра обороны Р. Гилпатрик публично признал, что пресловутого ракетного «отставания» США не существует[40]. Кеннеди, находясь у власти, перечеркнул все то, что утверждал примерно за год до этого на подступах к власти. Почему теперь администрация Кеннеди выбросила за борт то, что было ее козырной картой на президентских выборах 1960 года? «Мотивы этого и аналогичных заявлений администрации, — замечает Дж. Гэддис, — не совсем ясны, хотя, конечно, развеять навсегда миф о ракетном отставании было полезно с точки зрения внутренней политики»[41]. Интересы внутренней политики оставим на совести Гэддиса, много важнее то, что вслед за заявлениями, подобными выступлению Гилпатрика, администрация оповестила: США в случае необходимости готовы нанести первый удар[42]. Эту поразительную концепцию изложил лично президент в беседе с известнейшим журналистом С. Олсопом: «При известных обстоятельствах мы, возможно, проявим инициативу»[43]. Такого рода заявления о намерениях, подкреплявшиеся ростом военных приготовлений в США, отнюдь не способствовали оздоровлению международной обстановки, вынуждали страны социализма принимать новые меры по укреплению своей обороноспособности. Последовавшее в то время размещение Советским Союзом на Кубе оборонительных средств даже в американской историографии признается следствием проведения Вашингтоном провокационной линии[44].

Результатом такой политики явился самый опасный со времен второй мировой войны международный кризис в связи с событиями вокруг Кубы в октябре 1962 го-

да. Возникшую тогда опасность мировой войны удалось предотвратить гибкими мерами Советского Союза, направленными на сохранение мира, а также в результате проявления благоразумия со стороны президента Кеннеди, остановившегося перед роковой чертой.

В Белом доме достаточно отчетливо поняли: одно дело — антикоммунистическая риторика, другое — принятие решений, которые могут повлечь за собой катастрофические последствия. «Если бы наши обсуждения были преданы гласности или пришлось решать за 24 часа, — писал Р. Кеннеди, — то, по моему мнению, мы бы повели себя иначе и наш курс повлек за собой куда больший риск»[45]. Слова Р. Кеннеди подтверждают два доверенных советника президента. Т. Соренсен: «Наша небольшая группа, сидевшая за столом заседаний правительства.., видела, что в тот день термоядерная война была ближе, чем когда-либо еще в термоядерный век»[46]. А. Шлезингер: «У нас нет выбора, доказывали тогда, кроме как действовать военными средствами, а анализ обстановки уже показал: удары по ракетным базам будут малоэффективны без ударов по аэродромам, а удары по аэродромам почти бесполезны без новых действий в их поддержку. Итак, стоило начаться процессу, он не мог бы остановиться без вторжения»[47]. Ничего этого не случилось, в Белом доме возобладал здравый смысл.

Для многих в США кубинский кризис стал отправным пунктом для переосмысливания внешней политики Вашингтона. Постепенное понимание и президентом Кеннеди необходимости большего реализма пришло, конечно, не потому, что он начал испытывать симпатии к коммунизму. Он стал склоняться к более реалистичному подходу к международным проблемам и отношениям с Советским Союзом, прежде всего в результате осознания изменения в соотношении сил на международной арене. Главный урок для Вашингтона, заметил Дж. Стоссинджер по поводу карибского кризиса, заключался в том, что «сила, в грубом физическом смысле, больше не была надежным инструментом государственной политики»[48].

Урок был усвоен администрацией Кеннеди. Примерно через год после карибского кризиса, в октябре 1963 года в действие вступил подписанный в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

Московский договор продемонстрировал, что при наличии доброй воли возможно сотрудничество между СССР и США. Согласно результатам проведенного в то время опроса, 76% американцев, участвовавших в нем, одобрили политику президента Кеннеди по активизации отношений между СССР и США.

Однако администрация Кеннеди, говорившая о полезности реализма в прямых отношениях с СССР, усилила вмешательство в дела Вьетнама, положив начало эскалации войны в Юго-Восточной Азии. Здесь Вашингтон надеялся беспрепятственно продемонстрировать свою силу. Соответствующие штабные разработки были подготовлены еще при Эйзенхауэре. В докладе председателя комитета начальников штабов адмирала А. Рэдфорда министру обороны Ч. Вильсону еще в мае 1954 года предусматривалось на крайний случай «применение атомного оружия, где это выгодно, равно как и других видов вооружения, ведение воздушного наступления против избранных военных объектов в Индокитае»[49]. То не было исключением, сделанным для Вьетнама, а отражало общий подход Вашингтона к вооруженной борьбе против социализма.

Принципы «сдерживания» в их военном воплощении применительно к Европе были сочтены действенными для Юго-Восточной Азии. В Вашингтоне тогда в этом никто не сомневался. Потребовались годы и годы, чтобы К. Клиффорд (советник Трумэна и один из авторов «доктрины Трумэна») публично признал: «Я — продукт холодной войны.., но я думаю, что часть нашей проблемы в начале 60-х годов заключалась в том, что мы рассматривали Юго-Восточную Азию с тех же позиций, с каких мы рассматривали Европу в конце 40-х годов, и поэтому неверно оценивали происходившее там. Мир изменился, но наше мышление не изменилось в той степени, в какой это по крайней мере должно было произойти»[50].

Сам Кеннеди рассудил, что Юго-Восточная Азия — подходящее место, где США могут и должны дать урок миру, а именно, разгромив демократические силы во Вьетнаме, показать, что национально-освободительные движения будто бы не имеют решительно никаких перспектив. В середине 1961 года Кеннеди объяснил в узком кругу: «Вообще нам трудно заставить других поверить в нашу мощь, а вот Вьетнам подходит для этого».

Кеннеди в нарушение Женевских соглашений, установивших потолок для иностранных военнослужащих во Вьетнаме в 685 человек, приказал отправить туда «советников», численность которых к концу его президентства достигла 16 тыс. Когда знающий специалист по делам Дальнего Востока журналист С. Карноу попытался обратить внимание брата президента Р. Кеннеди на опасность избранного пути, тот небрежно отмахнулся: «Подумаешь, Вьетнам... У нас здесь (в Вашингтоне) по тридцать Вьетнамов в день»[51].

Верхушка вашингтонской бюрократии, мыслившая стереотипами «доктрины Трумэна», горячо поддержала Дж. Кеннеди. В хоре хвалебных голосов, воздававших должное его государственной мудрости, громко прозвучало мнение вице-президента Л. Джонсона. По возвращении из поездки по странам Азии Л. Джонсон 23 мая 1961 г. сделал основной вывод: «Мы должны бросить свою мощь на борьбу против коммунизма в Юго-Восточной Азии, преисполненные решимости достичь там успеха, иначе США придется неизбежно сдать Тихий океан и занять оборону на наших собственных берегах. Азиатский коммунизм сдерживает существование свободных наций на субконтиненте. Без этого островные аванпосты — Филиппины, Япония, Тайвань — не будут в безопасности и огромный Тихий океан превратится в „Красное море“»[52]. Л. Джонсону все было ясно в должности вице-президента, а когда после убийства Дж. Кеннеди 22 ноября 1963 г. он сам сел в президентское кресло, эта самая ясность трансформировалась в эскалацию войны во Вьетнаме.

Еще Эйзенхауэр сформулировал пресловутый принцип домино, который оказался путеводной звездой и при Джонсоне. Генерал в свое время сравнивал обстановку в Юго-Восточной Азии с положением костяшек домино, поставленных вертикально в один ряд. Если толкнуть первую, за ней упадут остальные.

Принятию решения администрации Джонсона о начале массированных бомбардировок ДРВ и о прямом участии американской армии в войне в Южном Вьетнаме предшествовала разработка отвлекающей версии, предназначенной для обмана мира. Из опубликованных секретных документов Пентагона следует, что еще 25 мая 1964 г. правительство США подготовило проект резолюции, обеспечивающий «законное санкционирова-

ние» нападения на ДРВ. Вслед за этим по заранее заготовленному сценарию был спровоцирован инцидент в Тонкинском заливе.

2 августа 1964 г. американский эсминец «Мэддокс» вошел в Тонкинский залив и, нарушив территориальные воды ДРВ, открыл огонь по ее патрульным судам, которые, защищая безопасность границ своего государства, ответным огнем вынудили эсминец уйти в открытое море. Через два дня США спровоцировали второй инцидент в Тонкинском заливе, объявив, что вьетнамские военно-морские суда якобы напали на эсминцы «Мэддокс» и «С. Торнер Джой» в международных водах. В обоих случаях американские эсминцы находились в пределах 12-мильной зоны территориальных вод ДРВ. Власти ДРВ были вынуждены принять меры для обеспечения безопасности своих государственных границ. Впоследствии в США было признано, что «Джонсон... создал эту провокацию, которую и хотели некоторые члены комитета начальников штабов»[53].

На основе провокационной «тонкинской резолюции» 7 февраля 1965 г. ВВС США начали массированные налеты на Демократическую Республику Вьетнам, а в апреле того же года в Южном Вьетнаме в бои вступили американские сухопутные части. Тогда не было недостатка в публичных заявлениях Вашингтона, что Соединенные Штаты-де защищают некие высокие идеалы «демократии» и пр. В документах Пентагона, однако, совершенно ясно указаны причины расширения масштабов военных действий. 24 марта 1965 г. заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности Д. Макнотон указывал в докладе Р. Макнамаре: «Цели США — на 70% предотвратить унизительное поражение страны», а затем все остальное, из оставшихся 30% — на 10% обеспечить народам Южного Вьетнама «лучшую жизнь»[54].

Когда в 1971 году среди других материалов Пентагона был предан гласности этот беспримерный документ, сенатор Дж. Фулбрайт построил вокруг него тезис одной из своих статей. «В этом, — писал Фулбрайт, — можно различить решимость президента Джонсона не быть «первым американским президентом, проигравшим войну», и также образ, созданный президентом Никсоном: Америка — «жалкий, беспомощный гигант»... Страна находится в тисках страха, а ее элита,

определяющая политику, не в состоянии провести различие между национальными интересами и собственным тщеславием»[55].

Вашингтон буквально надеялся на чудо, направляя во Вьетнам все новые и новые контингенты. К осени 1968 года их численность достигла 570 тыс. человек, не считая армии сайгонского режима. Столкнувшись с упорным сопротивлением, американские агрессоры повели войну, не считаясь с нормами международного права. В марте 1968 года американская солдатня учинила варварскую расправу с мирным населением общины Сонгми в Южном Вьетнаме, где было убито несколько сот женщин, детей и стариков. Весть о злодеянии в Сонгми быстро облетела мир. Под руководством У. Колби в Южном Вьетнаме была проведена программа «Феникс»: сайгонская охранка вместе с ЦРУ хладнокровно истребила десятки тысяч патриотов. Конечно, добавляет Колби, «как южновьетнамцы, так и американцы прибегали к пыткам»[56]. От налетов американской авиации пострадали сотни школ, больниц, сооружений гражданского назначения, церкви, буддийские храмы, десятки тысяч домов. Однако ни громадные по масштабам Южного Вьетнама силы интервентов, ни применявшиеся ими варварские методы ведения войны не могли обеспечить победы США. Не помогли и усилия научной элиты США, которая не могла рекомендовать Пентагону ничего существенного, что обещало бы победу[57].

В январе 1968 года патриоты Южного Вьетнама перешли в наступление. Поступь освободительной борьбы в Южном Вьетнаме становилась все увереннее. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама повел за собой самые широкие массы. Ни более полумиллиона солдат оккупационных войск, ни миллионы тонн бомб и снарядов, обрушенных на вьетнамскую землю, ни 350 млрд. долл. не могли спасти безнадежной затеи сломить сопротивление народа, поднявшегося на защиту правого дела.

Успехи патриотов привели к кризису внешнеполитического курса США. Обнаружилась полная порочность посылок, на которых он строился. Великое смятение охватило Вашингтон. Однако то был повод для коренного пересмотра не всей американской политики, а только части ее: вопрос шел не о существе, а о методах. Как отмечается в специальном американском исследо-

вании, «многие из воителей холодной войны типа Дина Ачесона и Клиффорда не выражали своего несогласия с войной во Вьетнаме до начала 1968 года... Их запоздалые возражения против войны, по-видимому, проистекали не из-за того, что они поставили под сомнение глобальное сдерживание, а из-за мрачных ежедневных донесений из Юго-Восточной Азии — «победа» в традиционном военном смысле невозможна и впереди новые катастрофы»[58].

Отстаивая свободу и независимость, патриоты Вьетнама вели борьбу на трех фронтах — военном, политическом и дипломатическом. Много славных побед одержали над врагом Народные вооруженные силы освобождения Южного Вьетнама (НВСО ЮВ), стойко защищали свою родину от воздушных нападений бойцы и население ДРВ. На переговорах в Париже, где с 1968 года обсуждались вопросы политического урегулирования вьетнамской проблемы, представители ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам (ВРП РЮВ) удерживали за собой инициативу и уверенно защищали национальные интересы.

Сочетание этих форм борьбы позволило добиться решающего успеха: в январе 1973 года было подписано парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

США были вынуждены взять обязательство вывести свои войска и войска союзников с территории Вьетнама, прекратить бомбардировки ДРВ и другие агрессивные действия. США обещали также не продолжать военного участия или вмешательства во внутренние дела Вьетнама, признавали право на самоопределение народа Южного Вьетнама.

Парижское соглашение, которое предусматривало достижение национального согласия в Южном Вьетнаме, закладывало фундамент политического урегулирования в стране. Но сайгонские марионетки с первого же дня, пользуясь поддержкой своих заокеанских хозяев, начали его саботаж. Клика бывшего сайгонского «президента» Нгуен Ван Тхиеу публично растоптала этот международный документ. Она проводила широкие военные операции по захвату территории, находившейся под контролем Временного революционного правительства РЮВ, срывала все попытки наладить механизм вы-

полнения соглашения, отказывалась предоставить населению демократические права. Из-за океана продолжали поступать вооружение и военные материалы.

Но и на этот раз врагам вьетнамского народа, предателям национальных интересов страны не удалось достичь своих целей. Народные восстания в сайгонской зоне и отпор, который давали НВСО ЮВ нарушителям Парижского соглашения, бесповоротно определили крах клики марионеток. Антинародный режим Тхиеу, который около десятилетия держался на иностранных штыках, рухнул, несмотря на то что располагал крупной армией и запасом военного снаряжения и материалов на 5 млрд. долл. 30 апреля 1975 г. в Сайгон вступили войска Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама. Так закончился долгий путь вьетнамского народа к свободе.

Победа вьетнамского народа свидетельствует прежде всего о том, что в наше время, когда социализм оказывает решающее воздействие на ход истории, все попытки подавить освободительное движение обречены на провал.

Американский империализм испытал во Вьетнаме целую серию политических доктрин, военно-стратегических концепций, различных тактических планов. Но ничто не принесло ему успеха. Причины этого заключаются в том, что сегодня империализм уже не может вернуть себе историческую инициативу, дабы методом диктата определять лицо современного мира. Один из крупных теоретиков американской внешней политики Дж. Кеннан предложил не тратить время на ламентации. Он написал: «Мы просчитались в ряде отношений. Мы выяснили, что предприятие не может быть закончено, как мы планировали. Хорошо. Мы учли наш провал, проглотили наши потери и ушли... Они победили. Мы потерпели поражение»[59]. Яснее не скажешь.

Победа Вьетнама в долгой героической борьбе — это прежде всего победа мужественного и отважного народа, прошедшего сквозь все испытания. Свой вклад в нее внесли прогрессивные силы всего мира. Эту победу невозможно представить без той помощи, которую оказали Вьетнаму страны социалистического содружества. Справедливое дело вьетнамского народа восторжествовало потому, что оно с самого начала было поддержано материальной силой и морально-политическим

авторитетом Советского Союза, мирового социалистического содружества, международного коммунистического движения.

На всех этапах борьбы вьетнамского народа советские люди твердо и последовательно стояли на его стороне. СССР делал все возможное для оказания ему эффективной помощи и поддержки. Из Советского Союза вьетнамский народ получал надежные средства для отражения агрессии империализма. Широкой была советская помощь ДРВ и южновьетнамским патриотам в области экономики. На международной арене Страна Советов неизменно поддерживала борцов за свободу Вьетнама, добивалась прекращения агрессии. СССР перед всем миром ярко продемонстрировал свою верность принципам пролетарского интернационализма.

ГЛАВА III

«РЕВИЗИОНИСТЫ» ОБЪЯСНЯЮТ

Политика «с позиции силы», лежащая в основе курса Вашингтона, потерпела очередной сокрушительный провал во Вьетнаме.

Между тем именно в этом районе американские стратеги вознамерились дать предметный урок силам национального освобождения всего мира. Победа на этом театре войны, по мнению Вашингтона, должна была доказать, что борьба против империализма не имеет перспектив. Все эти надежды рассеялись как дым. В США возникло глубокое разномыслие о дальнейших путях, лежащих перед страной. Как случилось, что США, самая могущественная держава империалистического мира, проиграла войну в джунглях и на рисовых полях маленького Вьетнама?

На фоне длительной войны во Вьетнаме и следует рассматривать теоретические взгляды «ревизионистов». В сущности они в значительной степени дали научное обоснование той волны критики официального курса Вашингтона, которая поднялась в Соединенных Штатах в 60-х годах и особенно в начале 70-х годов. Историки этого направления попытались создать стройную концепцию, которая объяснила бы различные и на первый взгляд противоречивые действия Вашингтона. Их концепция оттачивалась с годами и к середине 70-х годов превратилась в развитую систему взглядов.

Несомненно, до «ревизионистов» и одновременно с ними в США были историки, критиковавшие те или иные аспекты американской внешней политики[1]. В такой роли, разумеется, выступали и отдельные представители официальной историографии[2]. Но, отмечается в неопубликованной диссертации, хранящейся в библиотеке Трумэна, «в работах ревизионистов аргументация идет

много дальше»[3]. В каком же направлении и в чем ее суть?

Основоположником «ревизионизма» применительно к рассматриваемым проблемам в Соединенных Штатах считают проф. Вильяма А. Вильямса. Первоначально соответствующие положения он выдвинул в книге «Американо-русские отношения. 1781—1947 гг»., подтвердив и расширив их в работе «Трагедия американской дипломатии» (первое издание вышло в 1959 году, дополненное — в 1962 году)[4]. По мнению Вильямса, уже само название несет серьезную семантическую нагрузку, ибо «трагедия не руководство к жизни, но орудие для живущих, при помощи которого постигается мудрость»[5]. Дж. Гэддис констатировал: «Хотя ревизионисты не соглашаются между собой по всем пунктам споров относительно генезиса холодной войны, они применяют главные положения аргументации Вильямса»[6]. По единодушному мнению американских историков, Вильямс был «главный ученый и публицист новых левых»[7]. Насчет «новых левых» сомнительно, но можно согласиться с общей оценкой журнала «Сатердей ревью»: если «раньше только марксисты подчеркивали империалистический характер американской внешней политики, указывая, что корни ее таятся в капитализме, то теперь американский историк, немарксист, выдвигает хорошо документированную аргументацию о том, что внешняя политика США в теории и на практике была империалистической, начиная с американской революции»[8].

Политика «холодной войны» с сопутствующим военным психозом в США перед лицом мнимой угрозы со стороны Советского Союза поразила все стороны жизни страны, больше того, оказалась пагубной для самих Соединенных Штатов. «Будущие историки, — подчеркивает Вильямс, — должны будут заключить, что «тотальная дипломатия» холодной войны оказалась бумерангом. Соединенные Штаты через десятилетие с небольшим обнаружили, что столкнулись с действительностью, которая являла собой почти полную противоположность тому миру, который, как они самонадеянно ожидали, возникнет в результате их программы и политики»[9]. Советский Союз не только не капитулировал перед Западом, не «разложился» изнутри, на что так уповали архитекторы и строители «сдерживания», а, напротив, добился больших успехов во всех областях. Запуск

осенью 1957 года в СССР первого в истории человечества искусственного спутника Земли был тому наглядным доказательством.

Американская дипломатия, по мнению Вильямса, в годы «холодной войны» была логическим продолжением политики «открытых дверей». В результате в других странах на протяжении жизни одного поколения осознали, что минимальная цель ее — стабилизировать и заморозить статус-кво западного верховенства, оптимальная — упорядочить американскую экспансию. В конце 50-х годов иностранцы восстали против подчинения их собственной культурной, политической и экономической жизни, против экспансионистской политики «открытых дверей»[10]. Особенно ярко эти настроения проявились в период войны в Корее. Автор подчеркивает: «Между тем в собственной стране общественное мнение, сущность и форма политики, функционирование экономики — все отрицало, что дипломатия холодной войны по крайней мере улучшит характер жизни в Америке»[11].

Положения, высказанные Вильямсом, постепенно получили широкое распространение в США. Его кредо, подчеркивается в специальном американском издании, сводится к следующему: «Американские политики стремились навязать послевоенному миру их собственные планы мира и процветания. Американская политика открытых дверей, доказывает он, представляла собой прямую угрозу безопасности России... Вильямс отрицает, что Россия представляла собой военную угрозу для США или Западной Европы... Книга „Трагедия американской дипломатии", часто игнорировавшаяся и отвергавшаяся в последние несколько лет, завоевала большое уважение, особенно когда крах либерализма и катастрофическая война во Вьетнаме заставили многих американцев пересмотреть свое отношение к „холодной войне". Под влиянием этих событий ученые и политики начинают сомневаться в правильности антикоммунизма, в том, как используется на деле национальная мощь, ставят под вопрос саму веру в национальную добродетель. Они указывают на значение идеологии, а некоторые подчеркивают взаимоотношение между идеологией, политической экономией и внешней политикой. Вильямс в большей степени, чем кто-либо другой, определил эти проблемы и проложил путь для многих, кто последовал по его стопам»[12].

Среди них ученики Вильямса — Л. Гарднер, Г. Алпровиц, В. Лафебер, его коллеги Д. Флеминг, Г Колко и др. Его главное отличие от последователей состоит в том, что он прежде всего концептуалист, в то время как подавляющее большинство историков этого направления в основном эмпирики. Вильямс, по собственным словам, далеко не сразу понял важность теоретического анализа, а подошел к этому, лишь проведя основательную работу по сбору и изучению фактов. Взявшись воевать с «реалистами», он должен был сформулировать собственные методологические принципы, ибо история под пером «реалистов» претерпевала удивительные метаморфозы.

Увлечение и даже опьянение историей в США после второй мировой войны В. Вильямс, как и следовало ожидать, объяснил чисто конъюнктурными моментами. Он саркастически заметил в одном из своих трудов, носящих философско-исторический характер: «Пытаясь избавиться от страха, преодолеть духовный и интеллектуальный недуг и разрешить стоящие перед ними дилеммы, множество американцев обратилось к истории, стремясь найти объяснение своего затруднительного положения и программу (если не панацею) на будущее. В результате и несмотря на естественное очарование и кокетство психологии, социологии и экономики, Клио вступила еще в одну из своих многочисленных связей с обществом, старавшимся вновь обрести уверенность в себе и безопасность. Чиновники американской дипломатической службы уходили в отставку, чтобы писать меморандумы в виде исторических книг, в то время как историки брали отпуска в университетах и становились чиновниками дипломатической службы»[13].

Эти лица, однако, на взгляд Вильямса, никак не расширили горизонтов исторической науки, ибо они обращались к прошлому лишь за тем, чтобы «вытащить сноски к умозрительным заключениям» политиков на действительной службе. Это не дело, и не в этом задачи исторических исследований. «Великая традиция исторической науки заключается в том, чтобы помочь нам понять нас самих и наш мир, с тем чтобы каждый из нас порознь и все мы вместе могли сформулировать уместные и разумные альтернативы и стать сознательными действующими лицами в создании истории»[14]. Последнее желание — чистейшая фантазия в капиталисти-

ческом государстве. Важно, однако, что В. Вильямс настойчиво предлагал обратиться к прошлому, чтобы выяснить, было ли неизбежно именно такое развитие событий, какое имело место в действительности, и что двигало событиями в том или ином направлении.

В предисловии к большой работе «Генезис современной американской империи. Исследование роста и становления социального сознания в обществе, ориентированном на рынок» Вильямс подчеркнул, что современные проблемы уходят корнями в прошлое. Он сослался и на собственный опыт, заметив, что когда на рубеже 40—50-х годов взялся за изучение животрепещущей темы американо-советских отношений и написал свою первую книгу, то пришел к выводу, что для всестороннего понимания нужно выяснить более ранние тенденции американской внешней политики.

Стоило Вильямсу обратиться к концу XIX века, как он столкнулся с концепциями Ф. Тернера и его многочисленных интерпретаторов. Если большинство американских историков признавало основным вкладом Тернера его теорию «границы», где якобы формулировались демократические институты страны, то Вильямс обратил внимание на другую сторону концепции этого историка. «Ни один крупный историк до 1893 года не ставил экспансию в центр для объяснения и интерпретации американской истории, а Фредерик Джэксон Тернер доказал, что экспансия была ключевым фактором, объясняющим процветание, демократию и вообще благосостояние в Америке»[15]. Эту часть аргументации Тернера далеко не случайно разделяли Б. Адамс, Т. Рузвельт, В. Вильсон. Для двух последних, занимавших Белый дом, концепции Тернера — один из побудительных мотивов к действию. «Очень быстро, — пишет Вильямс, — стало очевидным, что Адамс, Рузвельт и Вильсон применили тезис о продвижении границы к проблемам американской дипломатии в конце XIX и начале XX века. Они рассматривали отношения Америки с остальным миром исходя из постоянной необходимости проводить экспансию для поддержания динамического соответствия между экспансией, процветанием, демократией, благополучием (и порядком) внутри страны... По их мнению, новая граница возникнет в результате непрерывного расширения американского рынка, и они формулировали свою внешнюю политику таким образом,

чтобы создать движение, обладающее необходимой силой для достижения этой главной цели»[16]. По мнению Вильямса, сказанное можно отнести и к современной внешней политике США.

Окончательное формирование американской экспансионистской идеологии, по Вильямсу, относится к периоду 1860—1893 годов, хотя соответствующие идеи имели хождение и раньше. «Постепенно в ходе напряженной научно-исследовательской работы, — пишет он, — я понял.., что многие американцы размышляли и действовали в соответствии с основной идеей тезиса Тернера о границе задолго до рождения самого Тернера»[17]. Экспансионизм предстает со страниц работ Вильямса как неотъемлемая черта внешней политики США с момента их возникновения: «Экспансионистское мировоззрение, которое разделяли и в соответствии с которым действовали американские лидеры во время и после 90-х годов XIX столетия, в действительности было кристаллизацией в индустриальную эру взглядов, сформулированных в аграрных терминах большинством страны в период с 1860 по 1893 год»[18].

Отсюда и проистекают истоки политики США в отношении Советской страны начиная с Великой Октябрьской социалистической революции. Американская экспансия встретила преграду в лице первого в истории государства, где власть принадлежит трудящимся. Отсюда непримиримая вражда к Советской России в годы гражданской войны. «Политика, сформулированная Вашингтоном, частично основывалась на посылке, что Ленин чудодейственным образом исчезнет, а Советское правительство падет, ибо ему суждено пасть... — отмечает Вильямс. — Краеугольными камнями этой политики были: 1) пока большевики находятся у власти, Соединенным Штатам следует отказываться от установления нормальных отношений с ними и ни при каких обстоятельствах не признавать правительства Ленина; 2) Вашингтон сделает все, что в его силах, чтобы помочь серьезному и консервативному лидеру или группе, стремящимся уничтожить Советское правительство»[19]. Говоря о мотивах участия США в антисоветской интервенции, Вильямс подчеркивал ее антикоммунистический характер: «В общем отношение Вильсона к большевикам не требует особых пояснений. Оно было враждебным... Интервенция как сознательная

антибольшевистская акция была для американских руководителей решенным делом уже через пять недель после прихода большевиков к власти... Решение об интервенции было продиктовано их враждой к радикальной природе большевистской революции. Иными словами, их стратегия была контрреволюционной»[20].

«Ревизионисты» одни из первых экстраполировали политическую философию Вильсона на последующий период истории американской внешней политики. Оценки и выводы работы В. Вильямса «Трагедия американской дипломатии», считавшиеся тогда «озарением», подтвердила новейшая историография США. Н. Левин писал в 1968 году: «Вильсонизм сформулировал американские национальные интересы в либерально-интернационалистических терминах как ответ на две доминирующие силы времени — войну и революцию»[21]. Именно таким образом квалифицируют внешнеполитические концепции Вильсона «ревизионисты» с легкой руки Вильямса.

В этом отношении «ревизионисты» весьма последовательны. Занявшись специально изучением их аргументации, отнюдь не разделяющий их тезисы Р. Такер подчеркнул: «Цели Вильсона... продолжали выражать суть американской внешней политики. Имея в виду эти цели, изоляционизм в послевоенный период с точки зрения радикальной историографии — миф... Военный и непосредственно послевоенный период не изменили экспансионистской политики, которую Соединенные Штаты проводили в течение десятилетий... Для радикального историка, следовательно, генезис холодной войны ясен. Учитывая неизменно наступательный характер американской внешней политики, конфликт с Советским Союзом был неизбежен»[22].

Исходя из того, что капитализм и экспансия неразделимы, Вильямс дал поучительную трактовку того, чем особенно гордятся «реалисты», — генезиса политики «сдерживания». Меткое замечание Вильямса в адрес Кеннана и к° показывает подлинную цену их «реализма»: «Вся политика сдерживания была, вне всяких сомнений, подсознательно результатом подхода к СССР с позиций теории истории, связывающей «границу» и экспансию. Лишите советское общество, гласила эта доктрина, возможности вести экспансию, и оно рухнет. Иными словами, заключив, что американское общество рухнет без расширения «границы», лидеры Соединенных Шта-

тов исходили из аналогичных посылок в отношении России»[23].

Объяснение Вильямсом сути политики «сдерживания», конечно, не могло пройти незамеченным. Он оказался под обстрелом критики «справа». Французский специалист по проблемам внешней политики США проф. Р. Арон прямо заявил, что ревизионистская трактовка генезиса «сдерживания» — не более чем «искаженное» по существу представление авторов о проблеме исследования. Таким историкам, как Вильямс, продолжал он, ровным счетом ничего не стоит объявить чуть ли не все действия США на международной арене производными от их якобы изощренной империалистической политики. При этом «свобода торговли» просто приравнивается к таким понятиям, как капитализм и империализм. «Каким же странным образом должен мыслить критик, изображающий такую политику („сдерживание". — *О. С.*) ошибочной»[24], — твердо заключает Арон. Здесь уже не просто сожаления об утраченных Соединенными Штатами возможностях, но и нарочитое нежелание смотреть фактам в лицо.

Объяснение причин возникновения «холодной войны», которое дают «ревизионисты», в целом сомнений не вызывает, хотя представители этого направления формулируют свои выводы с различной степенью определенности. В. Лафебер, например, смазывает их остроту по сравнению со своим наставником[25]. С другой стороны, весьма влиятельный «ревизионист» Г. Колко занимал более бескомпромиссную позицию, чем В. Вильямс. По его мнению, стремление воплотить в жизнь во всем объеме доктрины Вильсона, равнозначные мировому господству США, привело к колоссальному разрыву между американскими целями и возможностями. В результате Америка попала в крайне неловкое, более того, опасное положение. США выступили «против Советского Союза, против нарастающего левого движения и против Британии как равноправного гаранта мирового капитализма, в сущности Соединенные Штаты выступают против прошлой и будущей истории»[26].

Генезис всего этого, не устают подчеркивать В. Вильямс и его последователи, заключается в приверженности США к доктрине «открытых дверей». Доктрина эта, настаивает Вильямс, «является основным фактором для понимания и интерпретации американской политики в

30-х годах и последующие десятилетия. Американцы думали и верили, что такая экспансия жизненно важна, и их политика исходила из этой посылки»[27]. «Ревизионисты» не щадят усилий, осуждая эту доктрину, конечно, не столько за выдвинутые в ней цели, сколько за то, что выраженные в ней принципы не соответствуют реальному соотношению сил в современном мире и основным тенденциям его развития. Коль скоро ученый затронул вопросы практической политики, его пригласили в 1971 году выступить в Капитолии перед конгрессменами. Во время «слушаний» в подкомитете палаты представителей В. Вильямс объяснял: «США применили традиционную политику, далеко уходящую своими корнями в американскую историю, к новой обстановке, к которой эта политика, на мой взгляд, во многом не подходила, а это не способствовало пониманию происходившего, что, в свою очередь, привело к тому, что политика эта стала еще менее уместной»[28].

В этом отношении взгляды Вильямса обнаруживают бо́льшую последовательность, в сущности это его основной тезис, который он счел нужным принести в Капитолий. Показывая в действии экспансионистскую доктрину «открытых дверей», с его точки зрения, основного и неизменного принципа внешней политики американского империализма по крайней мере с конца XIX века, Вильямс утверждает, что в прошлом США иногда были правы, следуя ему. По его мнению, политика «открытых дверей» «блестяще действовала на протяжении полувека», дав США «возможность основать новую и влиятельную империю», она «оказалась на деле блестящим стратегическим ходом, который привел к постепенному расширению экономической и политической мощи Америки во всем мире»[29].

Эта доктрина, по мнению Вильямса, была действенна в отношении более слабых экономически стран. Вопреки известным фактам во 2-м издании «Трагедии американской дипломатии» сделана попытка доказать, что Куба, будучи американским протекторатом, обладала якобы широкими возможностями экономического роста и совершенствования политической системы, разумеется, в американской интерпретации. «Американские руководители, — находит автор, — не были людьми злыми». На острове будто бы не было «безжалостной и хищнической эксплуатации». Кубинский народ «наслаждался

постепенным... экономическим прогрессом. Улучшалось благосостояние не только определенного числа кубинцев, но и целых общественных слоев... В отдельных случаях небольшие группы кубинского населения принимали важное участие в работе представительного правительства»[30].

Попытка следовать догматам «открытых дверей» не только дала осечку, но и оказалась просто опасной в главном — в отношениях с Советским Союзом. Вильямс предпринял экскурс в историю США для того, чтобы установить причины серии провалов американской дипломатии, чтобы попытаться понять, что же привело к падению престижа США в мире, особенно в связи с войной во Вьетнаме. Одновременно он стремился определить, что нужно сделать, чтобы США использовали свою мощь с наибольшей пользой и наиболее эффективно в современной обстановке. Действительная причина требования автора отказаться от доктрины «открытых дверей» заключалась в том, что империалистический характер этой доктрины прояснился для народов мира. Объяснение, которое предлагает сам Вильямс, примечательно тем, что свидетельствует о понимании им противоречий в лагере империализма, осложняющих борьбу США за мировое господство. «Если доктрина «открытых дверей» в конечном счете потерпела неудачу, — пишет он, — то это не потому, что она была неразумна или слаба, но именно потому, что она была так успешна. Империя, построенная в соответствии со стратегией и тактикой нот, провозглашавших политику «открытых дверей», породила антагонизмы, создаваемые всеми империями, и именно это создало столько трудностей для американской дипломатии XX века»[31].

Политика «открытых дверей» выполнила свое предназначение. Время изменилось. В современных условиях Вашингтон должен пересмотреть цели США во внешней политике. В противном случае продолжение в будущем «экспансионистской политики «открытых дверей» весьма вероятно приведет либо к полной изоляции, либо к ядерному разоружению Соединенных Штатов»[32].

Вильямс, безусловно, принадлежит к числу наиболее трезво мыслящих историков на Западе, понимающих бессмысленность обанкротившейся и ставшей просто опасной в современных условиях политики «с позиции силы». Он говорит о том, что «не пора ли прекратить

разговоры о том, что все зло в мире исходит от Советского Союза и других коммунистических стран?», предлагает «перейти к переговорам относительно установления контроля над вооружениями»[33].

Подобные суждения, причем сделанные уже в первой половине 60-х годов, отражали политический реализм автора, осознающего изменения, происшедшие в соотношении сил между социализмом и капитализмом. На запуск первого советского спутника Вильямс откликнулся статьей, иронически озаглавленной «Американский век: 1941—1957 гг.», в которой одним из первых в США сделал вывод: «Тезис о том, что США в силах заставить СССР капитулировать на американских условиях, представляет собой слабое место в представлениях Америки о себе и мире»[34]. Концепции Вильямса стали аксиомой для «ревизионистов». Д. Горовиц, которого можно, с известными оговорками, отнести к этому направлению, заметил, сославшись на Вильямса: нежелание американских руководителей «в начале холодной войны вступить в переговоры (с СССР. — *О. С.*) может означать только, что они надеялись достичь своих целей без переговоров»[35]. Или, как писал американский публицист К. Солвей, излагая аргументацию Вильямса по этому вопросу, «холодная война была силовой реакцией государства монополий на существование действительно альтернативной социальной системы. Правда заключается в том.., что требования Сталина иметь границы, обеспечивающие безопасность Советского Союза, были разумны и о них можно было вести переговоры. Американское стремление вести переговоры «с позиции силы» просто скрывало глубокое нежелание вести их на иных условиях, кроме американских. Советский Союз в действительности никогда не угрожал Соединенным Штатам. Толчок в гонке атомных вооружений дала американская политика»[36].

Общее мнение многочисленных американских рецензентов работ Вильямса с приблизительной точностью выразила «Нью-Йорк таймс»: «Если свести детали аргументации Вильямса к главному, то его тезис выглядит примерно так: аграрное большинство создало «рыночное» представление о мире, при котором между свободой и открытым «свободным» рынком ставился знак равенства и возникала необходимость постоянно расширять рынки, дабы сохранить как личную, так и экономичес-

кую свободу; аграрии научили лидеров «городов» (промышленников, банкиров, политическую элиту) экспансионистским воззрениям, которые последние приспособили к собственным потребностям имперского распространения свободного американского рынка... Нам некого винить, кроме самих себя, за то положение, в котором мы оказались»[37].

Коль скоро Вильямс вознесен до положения своего рода гуру в американской исторической науке, а пишет он на редкость туманно, то, пытаясь прояснить ход его мысли, как противники, так и сторонники «ревизионистов» обращаются к американским историкам первого поколения и сопоставляют их концепции с его рассуждениями. На память неизбежно приходит Ч. Бирд, книги которого «Идея национального интереса» и «Открытая дверь дома», волновавшие умы в США в 30-х годах, содержат ряд сходных положений. Сравнение суждений В. Вильямса с Ч. Бирдом не бесполезно. Вполне уместно замечание Д. Хигхэма относительно работы Вильямса «Контуры американской истории»: Вильямс «воспроизводит бирдовскую комбинацию грубого материализма и тонкого идеализма и обладает тем же подспудным желанием обнажить скрытое ядро добродетели под твердой оболочкой американской жизни»[38].

Разумная, по всей видимости, постановка вопроса при попытке оценить витиеватый ход рассуждений Вильямса. По крайней мере оказывается возможным дать однозначный ответ по поводу зачастую очень неясных концепций, развитых в его книгах. Р. Такер даже рекомендует иметь в виду, что «Вильямс чуть ли не поощряет к такой интерпретации, настаивая, что намерения Америки (ее идеалы) в целом были достойны, но они были подорваны общим представлением США о себе и о мире, которое ставит благосостояние нации и ее свободу в зависимость от непрерывного расширения американской системы. Этот конфликт внутри и между американскими идеалами и практикой составляет суть постоянного кризиса американской дипломатии. В свою очередь торжество практики, обуреваемой стремлением переделать мир по образу и подобию Америки, то есть господствовать в мире, предопределяет трагедию американской дипломатии. Тем не менее основную причину этого конфликта Вильямс видит во внутреннем конфликте, в ходе которого нация подавила все «лучшее» в

ошибочном взгляде о себе и мире. Следовательно, мы вновь возвращаемся к исходному аргументу»[39].

То, что аргументация Вильямса вращается в заколдованном круге, очевидно, достаточно применить к ней формальную логику, как сделал Р. Такер. Для наших целей важнее другое. По Вильямсу, первопричиной американской экспансии являются идеи или намерения, правильные или ложные — другой вопрос. Структура, но не существо его доказательств сходна с тем, что развивают «идеалисты». Вероятно, это было сочтено слабым местом в аргументации Вильямса, которую поторопились укрепить его коллеги и первый из них — Г. Колко.

*

Проф. Г. Колко мало интересуют намерения, он, несомненно, сторонник известной точки зрения, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. «Вашингтон пост», обозревая его труды, как-то заметила: «Дьяволом в картине международных отношений, созданной Колко, являются Соединенные Штаты, в которых, по его мнению, господствует гражданская элита из рядов американского бизнеса, употребляющая свои усилия, независимо от службы правительству или ведущим корпорациям, для достижения американских материальных интересов»[40].

Если Вильямс все же творит в башне из слоновой кости, то Колко пытается воздействовать на более широкую аудиторию. Основная тема его изысканий — внешнеполитический курс США и его истоки[41]. Подвергнув пересмотру политику США, Г. Колко руководствуется прагматическими соображениями. Он, как и другие «ревизионисты», озабочен тем, чтобы предупредить возможность повторения просчетов, а для этого обращается к мотивам американской политики. Среди работающих в этом направлении в США, вообще отличающихся резкостью суждений, Колко выделяется особо сильной критикой американской внешней политики.

Дело не в творческом почерке, а в сумме убеждений Г. Колко — экономическом детерминизме. Отсюда его напряженное внимание к соотношению внутренней и внешней политики, причем последней он отводит все же подчиненную роль, а именно: «Наиболее существенным (для понимания американской социальной системы. —

О.С.) является положение, что это капиталистическое общество, базирующееся на резком неравенстве в распределении богатств и доходов; и оно не претерпело в этом серьезных изменений»[42]. Г. Колко указывает, что интересы американского бизнеса — «краеугольный камень» внутренней и внешней политики государства, а реформы и законодательство всегда отвечают классовым целям и удовлетворению классовых нужд правящей элиты. Вот почему не существует сколько-нибудь значительной разницы в целях современных творцов американской политики и их предшественников[43].

За плечами Колко порядочный багаж знаний в области экономической истории, и его выводы вытекают из собственных работ, посвященных социально-экономическим проблемам Соединенных Штатов. Его перу принадлежат книги «Богатство и власть в Америке», «Триумф консерватизма», «Железные дороги и регулирование, 1877—1916 гг.»[44], в которых показано всевластие монополистического капитала в Соединенных Штатах. С фактами в руках Колко, особенно в книге «Триумф консерватизма» (в ней исследуется период 1900—1912 гг.), иллюстрирует известное положение о том, что правительство США неизменно выполняет не только требования, но и пожелания финансово-промышленных магнатов. Исследователю, занимающемуся проблемой распределения доходов в этой стране, трудно пройти мимо точного статистического анализа, проведенного в работе «Богатство и власть в Америке». Как подчеркивает знаток вопроса Ф. Ландберг, «он показывает, что в распределении доходов в Соединенных Штатах существует фантастическая неравномерность»[45]. Колко не сделал больше, чем констатировал очевидное. Английский исследователь Д. Ходжсон замечает: «Историк Колко разбил положения либералов о том, что произошло перераспределение доходов в пользу бедных», показав, что доля бедных в национальном доходе с 1910 по 1959 год даже уменьшилась[46].

Выделяя классовую структуру американского общества, Г. Колко понимает, что политика американского крупного бизнеса не соответствует интересам большинства народа, который видит серьезное неравенство в распределении доходов между капиталистами и большинством американских трудящихся, лишенных собственности, страдающих от нищеты и безработицы. На

вопрос, почему до сих пор в США не возникло «массового антикапиталистического движения», Г. Колко, несомненно, сознательно искажая подлинную историю классовой борьбы в стране, отвечает, что оно не возникло потому, что «Соединенные Штаты являются классовым обществом лишь с самым незначительным притеснением (личности. — *О. С.*)»[47]. В этом отношении Колко далеко не оригинален, он лишь повторяет то, о чем обычно пишут апологеты теории «бесконфликтности», пронизывающей американскую буржуазную историографию. И среди них признанный авторитет — С. Хантингтон.

Взявшись полемизировать с Марксом по вопросу о сущности пролетарской революции, Хантингтон взвалил на свои плечи явно непосильную ношу — «доказать», что социализм — явление случайное, не имеющее ничего общего с объективными законами развития общества. «Социалистическая революция, — пишет он, — не является чем-то таким, что может произойти в любом типе общества, на любом этапе истории. Это не универсальная категория, а скорее категорически ограниченный феномен. Она не может произойти в традиционно высокоразвитых обществах с очень низким уровнем социальных и экономических сложностей»[48]. При этом, конечно же, Хантингтон имеет в виду США — яркий образец «бесконфликтного» общества.

Объективное замечание по поводу «отсутствия» в США «социальных и экономических сложностей» находим в книге американского проф. Г. Зинна «Послевоенная Америка». Останавливаясь на причинах массовых оппозиционных движений в Америке на рубеже 60—70-х годов, он пишет: «Принято считать, что в США система правосудия воплощает «все принципы демократии». Тезис, столь впечатляющий в теории, оказывается весьма слабым на практике. В «либеральном» капиталистическом обществе правосудие распределяется так же, как и деньги: теоретически все имеют на них равные права, на деле же у одних их больше, у других меньше»[49].

То, что у Г. Зинна предстает как афоризм, служит предметом специального исследования известного в США политического деятеля и публициста К. Лайтфута в недавно вышедшей книге «Права человека по-американски» — энергичной отповеди защитникам теории «бесконфликтности». «Статуя Свободы в Нью-Йорке, — пишет автор, — была в моих глазах прикрытием, за

которым на городских площадях заживо предавали огню моих черных матерей и отцов, братьев и сестер... Я задался вопросом: «Что же это за демократия?» и понял, что в классовом обществе полная и абсолютная демократия невозможна как для белых, так и для черных. С момента зарождения американской нации до настоящего времени правительство делало только то, что было в интересах большого бизнеса. Этими интересами, — подчеркивает К. Лайтфут, — и объясняется сущность американской политики»[50].

О том, как на деле обеспечивается в США «свобода и справедливость для всех», популярно и на многочисленных примерах рассказывается в публикации «Положение в области прав человека в США», выпущенной Коммунистической партией США в октябре 1977 года. Разоблачая буржуазную теорию «бесконфликтности», авторы показывают, как в Америке «всевластие миллионеров оборачивается бесправием миллионов», как политика в интересах большого бизнеса порождает войны, напряженность, опасную для дела мира гонку вооружений[51].

При ближайшем рассмотрении взгляды Г. Колко вписываются в рамки традиционных воззрений американской буржуазии, проясняется подоплека его критического отношения к внешнеполитическому курсу США, особенно в период войны во Вьетнаме. Обращаясь к политической истории страны, Г. Колко настойчиво проводит мысль о том, что принцип «открытых дверей» является первостепенным для понимания истории американской внешней политики. Проведение его в жизнь, отмечает он, фактически ставит государство в положение «регулятора» экономических отношений американского капитала с остальным миром. Тесные связи американского империализма с мировой экономикой, в особенности с экономикой «третьего мира», дают, по его словам, ключ к пониманию политики США в сегодняшнем мире[52].

С достаточными основаниями считается, что Колко был одним из первых исследователей, обратившим внимание на два принципа, определявших американскую политику в Азии: стремление обеспечить возможность капиталовложений и ведение торговли в выгодных для США районах на приемлемых для них условиях, отсюда — повелительная необходимость борьбы с националь-

но-освободительным движением, препятствующим расширению влияния США в этих районах[53]. Говоря о причинах американской агрессии против народов Индокитая, Г. Колко писал: «В конечном счете Соединенные Штаты воевали во Вьетнаме со все возрастающей ожесточенностью для того, чтобы распространить свою гегемонию на весь мир и пресечь любую форму революционного движения, которое отказывается признать главенство США в ведении дел в своей стране или в данном регионе»[54]. Он подчеркивал, что решение подобных задач в условиях современного мира оказалось просто не под силу США. С ним согласились критики внешней политики Соединенных Штатов Америки, принадлежащие к интеллектуальной элите, обслуживающей потребности правящего класса.

Однако они резко разошлись с ним в оценке пригодности экономического детерминизма как универсального средства для объяснения мотивов политики Вашингтона. Сам принцип экономического детерминизма — излюбленный предмет для нападок со стороны «респектабельных» американских историков[55]. Применительно к разбираемому случаю Г. Моргентау нашел, что экономический детерминизм «привел критика американской системы (Колко. — *О. С.*) к согласию с наиболее верными ее защитниками». Моргентау имел в виду, что Колко, как ни парадоксально, именно со своих позиций «доказал неизбежность» агрессии США против Вьетнама. Вообще, рассудил Моргентау, «сведение внешней политики к простой функции экономической мощи очень уязвимо для критики философских и исторических позиций». Как и следовало ожидать, Моргентау далее с позиции статической модели «баланса сил» (на его взгляд, основы международных отношений) попытался доказать, что в межгосударственных отношениях господствуют не экономические, а политические интересы[56].

Г. Колко, вероятно, мог отнестись к этим упрекам с легким сердцем, ибо в то время как Моргентау рассуждал о его книге «Корни американской внешней политики», где сжато излагались рассмотренные положения, американские историки все еще осмысливали вышедшую годом раньше его же монографию «Политика войны. Мир и внешняя политика США. 1943—1945 гг.». Если в первой из упомянутых работ концепция Колко излагалась конспективно, то во второй она раскрыва-

лась на фактах и примерах из истории чрезвычайно важного периода международных отношений. В рецензии Г. Смита в «Нью-Йорк таймс» эта работа оценивалась как «самое важное и плодотворное обсуждение проблем американской внешней политики во время второй мировой войны, которое появилось за последние десять лет. Его нельзя игнорировать»[57].

Говоря о причинах, которые побудили его обратиться к этой теме, Колко указывал: «Все мы живем под знаком последствий второй мировой войны, и новая переоценка их значения жизненно важна для понимания того постоянного кризиса, в котором находится внешняя политика США вот уже 25 лет»[58].

Верный принятому им методу, Г. Колко стремился доказать в своей книге, что США преследовали в той войне вполне осязаемые цели, и высмеивал известные утверждения о разрыве, якобы существовавшем между военными и политическими целями Вашингтона.

В исследовании детально прослеживается, как Вашингтон пытался добиться своих главных экономических целей во второй мировой войне — полной мировой гегемонии в финансово-экономической сфере. «Взгляд Вашингтона на окончательные цели мира с самого начала войны отражал прочно установленные американские принципы внешней политики, унаследованные почти целиком из мировоззрения Вудро Вильсона», сводившиеся в общем и целом все к той же доктрине «открытых дверей». Это был, писал Г. Колко, «классический национальный эгоизм в оболочке плохо гармонировавшей с ним интернационалистской риторики»[59]. Интерпретируя значение приверженности Вашингтона к доктрине «открытых дверей» в годы второй мировой войны, Колко заключает: «Экономическая цель Америки в войне заключалась в спасении капитализма внутри страны и за рубежом». Развивая это положение, он доказывает, что «основные цели США носили экономический характер.., а политика была только инструментом для сохранения и расширения беспрецедентной мощи Америки и ее позиций в европейской и мировой экономике»[60]. Если так, тогда уже в ходе войны неизбежно были посеяны семена грядущего конфликта с Советским Союзом, ибо эти цели не отвечали антифашистскому, освободительному характеру второй мировой войны, надеждам и чаяниям народов мира.

Что касается чисто военных аспектов, то книгу отличает трезвый подход к оценке вклада основных участников антигитлеровской коалиции в разгром противника. Решающая роль Советского Союза в ходе и исходе войны признается безоговорочно. По вопросу о помощи по ленд-лизу, которая необычайно раздувается в официальной американской историографии, он замечает: «Военные успехи СССР, безусловно, основывались прежде всего на усилиях и жертвах самих русских, а не на внешней помощи, которую Соединенные Штаты предоставляли им». Затяжка с открытием второго фронта, и это не раз подчеркивается в книге, преследовала одну цель: ослабить Советский Союз.

Все это, конечно, было очевидно и современникам: «Русским представлялось, что Запад занимался политикой, в то время как Россия занималась войной. Не говоря уже о том, что пришлось пересмотреть вопрос о коалиции после стольких нарушений обязательств, взятых по поводу открытия второго фронта. Русские, несомненно, осознали, что англо-американские оттяжки, независимо от того, были ли они намеренными или нет, ослабляли их в материальном отношении, и это должно было сказаться на их взаимоотношениях с Западом в конце войны. Для СССР было очевидно и то, что экономное отношение Англии и США к расходованию своих сил в войне, в свою очередь, ослабляет его (Советского Союза. — *О. С.*) обязательства в отношении союзников»[61].

Помимо прочего, в результате этой рассчитанной политики США жертвы, понесенные Советским Союзом и западными союзниками в борьбе с врагом, несопоставимы: «В конечном счете 20 млн. русских погибли в ходе второй мировой войны, из них 7 млн. солдат. Американцы потеряли 405 тыс., а англичане — 375 тыс. солдат. Уровень жизни в США после мрачного десятилетия кризиса достиг невиданной высоты... Если бы США и Англия хотели по справедливости подойти к послевоенному сотрудничеству в Россией, Запад мог компенсировать это неравенство в жертвах, только действуя осмотрительно в других, и прежде всего политических, вопросах»[62]. Тут, по мнению Колко, таились большие возможности для послевоенного сотрудничества.

Ничего этого Вашингтон не намеревался делать. Напротив, американские лидеры, совершенно не считаясь

с политическими реальностями, домогались осуществления своих целей в полном объеме, а именно — полного и безраздельного господства в мире. Отсюда неизбежность «холодной войны», ибо народы мира отнюдь не для того вели кровопролитную войну, чтобы склониться перед новыми претендентами на мировое господство. Г. Колко показывает, что рост демократических сил в послевоенном мире был закономерным итогом войны, однако Вашингтон расценил это как зловещий заговор против США.

Дело было не только в антикоммунистической риторике: «Только Соединенные Штаты располагали достаточной мощью для проведения глобальной контрреволюции и поддержки сил консерватизма. Военное вмешательство, осуществляемое практически во всех районах мира, стало основой их послевоенной внешней политики». В этих условиях конфликт с Советским Союзом становился неизбежным, поскольку «политические руководители США усматривали в России и левом движении причину, а отнюдь не следствие краха капитализма; они считали и то и другое ответственным за крушение этой системы в громадных районах земного шара еще до 1914 года». Подобный образ действий США был обречен на неизбежный провал, ибо такая роль оказалась им не по плечу. «Ни одна страна не в состоянии этого сделать»,— заключает свою книгу Г. Колко. «США пытались использовать свою мощь и в то же время не желали учитывать пределы американских возможностей... в мире, который не мог быть поставлен под контроль одной страны или союза»[63].

Вывод Г. Колко о том, что ответственность за «холодную войну» лежит исключительно на США, вызвал неистовую ярость официальной критики, взявшей под обстрел именно этот, главный тезис книги. Рецензент из Института оборонного анализа Л. Вайнстейн нашел, что «это самая неприлично пристрастная книга», какую ему когда-либо приходилось читать. «Односторонним подбором материала,—писал он,—ложными толкованиями автор стремится доказать простой тезис, что США целиком и полностью ответственны за разрушение коалиции с Россией и за последующую холодную войну», а далее следует только брань[64].

Несколько лет спустя примерно в таком же духе отозвался о Колко и «ревизионистах» в целом и автор

ряда книг по проблемам антикоммунизма Ф. Йоффе, посвятив этому направлению большую статью в журнале «Сервей». Тезис о том, что «Соединенные Штаты одни ответственны не только за начало холодной войны, но и за ее продолжение», рецензент сразу же объявил несостоятельным и, не скрывая раздражения, назвал всех «ревизионистов» «школой, которая берет факты и теории с потолка, дабы подогнать их к желаемому заключению»[65]. Что до аргументов самого Йоффе, то они — старательный перепев избитых клише апологетов «холодной войны».

Тем не менее постоянный критик «ревизионистов» Г. Моргентау нехотя признавал: «Перед нами книга большой значимости: первый трактат ревизионистов, посвященный генезису холодной войны, и в то же время первоклассное академическое исследование. Как таковое, оно знаменует собой поворотный пункт в историографии войны и послевоенного периода». Единственное, что Моргентау поставил в упрек автору, это преувеличение последовательности американской внешней политики. «Автор игнорирует громадное и часто решающее значение для внешней политики США невежества, рассеянности и наивных расчетов на благоприятные последствия доброй воли. В то же время он чрезмерно подчеркивает и неверно представляет в виде сознательной, ясной и последовательной внешнюю политику, которая в сущности была продиктована консервативными настроениями, страхом перед радикальными социальными изменениями, особенно в форме коммунизма»[66].

В 1972 году Г. Колко в соавторстве с супругой в обширном труде (800 страниц печатного текста) обратился к исследованию американской внешней политики в 1945—1955 годах. Их интересовала не столько деятельность американской администрации на внешнеполитической арене, сколько вопрос о влиянии результатов второй мировой войны на весь капиталистический мир. Пытаясь уяснить истинные причины сложившегося после второй мировой войны прискорбного для Вашингтона соотношения сил в мире, авторы по сути дела пересказывают в сокращенном варианте основные положения «реалистов», и прежде всего Дж. Кеннана. Это закономерно: «ревизионисты», предлагая свои рекомендации, прежде всего отстаивают тезис о необходимости строить внешнеполитический курс США, исходя из прин-

ципов дорогой сердцу «реалистов» доктрины «баланса сил».

Отсюда понятны частые параллели между исходами первой и второй мировых войн. «Главным следствием второй мировой войны, — подчеркивают авторы, — было оживающее и грозное движение левых, так же как основным результатом первой мировой войны был Советский Союз»[67]. Это не что иное, как повторение известного положения «реалистов» о том, что Великий Октябрь является следствием разрушения «баланса сил» в мире. «Если бы они (имеются в виду союзники. — *О. С.*) более внимательно отнеслись к тому, что происходило в тот момент на русской сцене, — писал Дж. Кеннан, — они смогли бы получить ключ к разрешению проблемы их политики в отношении России... Дилемма заключалась не только в том, что Россия переживала сильнейший политический кризис, но и в том, что она с течением времени потеряла реальную способность участвовать в войне»[68]. Коротко говоря, не окажи в свое время союзники давления на Россию с целью побудить ее продолжать участие в войне, не произошло бы там и социалистической революции. Таким же образом, считают «реалисты», а вслед на ними и Колко, разрушение «баланса сил» во второй мировой войне привело к созданию мировой социалистической системы.

А сущность американского империализма осталась неизменной и по окончании второй мировой войны. «Американский бизнес, — отмечают супруги Колко, — мог действовать только в мире, состоящем из политически надежных и стабильных капиталистических наций, имея свободный доступ к основным сырьевым материалам». Главная задача США в послевоенном мире свелась к тому, чтобы «реформировать мировой капитализм и разбить движение левых сил»[69], мешающее Соединенным Штатам перестроить мир, исходя из интересов американского бизнеса.

В книге развиваются и уточняются концепции, сформулированные в предшествующих трудах «ревизионистов». Исходный пункт монографии — тезис о том, что полное рассмотрение внешней политики США возможно только в системе глобальных международных отношений, а американо-советские отношения — лишь часть их. В какой-то мере то было предвосхищением идей, получивших хождение в США в период администрации

Дж. Картера. Такой ракурс отражал общий переход американской историографии от концепции биполярности к изучению многополярного мира. Основной тезис книги заключается в следующем: «Поскольку основной причиной международного кризиса была связь экспансионистской американской внешней политики с революцией и национальной автономией, как капиталистической, так и социалистической, политика русских вне пределов Европы фактически не могла удовлетворить США. Коротко говоря, Советский Союз не мог обеспечить стабильности, которой США пытались заменить постоянный мировой кризис (СССР сам был проявлением, но не причиной его). Более того, даже если бы Советского Союза не существовало, условия в «третьем мире» после 1945 года и американская реакция на них едва ли были бы иными, ибо истоки тех целей, которые ставил Вашингтон, восходят не только к периоду, предшествовавшему второй мировой войне, но и к 1917 году».

Не слишком ли смелое допущение? Вовсе нет, указывают авторы в начале 70-х годов: «Конечная цель США в конце второй мировой войны заключалась в сохранении и реформировании международного капитализма. Трудность одновременного достижения двух целей не дала в конечном счете возможности США удовлетворительно решить их для себя. Вашингтон стремился ликвидировать не только последствия второй мировой войны для международной политики, но и последствия кризиса 1929—1933 годов и даже первой мировой войны, иначе говоря, повернуть вспять большинство событий XX столетия... Цель была колоссальной и как всегда недостижимой»[70]. Под этим углом зрения в монографии разбирается конкретная деятельность американской дипломатии на разных этапах, в том числе в 1945—1947 годах, от принятия «доктрины Трумэна» до начала войны в Корее, а также во время этой войны. Тут и обозначились «границы американской мощи», а точнее, невозможность в современном мире решать спорные вопросы силой.

На большом количестве фактов в книге доказывается, что миф об «угрозе коммунизма» был сознательно пущен в ход правящими кругами США для оправдания собственного агрессивного курса и гонки вооружений. «Администрация, — пишут супруги Колко, — многократно использовала „угрозу" коммунизма, чтобы замаски-

ровать послевоенную американскую экспансию в Европе и во всем мире». Антикоммунистическая риторика неизменно сопутствовала всем империалистическим акциям Вашингтона. Попытки СССР нормализовать отношения с США и добиться разрядки международной напряженности натыкались на отказ: «Любое советское предложение вести переговоры после 1946 года для Вашингтона являлось, скорее, угрозой, чем благоприятной возможностью, ибо оно ослабляло искусственно нагнетаемое состояние национального кризиса, а последнее было гораздо важнее в действиях правительства по отношению к конгрессу и американскому народу, чем сдерживание большевизма. Это постоянное раздувание опасности было для Вашингтона единственным надежным средством в его внешней политике, и это уже само по себе исключало сближение с Москвой»[71].

В годы «холодной войны» эти рассуждения неизбежно были бы осуждены в США как опасная ересь и были бы даже объявлены «антиамериканскими»; в 70-х годах они воспринимались по-иному. В самом деле, уже упоминавшийся Г. Смит, нашедший «односторонней» предшествующую работу Г. Колко «Политика войны. Мир и внешняя политика США. 1943—1954 гг.»[72], заметил о книге «Пределы власти»: «Американские лидеры (в послевоенный период. — *О. С.*) единодушно... считали, что, только создавая психологический климат войны с Россией, Соединенные Штаты смогут преуспеть и запугать бóльшую часть мира, низведя его до полуколониального подчинения США. Без такого подчинения мира невозможно поддерживать уровень занятости и прибылей, необходимых для выживания американского капитализма... Супруги Колко правы, указывая, что послевоенная американская политика была бы такой же, даже если бы не существовало России. Была бы изобретена замена России. Объяснения Колко сводятся к тому, что американская внешняя политика подобна силе природы, неизбежно стремящейся при всех обстоятельствах к экономическому господству над миром. При нынешней структуре американского общества иной путь невозможен»[73].

Агрессия, по Колко, — функциональная особенность американского империализма. Обратившись к мотивам американской экспансии и стремления к мировому господству, Колко исходит из иных посылок, чем Вильямс.

Если Вильямс считал, что Соединенные Штаты руководствовались определенными идеями, то Колко полагает, что так называемые идеи не что иное, как суесловие, пестрая оболочка вполне ощутимых материальных устремлений. У Вильямса звучит сожаление по поводу «трагедии американской дипломатии», якобы подавившей нечто прекрасное в духовном мире США. Колко не обнаруживает ничего «прекрасного», а находит только стремление к голому чистогану моголов финансового капитала, диктующих внешнеполитический курс Вашингтона. Но при значительных и едва ли примиримых противоречиях в отношении исходных посылок оба обнаруживают поразительное единодушие в конечных выводах о том, что США проводили нереалистическую политику, собственными руками создавая для себя невероятные трудности.

Выступив в роли ментора «ревизионистов», Дж. Гэддис солидаризируется, конечно, с ними в том, что США взялись жить не по средствам. А дальше выдвигается внушительное «но», а именно: «ревизионисты правы, подчеркивая значение внутренних ограничений («потребностей экономической системы» США, как выразился Гэддис. — *О. С.*), но они определили их слишком узко. Сосредоточив основное внимание на экономике, они упустили из виду глубокое воздействие американской политической системы на проведение внешней политики США. Конституция в конце концов дала народу и его представителям на Капитолийском холме по крайней мере негативное влияние в этой области, и, хотя это влияние не определяло конкретные дипломатические меры, оно накладывало ограничения на то, как далеко могли пойти законодатели... Конечно, можно утверждать, что политическая структура отражает экономическую подструктуру и американские политики были-де слепыми орудиями капитализма, но оправдать такое допущение можно, лишь прибегнув к в высшей степени сомнительной технике экономического детерминизма»[74].

Насколько неправомерна критика под таким углом зрения, очевидно показывает подход «ревизионистов» к конкретным обстоятельствам возникновения «холодной войны».

* * *

Беды американской внешней политики «ревизионисты» относят к началу «холодной войны». Генезис ее — их вечная тема. Вильямс и Колко попытались показать глубинные причины, обусловившие неизбежность обращения к «холодной войне» со стороны США, а «ревизионисты» в целом (Вильямс с Колко часто первые среди них) реконструировали со своей точки зрения памятные события тех лет, когда мир был ввергнут в эту войну. По почти единодушному мнению, в США «ревизионисты» достигли наибольших успехов именно в рассмотрении генезиса «холодной войны», и именно по этому вопросу их самым тщательным образом подправляют «постревизионисты», особенно Дж. Гэддис. Внимание ко всему этому понятно, ибо речь идет прежде всего об отношениях между США и СССР, проблеме, носящей далеко не академический характер. Тезисы «ревизионистов» громко прозвучали потому, что они были выдвинуты в обстановке нараставшего смятения во время американской агрессии против народов Индокитая. По мере того как эскалация войны во Вьетнаме приносила все новые поражения, в США, естественно, задавались вопросом, а правилен ли политический курс Вашингтона, проводившийся с возникновения «холодной войны», то есть со второй половины 40-х годов.

То, что толчок «ревизионистам» дала война во Вьетнаме, в академической общине США сомнений не вызывает. Это доводится до сведения даже в учебной литературе. «Работы В. Вильямса, Г. Колко, Г. Алпровица и Б. Бернстейна приобрели широкую популярность после 1965 года, когда разочарование в связи с войной во Вьетнаме показало разумность сомнений относительно более раннего периода внешней политики»[75], — замечает редактор серьезной хрестоматии по проблемам истории США Д. Смит.

Критика «ревизионистов» в основном и была направлена против их трактовки этой проблемы[76], ибо она и является краеугольным камнем всей их доктрины. Ч. Мейер начал свою статью с указания: «Немногие исторические переоценки достигали такой внезапной популярности, как нынешняя критика «ревизионистами» американской внешней политики и происхождения холодной войны. Бо́льшую часть их влияния можно от-

нести за счет Вьетнама, хотя работа «ревизионистов» началась еще до того, как США глубоко погрузились в дела этой страны. Война привела к эрозии многих национальных представлений о себе, так что многие посылки, лежащие в основе традиционной истории холодной войны, были поставлены под сомнение. В течение 20 лет советско-американский конфликт списывался на счет усилий Сталина расширить советский контроль путем подрывной революции. «Ревизионисты», обрушившиеся на этот тезис, теперь нашли читателей, готовых принять противоположную идею — вину за холодную войну должны нести Соединенные Штаты»[77]. Другой враждебный критик подчеркнул: «Труды так называемых ревизионистов истории холодной войны в недавние годы оказали могучее воздействие. Созревающее политически новое поколение убеждается в справедливости аналогий, проводимых или предлагаемых между Вьетнамом и периодом возникновения холодной войны»[78].

Независимо от конкретной даты, к которой привязывается начало «холодной войны» (по этому поводу между «ревизионистами» существуют разногласия), все они сходятся в одном: вина за ее возникновение лежит на Западе, точнее на Соединенных Штатах. В основательной работе Д. Флеминга «Причины холодной войны», вышедшей еще в 1961 году, истоки ее прослеживались вплоть до 1917 года, когда державы Антанты и США встали на путь антисоветской интервенции, руководствуясь соображениями антикоммунизма[79]. Точка зрения Д. Флеминга общепринята среди «ревизионистов», а некоторые из них в значительной степени основывают свои труды и на фактическом материале, почерпнутом из его двухтомной работы[80]. В связи с этим особо выделяется роль В. Вильсона как архитектора контрреволюционного курса Соединенных Штатов на мировой арене[81].

Исследования Д. Флеминга и в несколько меньшей степени В. Вильямса по истории внешней политики США в 20-х и 30-х годах превратились для «ревизионистов» в собрание аксиом. Как правило, они не разбирают подробно соответствующие события, ограничиваясь ссылками на выводы, к которым пришли Д. Флеминг, В. Вильямс и некоторые другие, а подробно исследуют происхождение «холодной войны» с событий, завершавших вторую мировую войну и открывав-

ших начало периода неустойчивого мира[82]. В трактовке «ревизионистов» причины «холодной войны» предстают в реалистической перспективе: Вашингтон стремился «перевоевать» за столом переговоров итоги войны, повернуть течение вспять, восстановив пресловутый «санитарный кордон» вдоль западных границ Советского Союза. Иными словами, в обстановке невиданного демократического подъема, вызванного в мире победой над державами фашистской «оси», американский империализм попытался полностью восстановить позиции капитала на европейском континенте.

Это положение, по мнению «ревизионистов», ныне не нуждается в особых доказательствах. Как отмечает Г. Алпровиц, «трансформация исторических посылок политики США и превращение ее в стратегию, специально направленную на предотвращение контроля левых сил... в странах Восточной Европы, легко документируются теперь, поскольку открыты архивы периода 1945—1946 годов. Ясно, что США использовали все средства в дипломатическом арсенале, за исключением вооруженного вторжения, дабы предотвратить создание левых правительств»[83]. Дело было, однако, не только в дипломатических маневрах, закулисных действиях и прочем. Некоторые лидеры Запада откровенно заявили уже тогда о своих намерениях.

Заслуга «ревизионистов» помимо прочего состоит в том, что они напоминают о ряде вылазок против СССР, которые буржуазная историография по понятным причинам попыталась предать забвению или утопить в риторике «холодной войны». Крупной вехой в нагнетании военного психоза была речь У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. В книгах «ревизионистов» она справедливо расценивается как поджигательский призыв. Но не только это. «Ревизионисты» указывают на то, что ее авторство должен разделить и Г. Трумэн. Короче говоря, это было совместное американо-английское выступление.

«Если суждено разразиться третьей мировой войне, — заключает Д. Флеминг, — речь Черчилля в штате Миссури будет важнейшим документом, объясняющим ее происхождение. Он впервые подробно рассказал о Красной России как о стране, будто бы стремящейся завоевать мир. Поскольку сказанное им опиралось на его громадный авторитет военного руководителя, к чему

добавлялось личное обаяние, речь склонила миллионы слушателей в пользу создания нового гигантского санитарного кордона вокруг России. Это выступление было призывом к мировому крестовому походу ради сокрушения международного коммунизма во имя англо-саксонской демократии. Когда воинственный призыв Черчилля был напечатан, он стал евангелием всех поджигателей войны в мире. Он сказал все, что они хотели сказать»[84].

Вина за обострение отношений с Советским Союзом, показывают и доказывают «ревизионисты», лежит исключительно на Западе, а коль скоро США возглавляли капиталистический мир, то они в первую очередь должны нести ответственность. Стремление к мировому господству правящих кругов США заранее обрекало на неудачу саму идею возможности американо-советского сотрудничества. Весь подход Вашингтона к экономическим проблемам послевоенного мира вытекал из этой генеральной цели американской внешней политики. В неопубликованной диссертации Т. Шмидта подчеркивается: «Многие ревизионисты указывают, что в основе конфронтации лежали попытки США использовать свою преобладающую экономическую мощь»[85]. Последствия в политической области были поистине неисчислимы. Один из «ревизионистов», анализировавший экономические вопросы в непосредственно послевоенный период, замечает: «Цепляясь за свою идею мировой экономической системы, в которой господствуют Соединенные Штаты, (Вашингтон) сорвал всякую возможность регионального соглашения о сотрудничестве с СССР и вел политику, которая и привела к разделению Европы»[86].

Дж. Гэддис по этому поводу вздыхает: «Жестоко, если не несправедливо, осуждать государственных деятелей за то, что они отвергли политику, которая им казалась невозможной»[87].

Но ведь Советский Союз стоял за равноправное сотрудничество с Соединенными Штатами, тщетно искал его! Д. Флеминг особо выделяет, что Советский Союз отнюдь не проводил пресловутого «экспорта» революции, а «выполнял обязательства», сотрудничал с государствами, принадлежащими к противоположной социально-экономической системе[88]. Г. Колко начисто опровергает тезис антикоммунистической пропаганды о мнимой «подрывной работе» коммунистов в других стра-

нах, якобы опирающихся на поддержку Москвы: «В действительности мы теперь знаем, что русские... не имели ни малейшего намерения в 1945 году большевизировать Восточную Европу»[89].

Между тем и на академической общине США лежит громадная ответственность за извращенное изображение тогдашней политики Советского Союза. Никто другой, как У. Лангер в 1947 году счел возможным написать: «Мы теперь ясно видим: было ошибочно считать, что большевики отказались от мировой революции... Европа и мир освободились от нацистской угрозы лишь с тем, чтобы предстать перед перспективой коммунистического контроля»[90]. В результате в известной мере активной деятельности «ревизионистов» утверждения такого рода ныне стали неприемлемы даже для западных историков, стоящих на позициях официальной историографии, которых никак нельзя отнести к разряду либеральных[91].

*

Вашингтон с параноидным упорством стремился воссоздать «санитарный кордон» вокруг СССР, изолировать нашу страну в качестве предварительного условия для нанесения поражения социализму. В этих целях и была включена в арсенал средств американской внешней политики атомная бомба, угроза применения которой, по мнению американских стратегов, могла склонить Советский Союз к капитуляции перед Соединенными Штатами[92].

Специально занявшийся этой проблемой Г. Алпровиц особо выделил ее значение как катализатора политики: «Перемена, вызванная новым оружием, была вполне определенной. Ее результатом было не только противодействие США советской политике в Восточной Европе и в Маньчжурии. Скорее атомная бомба, раз уж все согласились с необходимостью занять твердую позицию против Советского Союза в этих районах, укрепила американских деятелей во мнении, что они обладают силой, достаточной для того, чтобы влиять на события в граничащих с Советским Союзом районах. Это получило верное и точное выражение в словах Трумэна, сказавшего Стимсону, что бомба „дала ему совершенно новое чувство уверенности“»[93].

Рассуждения Алпровица сводятся к тому, что обладание атомной бомбой само по себе не родило в Вашингтоне новых идей, а лишь подтолкнуло руководителей США попытаться осуществить давние планы. Представилась, как казалось, возможность воплотить на практике идеи «явного предначертания». В этом плане вторая мировая война открывала блестящие возможности.

Однако именно в послевоенный период вашингтонские политики столкнулись с серьезными трудностями на пути осуществления своих честолюбивых замыслов. Народы мира, прошедшие через горнило тяжелейшей из всех войн, какие только знало человечество, отнюдь не вдохновляла идея попасть под эгиду США. Соединенным же Штатам для достижения своего господства было недостаточно сохранить довоенный статус-кво, необходимо было максимально расширить свое влияние любыми имеющимися в их распоряжении средствами.

Достижение этого, однако, не представлялось возможным без подрыва позиций Советского Союза, чей авторитет в мире необычайно возрос благодаря решающему вкладу в разгром гитлеризма. «...Довод Трумэна, — подчеркивает Алпровиц, — в пользу того, что устойчивость в Европе является жизненным условием всеобщего мира и американской безопасности, опровергает ошибочное, хотя и распространенное мнение, что Соединенные Штаты мало проявляли активный интерес в европейских делах до принятия доктрины Трумэна в 1947 году и плана Маршалла. Заявление, сделанное президентом в середине 1945 года перед членами правительства США, было точным выражением его политического курса: «Мы обязаны восстановить Европу и на этот раз, мы не можем отступить от этой цели». В действительности следовало бы сказать больше, ибо американские обязательства в Европе не ограничивались западными районами европейского континента. Как подчеркнул Джордж Кеннан, создатель политики «сдерживания», «американская политика ни в коей мере не ограничивалась стремлением удержать свои позиции». Бирнс неоднократно подчеркивал, что «в 1945 и 1946 годах... его политика всегда была нацелена на то, чтобы заставить русских уступить в Восточной Европе...»[94].

Алпровиц, присоединяющий свой голос к тем историкам на Западе, которые видят истоки «холодной войны» в агрессивной политике Соединенных Штатов, отнюдь не порицает весь внешнеполитический курс. Он лишь с сожалением указывает на его нереалистичность при изменившемся в пользу социализма соотношении сил на международной арене. «Нет никакого сомнения, — пишет автор, — что в своей политике Трумэн и Бирнс исходили из самых лучших намерений и высших идеалов. Тем не менее попытка заставить Советский Союз уйти из Восточной Европы сразу же после того, как Гитлер вторгся в Россию, представляла собой политику, реализовать которую было крайне трудно»[95].

В этом случае Алпровиц не выдвигает из ряда вон выходящих аргументов среди «ревизионистов». Исследователь вопроса, обобщая их взгляды по рассматриваемой проблеме, нашел: «Мы можем успешно суммировать их доводы так: основная цель американской политики отнюдь не заключалась в защите Западной и Центральной Европы от советской агрессии. Дело заключалось в том, чтобы принудить СССР отказаться от своих законных интересов в области безопасности»[96].

Как и другие «ревизионисты», Алпровиц, подчеркивая последовательность Вашингтона, тем не менее при рассмотрении конкретных исторических этапов подчас склонен к идеализации отдельных политических деятелей.

Так, анализируя политику Ф. Рузвельта и его преемника Г. Трумэна, он приходит к выводу, что они якобы в корне различно подходили к проблеме американо-советских отношений. «Я согласен, — говорит Алпровиц, — с замечанием государственного секретаря правительства Трумэна Бирнса, как-то заявившего, что к началу осени 1945 года стало совершенно ясно, что советские руководители не могли не почувствовать того огромного сдвига, который произошел в американской политике после смерти Рузвельта. Сейчас можно с уверенностью сказать, что после своего избрания президент Трумэн, не в пример своему предшественнику, не только не помышлял о продолжении сотрудничества с русскими, но откровенно поставил перед внешней политикой Соединенных Штатов совершенно иную задачу — уменьшить, а если удастся, то и искоренить советское влияние в Европе»[97].

Настаивая на том, что Рузвельт и Трумэн преследовали совершенно различные цели в своей внешней политике по отношению к СССР, Алпровиц игнорирует то обстоятельство, что Ф. Рузвельт работал в чрезвычайных условиях. В годы второй мировой войны Ф. Рузвельт руководствовался никак не идеалистическими соображениями любви к нашей стране, исходил прежде всего из соотношения сил внутри антигитлеровской коалиции. Как отмечает советский историк Н. Н. Яковлев, касаясь существа рассматриваемого вопроса, «в основе его (боевого сотрудничества советского и американского народов в годы второй мировой войны. — *О. С.*) со стороны Соединенных Штатов лежало ясное осознание того, что это единственно возможная для Америки политика. Реалистически мыслившая администрация Франклина Д. Рузвельта надлежащим образом оценила размах советских побед уже на Волге и под Курском и сделала из них правильные выводы»[98].

Алпровиц исследовал всего пять месяцев деятельности администрации Г. Трумэна, но именно на этот период приходится атомная бомбардировка Японии. Оценка ее резко выделяет Алпровица среди «ревизионистов». «Самый важный вывод, — заявляет он, — носит общий характер. Вопреки широко распространенному мнению не вызывает никаких сомнений, что атомная бомба глубочайшим образом изменила подход американских лидеров к политическим проблемам. Или, как заметил адмирал Леги, «фактором, которому было суждено изменить массу идей, включая мои собственные, была атомная бомба». Изменения, внесенные новым оружием, носили конкретный характер. Не бомба вызвала оппозицию к советской политике в Восточной Европе и Маньчжурии. Скорее, поскольку уже существовало общее согласие по поводу необходимости занять твердую позицию против СССР, их убеждение, что они располагают достаточной силой для оказания воздействия на события в пограничных с СССР районах»[99].

Алпровиц прямо говорит о том, что решение США использовать атомное оружие против двух крупных городов Японии никак не диктовалось соображениями высшей военной стратегии: «Генерала Макартура, верховного главнокомандующего на Тихом океане, просто информировали о бомбе незадолго до того, как она была сброшена на Хиросиму. Подобно Эйзенхауэру, он не-

однократно заявлял, что, на его взгляд, атомная бомба с военной точки зрения была не нужна».

Что же касается политической подоплеки дела, то «политические соображения, касающиеся России, несомненно, играли главную роль в принятии решения: по крайней мере с середины мая американские политики рассчитывали закончить военные действия до вторжения Красной Армии в Маньчжурию. По этой причине они не имели никакого желания проверять, заставит ли капитулировать Японию вступление в войну русских, что большинство считало вероятным. В действительности они активно стремились оттянуть объявление войны Советским Союзом»[100].

В книге осуждается применение атомного оружия против Хиросимы и Нагасаки: «Последствия того потрясения, которое было вызвано бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки, неизгладимы. Историк должен обладать исключительной силой воображения, чтобы представить себе чувство изумления и ужаса, охватившее человечество в тот день, когда оно узнало об атомной бомбе»[101].

В оценке значения атомного оружия как средства борьбы против СССР Алпровиц стоит впереди других «ревизионистов». Как писал Ч. Мейер, «все ревизионисты осуждают роль Америки в Восточной Европе, но вслед за согласием в этом пункте между ними возникают различия. Одним из важных вопросов, по которому они спорят, является использование атомного оружия, что также свидетельствует о существующем между ними серьезном методологическом размежевании. Хотя на первый взгляд наиболее враждебными принятой точке зрения являются труды Гара Алпровица, он в действительности не является самым радикальным среди историков-диссидентов. В его работах меньше всеобъемлющей критики американских институтов, чем в трудах Вильяма Эплмена Вильямса или Габриэля Колко. Алпровица поднял до положения enfant terrible «ревизионистов» его тезис о том, что США использовали атомное оружие против Японии, дабы запугать Советы»[102].

Разномыслие между Алпровицем и столпами «ревизионизма» — Вильямсом и Колко — ярко иллюстрирует сущность их доктрины[103].

Молодой тогда исследователь Алпровиц, взявшись за работу над проблемой, пришел к совершенно пра-

вильным выводам, ибо рассматриваемые им факты в совокупности не давали возможности выработать иную интерпретацию. Что касается Колко и особенно Вильямса, то они, создав собственное представление об американской внешней политике, в трактовке применения атомного оружия идут от концепции к фактам, в результате получается тенденциозный отбор. По всей вероятности, для Вильямса и Колко полное согласие с Алпровицем невозможно по той понятной причине, что в подобном случае критика выйдет из допустимых, по их воззрениям, пределов, о которых речь пойдет дальше[104].

Нет ничего удивительного в том, что описанная концепция Алпровица была решительно усечена, когда «ревизионистов» стали втискивать в прокрустово ложе «респектабельной» историографии. Строя искомое «согласие», Д. Ергин применил против нее методы, против которых трудно возразить профессиональному историку, а именно: «Ошеломляющая аргументация Гара Алпровица в «Атомной дипломатии» о том, что проблемы, возникшие в отношениях с СССР, определили решение применить атомную бомбу, а решение о ее применении, в свою очередь, довлело над «стратегией» в отношении СССР после апреля (1945 года), недостаточно подкреплена фактами. Бо́льшая часть ключевой документации не была рассекречена, когда Алпровиц работал над своей книгой. Он, безусловно, сделал натяжку в отношении имевшихся тогда документов, полагая, что политики весной и летом 1945 года знали то, о чем им стало известно только осенью 1945 года. Алпровиц ошибочно предполагает, что существовал некий единый, уверенный в себе «ум», проводивший столь сложный план, как «стратегия оттягивания схватки». В действительности политика была неопределенной, она то отражала трудности в американо-советских отношениях, то несколько недель на нее накладывала отпечаток кровавая битва на Окинаве. Ведь вопросом вопросов было как можно скорее закончить войну»[105]. Замечания Ергина, взятые в отдельности, звучат убедительно, но в совокупности они не что иное, как блистательный пример казуистики — безуспешной попытки разбить концепцию методами «архивного кретинизма». Алпровиц судил по фактам, а Ергин предлагает иметь в виду некие «документы», влияние которых на действительные события определить невозможно.

Алпровица продолжают опровергать и много лет спустя после выхода его книги по причине, откровенно указанной Шмидтом в его неопубликованной диссертации, защищенной в 1977 году. Диссертант счел нужным уделить почти 30 страниц своего труда опровержению. По его мнению, игра стоит свеч. «Ни одна из оценок, — объясняет он, — не изменила столь коренным образом традиционную интерпретацию позиции Трумэна в отношении СССР, чем книга Г. Алпровица «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам». Ведь очень немногие историки до появления этой книги в 1965 году считали, что Трумэн был враждебно настроен к СССР уже в момент вступления на пост президента»[106]. Алпровиц сумел убедить немало коллег.

А если так, то на него, высказавшегося по вопросу коренной важности, и обрушились. Его концепции, конечно, устояли под огнем критики, но сам автор не устоял: он просто перестал писать на эти темы. Мир и спокойствие в американской историографии в интересах достижения пресловутого «согласия» были восстановлены. За это заплачена порядочная цена помимо творческой судьбы Алпровица. Новейший исследователь Ф. Рузвельта Р. Даллек утверждает: «Если бы Рузвельт жил, он, вероятно, быстрее перешел бы к конфронтации с русскими, чем Трумэн. Его престиж и репутация поборника советско-американской дружбы позволили бы ему с большей легкостью, чем Трумэну, обеспечить в стране поддержку жесткого курса»[107]. Маятник в американской историографии, который раскачали «ревизионисты», резко пошел вправо.

«Ревизионисты» проделали большую работу, анализируя «холодную войну» во второй половине 40-х годов. Их общий вердикт сомнений не вызывает. Один из «ревизионистов» второго поколения — К. Оглсби категорически заявляет: США — «самая агрессивная страна в истории»[108]. Другой настаивает: «По любым объективным критериям Соединенные Штаты стали самой агрессивной державой мира, величайшей угрозой международному миру, национальному самоопределению и международному сотрудничеству»[109].

Страстность суждений этих авторов, несомненно, нужно рассматривать на фоне накала страстей в США в связи с происходившей тогда войной во Вьетнаме. «Ревизионисты» осуждали Вашингтон, затеявший «холодную войну», главным образом потому, что она в конечном счете вылилась в американскую агрессию в Юго-Восточной Азии, которая ярко проиллюстрировала бессилие силы. Всему миру стало очевидно, что Вашингтон зашел в тупик.

Снова и снова они подчеркивали: на всем протяжении послевоенного периода, от начала «холодной войны» до агрессии против народа Вьетнама, Вашингтон последовательно руководствовался совершенно определенными идеологическими соображениями. Г. Алпровиц в относительно небольшом очерке «Соединенные Штаты, революции и холодная война: перспективы и будущее» показал, что эта идеология родила традицию в американской внешней политике, которую он назвал «антиреволюционным интервенционизмом»[110]. Оборотной стороной этой стратегии с первых дней «холодной войны», как подчеркивают Д. Горовиц и практически все ведущие «ревизионисты», было «стремление попытаться возложить ответственность за прискорбное развитие событий на другую сторону»[111].

То, что доказали Вильямс и Колко, каждый со своей точки зрения, определяет объяснение «ревизионистами» причин «холодной войны». Все они исходят из того, что причина агрессивной политики США коренится внутри страны, в позиции господствующего класса. Не какие-либо иррациональные, не поддающиеся контролю силы, а конкретные устремления правителей США и ввергли страну в затяжной кризис в области внешней политики. Необходимость доказательства главного тезиса привела к тому, что в работах «ревизионистов» иногда уделяется меньше внимания второстепенным вопросам, за что хватаются их критики, обвиняя «ревизионистов» в некоей ограниченности взглядов.

Ч. Мейер, например, заметил: «Подход ревизионистов к международному конфликту и формулированию внешней политики узок. Они заинтересованы только в одних конкретных объяснениях и не признают других. Отвергая любую модель мира, в которой важнейшие импульсы к конфликту таятся в самой международной системе, ревизионисты ищут объяснения во внутренней жизни

Америки. Однако для них не все в ней равноценно. Они не хотят соглашаться с любой оценкой, в которой подчеркивается децентрализация процесса принятия решений или предусматривается возможность возникновения экспансионистской политики в результате слабоосязаемых обязательств и бюрократической инерции. Главное — они подходят к истории с такой системой ценностей и понятий, при которой, по-видимому, вести разумный профессиональный диалог с людьми, не разделяющими их воззрений, невозможно»[112].

Это большое преувеличение. «Ревизионисты» отвергают лишь слепое следование механическим моделям, исходящим из теории игр и соответствующих объяснений типа предложенных М. Капланом[113]. В остальном они, оказавшись среди идейных зодчих и теоретиков нового для США подхода к интерпретации международных отношений, разве только обладали определенной нетерпимостью к покушениям на то, что считают своим достоянием. Так обычно и случается при становлении новой доктрины.

Тезисы «ревизионистов» прозвучали и нашли понимание в США по основательной причине: в той или иной степени они отразили происшедшие в мире изменения. В сущности это направление в американской историографии почерпнуло из прошлого аргументы, свидетельствующие об исторической неизбежности провала экспансионистского внешнеполитического курса Вашингтона, принятых тогда методов.

Споры «ревизионистов» с приверженцами доктрин «холодной войны» сразу отразились на выходящих в США книгах по внешнеполитическим проблемам. Тот же Дж. Гэддис не скрывает, что он во многом согласен с «ревизионистами». Своеобразие своей точки зрения он свел к следующему: «В отличие от недавних работ по этому предмету, эта книга не будет трактовать доктрину «открытых дверей» как основу внешней политики США. Ревизионисты оказали необходимую услугу, подчеркнув значение экономических соображений в американской дипломатии, однако их горизонты узки: многие другие факторы — внутренняя политика, бюрократическая инерция, личные особенности государственных деятелей, представления, правильные или ошибочные, о советских намерениях — все это определяло действия официальных лиц в Вашингтоне. Я и попытался

показать великое разнообразие и относительную значимость этих слагаемых политики»[114].

Обещания оправдались только частично. Гэддис уделил очень много внимания адаптации идей «ревизионистов» к принятым в США представлениям о внешней политике. Что до собственного позитивного вклада, то он не делает большего, чем персонифицирует внешнюю политику, непомерно раздувая роль личности президента и его окружения. Центральный тезис книги прост: был мудрый президент Рузвельт, который выступал против всех тех, кто кричал о «стремлении Москвы захватить всю Европу и даже мир»[115]. Рузвельт и его единомышленники стояли за сотрудничество с русскими, но президент умер. В Белый дом пришел «неопытный в дипломатии» Г. Трумэн. Руководство внешней политикой перешло к противникам американо-советского сотрудничества. Сменились люди, изменилась и политика.

Влияние «ревизионизма» чувствуется и на книге другого их критика Д. Ергина. Подобно Дж. Гэддису, автор понимает ошибочность «холодной войны». Его обращение к истории, несомненно, объясняется озабоченностью будущим Америки. Его беспокоит опасная для дела мира гонка вооружений. Однако, в отличие от «ревизионистов», автор избегает законченных формулировок, явно не желая признавать ответственность США за возникновение «холодной войны».

В этом отношении те, кто частично воспринимает, хотя и критикует концепции «ревизионистов», в сущности сомкнулись с официальной историографией. В самом деле, как заметил благонамеренный по вашингтонским критериям Г. Дракс, «если бы президентом был другой человек, американцы могли бы легко вернуться к своим предвоенным иллюзиям о мире, а русские могли бы взять все, что хотели»[116]. В ортодоксальной работе Г. Файса на эту тему сказано: Трумэн «решил, что он не отступится от курса Рузвельта и не откажется от политики предшественника, пока не станет абсолютно ясным, что все это бесполезно»[117].

Значение проделанного «ревизионистами» очевидно. Развеяв многие мифы «холодной войны», они показали, что ее затеяли Соединенные Штаты, преследовавшие империалистические цели. Так что, «ревизионисты» зовут покончить с империализмом? Вовсе нет. Нападки на прошлую политику Вашингтона были серьезны разве

только у Г Алпровица и сводились к тому, чтобы доказать, что подобная политика не пригодна в современном мире. Что дело обстоит именно так, убеждает обращение к рекомендациям «ревизионистов», как оценивать СССР и США в современном мире, их рассуждения о возможных альтернативах в прошлом и по необходимости довольно туманные сентенции, касающиеся будущего.

Возможно ли допущение, что в стране высокоорганизованного капитализма, какой являются Соединенные Штаты, развивалась доктрина, на первый взгляд шедшая вразрез с тем, что считалось официальным внешнеполитическим кредо? Более того, не только успешно конкурировала, но и получила широкое распространение? Такое допущение обнаружило бы известное верхоглядство в понимании механизма власти заокеанской республики. Можно с достаточными основаниями утверждать, что сильные мира сего в Соединенных Штатах никогда бы не допустили феноменального роста «ревизионизма» в очень деликатной области — идеологии внешней политики, если бы проповеди энергичных историков коренным образом противоречили видам Вашингтона. Проповеди эти иной раз носили назойливый, даже оскорбительный характер, и тем не менее книги «ревизионистов» выходили в ведущих американских издательствах.

Все это, конечно, дало новые аргументы в руки пропагандистов американского образа жизни: США, мол, «свободная» страна, где возможно выражение самых различных точек зрения по коренным политическим вопросам. Заявления такого рода, конечно, не больше чем аляповатые украшения на тяжелом фасаде здания американской «демократии». При ближайшем рассмотрении выясняется, что «ревизионизм» расцвел в Соединенных Штатах в рамках современной внешнеполитической доктрины США. Функция этих историков состоит в том, чтобы в идейной области обосновать эволюцию внешнеполитического курса США. Их историческая аргументация в сущности обосновывала разумность и неизбежность акций Вашингтона типа «доктрины Никсона», то есть исходивших из принципов «баланса сил». То, что «ревизионизм» в значительной степени черпал силы и вдохновение в критике войны во Вьетнаме, не меняет дела. Для «ревизионистов» осуждение агрес-

сии в Юго-Восточной Азии было не самоцелью, а лишь звеном в длинной цепи доказательств неразумности того курса, который привел США в джунгли Вьетнама.

Отнюдь не дружественный интерпретатор и критик «ревизионистов» Р. Такер заметил: «Широкие последствия дебатов, вызванных Вашингтоном, остаются неясными уже по той причине, что большинство красноречивых и влиятельных противников войны продолжают поддерживать один из основных принципов, на которых давно основывалась американская политика в Азии, — необходимости сохранить баланс сил в Азии». И далее: «Большинство критиков в сущности разделяют те же взгляды на позиции США в мире, что и яростные защитники американской политики»[118].

«Ревизионисты» в сфере внешнеполитической идеологии в меру своих сил попытались отразить изменения, происходившие в реальной жизни, — уход в прошлое биполярного в политическом отношении мира. Эти изменения Вашингтон попытался учесть, обратив куда большее внимание на использование механизма «баланса сил». Что касается «ревизионистов», то они, обращаясь к недавней истории, теоретически формулируют те «правила игры», которых, на их взгляд, должны придерживаться государства, дабы указанный механизм работал без сбоев и, разумеется, в пользу Соединенных Штатов.

Это потребовало от них определить параметры Советского Союза как противника и партнера в рамках мировой системы «баланса сил». В утверждениях о том, что СССР в послевоенный период всегда подходил к этой роли, они проявили поразительное единство. Они единодушно отмечали неуклонное стремление СССР к миру, разрядке международной напряженности. Воздавая должное советской политике мирного сосуществования, «ревизионисты», разумеется, объясняли ее мотивами, не имеющими ничего общего с ленинским подходом к проблемам международной жизни, внешнеполитическим целям Советского государства.

Миролюбивый характер советской внешней политики они выводят из того, что по окончании войны СССР якобы был более слабым по сравнению с Соединенными Штатами[119]. Т. Шмидт даже находит: «Основное положение ревизионистов касается вопроса о военных возможностях СССР по окончании войны с Германией. Они утверждают, что военная и экономическая слабость

СССР в это время диктовала необходимость осторожности и согласия с США»[120]. Иными словами, «ревизионисты» закрывают глаза на очевидное: политика мирного сосуществования, за которую неизменно стоит СССР, диктуется не какими-то конъюнктурными соображениями, а органически присуща социализму. Чтобы выступить с заявлениями такого рода, «ревизионистам» потребовалось произвольно истолковать вопрос вопросов — соотношение сил в мире после разгрома держав фашистской «оси».

Самый значительный вклад в эту мотивировку дал, как и следовало ожидать, В. Вильямс. Пытаясь оценить цели Советского Союза непосредственно в послевоенный период, он заявил: «Нужно подчеркнуть важность трех совершенно различных положений. Во-первых, советские решения в 1944—1947 годах в значительной степени зависели от положения внутри страны; во-вторых, Советы полагали, что капитализм стабилизируется вокруг громадной и не потерпевшей ущерба мощи Соединенных Штатов, и, в-третьих, каким образом оба эти фактора влияли на многих русских, включая Сталина, на необходимость достижения какой-то договоренности с Америкой. Они никогда не понимали такое соглашение как отказ от русского влияния в Восточной Европе или как уступку каждому и всякому американскому требованию, стоило Вашингтону выдвинуть его. Однако в равной степени Россия не вышла из второй мировой войны преисполненная решимости захватить Восточную Европу, а затем развязать холодную войну против Соединенных Штатов»[121].

Г. Алпровиц хотя и оговорился в предисловии к книге «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам», что его исследование «содержит обзор преимущественно американской политики, а отнюдь не является попыткой дать детальный анализ политики Советского Союза»[122], но и он, при возможности, подчеркивал, что некая слабость СССР по сравнению с Соединенными Штатами была решающим фактором, влиявшим на цели советской внешней политики после второй мировой войны. «Оценка тогдашнего соотношения сил (между США и СССР. — *О. С.*), — писал Алпровиц, — вытекала в основном из учета экономического положения обеих стран. Гарриман, который в связи с программой ленд-лиза долгое время находился в Москве, часто докладывал в

Вашингтон об огромных потребностях разоренной вражеским нашествием советской экономики. Русские уже тогда нуждались в большом послевоенном кредите» на сумму, как подсчитал Гарриман, до 6 млрд. долл. Он упорно придерживался той точки зрения, что Советское правительство будет вынуждено уступить требованиям Америки, «ибо оно нуждается в нашей помощи, чтобы восстановить свою страну». Поэтому Соединенные Штаты могут следовать жесткой линии в решении важнейших вопросов «без опасения подвергнуться какому-либо серьезному риску»[123].

Тем не менее в Вашингтоне, надеясь воплотить во всем объеме свои традиционные цели «открытых дверей», встали на путь политики, резко враждебной Советскому Союзу. «Ответственность за то, как именно была развязана холодная война.., в большей степени лежит на США. В конце второй мировой войны они имели куда больше возможностей и выбора, чтобы оказывать воздействие на ход событий, чем Советский Союз, положение которого после победы в некоторых отношениях было хуже, чем у побежденных стран»[124]. Руководители США, и в этом один из основных тезисов, пущенных в оборот В. Вильямсом, свято верили: США обладают достаточной силой, чтобы навязать свою волю остальному миру.

Инициатива нагнетания международной напряженности исходила от США, и одним из побудительных мотивов было представление об СССР как о стране, силы которой подорвала война. «Очень немногие американские руководители, — считает Вильямс, — если вообще были таковые, думали, что Россия начнет войну. Творцы политики прекрасно знали о «плачевном» положении в западной России, об огромных потерях страны, ее полном истощении, «просто невероятной» нужде во внешней помощи, чтобы «восстановить разрушенное войной», и об акценте, который делал Сталин на достижении твердых экономических и политических соглашений с США для создания базы для такой реконструкции. В своем кругу ведущие американские политики проводили четкую грань между действиями Советов, направленными на создание периметра безопасности в Восточной Европе, и широкой агрессией против всего капиталистического мира. Они были правы, считая, что Россия поглощена достижением первой цели. Они были также правы, зак-

лючив, что СССР, в отличие от нацистской Германии, «по сути своей не является динамическим экспансионистским государством».

Вильямс полностью солидаризируется со всеми этими оценками Советского государства, которые, как он убеждает, выражали генеральное направление политического мышления в Вашингтоне, и заключает: «Американские лидеры определили США как символ и носитель позитивной доброй воли, в отличие от зла Советов, полагая, что сочетание американской мощи и русской слабости сделают возможным направлять будущее мира по их усмотрению», ибо, «как откровенно признавало американское правительство, даже в 1962 году США являлись сильнейшей державой мира начиная с 1944 года»[125].

Практически во всех трудах «ревизионистов» повторяется эта мысль. Г. Колко находит: «В 1946 году Вашингтон считал в высшей степени маловероятным непосредственное возникновение войны, скажем, через шесть месяцев или год. Эта оценка существенным образом не менялась в течение многих лет. Решающим фактором, который привел к этому выводу, было реальное положение советской экономики после тайфуна войны... Даллес выразил мнение, господствующее в Вашингтоне, когда в январе 1947 года публично заявил, что война — „это то, чего не хочет советское руководство и на что оно сознательно не решится. Экономически в результате военных разрушений страна все еще слаба. По крайней мере временно советскую военную машину полностью превосходят механизированные средства войны, особенно атомная бомба, имеющаяся только у Соединенных Штатов“»[126].

Развивая эти положения, «ревизионисты» впадают в серьезное противоречие с собственной аргументацией, более того, они глубоко неправы по существу. Впечатляющая характеристика, данная Вильямсом и Колко агрессивности американского империализма, не оставляет никаких сомнений, что если бы соотношение сил между США и СССР было таким, как его рисуют «ревизионисты», ничто не удержало бы Вашингтон от соблазна применить оружие для достижения своих целей, то есть установления пресловутого «Pax Americana». Во всяком случае это логически следует из всех книг «ревизионистов», где с фактами в руках убедительно дока-

зывается, на что способен вооруженный американский империализм, если не встречает серьезного противодействия.

Едва ли «ревизионисты» не видят этого противоречия в собственной, в целом довольно тщательно обоснованной доктрине. Они, однако, проходят мимо него и по основательной причине. Именно здесь и лежит грань между марксистским анализом и резкой критикой друг друга среди, по большому счету, единомышленников. Не оставив камня на камне от многих официальных американских интерпретаций внешней политики США, «ревизионисты» не замахиваются на главное — империализм и война неотделимы. Они охотно готовы потолковать об имманентности экспансии США, ее неизбежности, ибо правящая элита, что весьма прискорбно, придерживается концепции «открытых дверей» и на ней строит свои отношения с остальным миром. Но признать, что империализм неизбежно развязывает войны, если не предвидит должного сопротивления, для «ревизионистов» уже слишком. Уроков истребительных войн против индейцев в самих США и агрессии против народа Вьетнама для «ревизионистов» явно недостаточно.

Стремление объявить миролюбие советской внешней политики производным от мнимой слабости социалистического государства также преследует определенную цель. Тем самым молчаливо признается, что Соединенные Штаты должны уделять первостепенное внимание укреплению и развитию своей военной мощи, то есть в сущности обосновывается разумность набившей оскомину политики «с позиции силы». В то же время в извращенном виде предстает ленинская политика мирного сосуществования, вызванная к жизни отнюдь не тем, на что делают акцент «ревизионисты», а именно надуманной слабостью СССР по сравнению с США после второй мировой войны. В этот период СССР стремился строить свои отношения с Соединенными Штатами попрежнему на принципах мирного сосуществования, хотя достиг, вопреки утверждениям «ревизионистов», неслыханного в мировой истории военного могущества. Именно осознание этого укоротило крылья иным вашингтонским прожектерам, которых не устраивала температура «холодной войны», и они стремились, буквально не переводя дыхания, превратить ее в войну «горячую». Не высшие соображения остановили их, а понимание истин-

ного соотношения сил в мире, сложившегося в результате всемирно-исторической победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Они уяснили это не из теоретических разысканий, а на основе рекомендаций тех, кому ведать надлежит, — высших американских штабов.

С разгромом держав фашистской «оси» мир приобрел биполярные очертания, на противоположных полюсах находились США и СССР, представляющие противоположные социально-экономические системы. Ответственные американские руководители уже в годы войны, будучи свидетелями грандиозных побед Советского Союза, сделали из этого реалистические выводы. Пальма первенства в этом отношении принадлежала американским штабам, обладавшим профессиональными навыками и критериями для оценки происходящего, разумеется, в первую очередь с военной точки зрения.

Высшее командование американских вооруженных сил своевременно прореагировало на коренной поворот в ходе войны, явившийся следствием советских побед под Сталинградом и Курском[127]. Уже в августе 1943 года на первой квебекской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля американская делегация огласила документ «Позиция России», подготовленный комитетом начальников штабов. В нем говорилось: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания баланса сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав «оси», еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией»[128].

Исходя из этой первой известной констатации изменения соотношения сил внутри антигитлеровской коалиции в ходе войны, американский комитет начальников шта-

бов в ряде последующих рекомендаций правительству перешел к формулированию вывода о том, что между СССР и США складывается равновесие в силах. Накануне московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии осенью 1943 года комитет в инструкциях главе военной миссии при американской делегации генералу Дину указывал: задача генерала разъяснять политикам «неразрывную связь между политическими предложениями и военными возможностями». По мнению комитета, «после разгрома Германии могучая советская военная машина будет господствовать к востоку от Рейна и Адриатического моря, и Советский Союз сможет осуществить любые желательные ему территориальные изменения в Центральной Европе и на Балканах»[129].

Спустя полгода 16 мая 1944 г. комитет начальников штабов счел своевременным обратить внимание государственного секретаря К. Хэлла на «революционные изменения в соответственной военной мощи государств», явившиеся результатом «феноменального роста» мощи Советского Союза. Американские стратеги предупреждали, что по окончании войны будет существовать равновесие в силах между СССР и США. Отсюда следовало, что Вашингтону необходимо быть в высшей степени осмотрительным в отношениях с Советским Союзом, не доводя дело до конфликта с ним. Если же такой конфликт разразится, то есть США и Англия выступят против СССР, «мы сможем успешно защитить Великобританию, однако мы не сможем нанести поражения России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую нельзя выиграть»[130].

В Вашингтоне некоторые политические фантазеры носились с сумасбродными планами относительно возможностей США в послевоенном мире, условий, которые Америка может продиктовать человечеству, и прочим вздором. 3 августа 1944 г. комитет начальников штабов еще раз указал государственному секретарю: «После успешного завершения войны против наших нынешних врагов в мире произойдут изменения в соответственной военной мощи, которые можно сопоставить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это — решающий фактор для будущих политических решений и всех обсуждений политических вопросов... После разгрома Японии только СССР и США останутся пер-

воклассными военными державами... Очевидно, что мощь и географическое положение этих держав исключают возможность военного поражения одной от другой, даже если к нашей стороне присоединится Британская империя»[131].

Эти рекомендации, подтвержденные комитетом начальников штабов накануне Ялтинской и Потсдамской конференций, и определяли подход правительства США к обсуждению политических проблем. Реалистическая оценка военного могущества СССР в биполярном мире не была достоянием только секретных рекомендаций правительству. Бывший президент США Г. Гувер, например, в речи по радио 9 февраля 1951 г. заявил: «Во второй мировой войне, когда Россия не имела сателлитов, немцам с их 240 хорошо вооруженными дивизиями не удалось возобладать над ней. Опираясь на генерала-людские ресурсы, генерала-пространство, генерала-зима, генерала-выжженная земля, Россия остановила немцев еще до начала поставок по ленд-лизу... Со всеми возможными армиями из некоммунистических стран, включая даже Соединенные Штаты, наземное наступление против коммунизма не принесет военной победы, не даст никакого политического решения»[132].

Главенствующая роль СССР в разгроме фашизма достаточно освещена в советской историографии, а совсем недавно была доведена до сведения американской общественности. В книге, написанной по заказу издательства Чикагского университета, советские ученые Н. В. Сивачев и Н. Н. Яковлев, воспроизведя описанные документы, указали: «Направляясь в Потсдам, американская делегация руководствовалась рекомендациями комитета начальников штабов от 16 мая 1944 г., которые полностью воспроизводились и подтверждались в инструкциях госдепартамента от 28 июня и 7 июля 1945 г. ...Равновесие в силах между СССР и США, наступившее в результате исполинских побед советских вооруженных сил в войне и признанное в Вашингтоне, привело к провозглашению демократических принципов для послевоенного мира». То не личное мнение авторов, как заметил в предисловии к книге тогдашний ректор МГУ Р. В. Хохлов, «в этой книге содержатся наши основные концепции при оценке отношений между СССР и США»[133]. Таков объективный вывод из суммы факторов, известных из американской документации.

«Ревизионисты» молчат по поводу этих фактов, придерживаясь своей концепции о «всесилии» Соединенных Штатов после второй мировой войны и взахлеб рассуждая о том, что пределов американской мощи буквально нет[134]. Тем самым они открыли себя для язвительной критики Дж. Гэддиса, который, конечно, не стал опровергать описанного тезиса, но указал (в данном случае с основаниями!) на его противоречивость с точки зрения формальной логики, а именно: «Ревизионисты утверждают, что США, ввиду их военного и экономического превосходства над Советским Союзом, могли бы принять послевоенные требования Москвы, не поставив под угрозу американскую безопасность. Поскольку США не сделали этого, ревизионисты возлагают ответственность на лидеров США за пути развития холодной войны, если не за холодную войну в целом»[135]. Действительно, в этом отношении они расходятся даже с американскими «советологами». Небезызвестный А. Улам, который никоим образом не является сторонником преувеличения мощи СССР, процитировав рекомендации комитета начальников штабов от 3 августа 1944 г., заключил: «Военным дóлжно мыслить такими категориями, и они правильно отказались рассматривать возможность марша американцев через русские равнины или размещение советских армий в Калифорнии. Но политикам следовало бы иметь в виду, что России было суждено пройти через период большой слабости и уязвимости»[136]. Однако и он не поставил под сомнение военное равновесие между двумя державами.

Сказанное «ревизионистами» полностью соответствует взглядам Киссинджера, утверждающего: «Мощь СССР была тогда только частицей по сравнению с нашей. СССР был истощен четырехлетней войной.., наши военные и дипломатические позиции никогда не были более благоприятны, чем в самом начале политики сдерживания... Мы упустили шанс»[137].

Все эти рассуждения мало связаны с действительностью. Американские руководители рассматривали все возможные варианты, доктрина «сдерживания» основывалась на представлении о мнимой слабости Советского Союза, а ожидание ее успеха связывалось с надеждами на дальнейшее ослабление нашей страны. Но после второй мировой войны в результате напряженного труда советского народа происходит новый сдвиг в соотношении

сил в пользу социализма. Заявления президентов США Дж. Кеннеди в мае 1961 года в Вене и Р. Никсона в Москве в мае 1972 года о том, что существует равновесие в силах между СССР и США, были как запоздалой констатацией факта, установленного комитетом начальников штабов США еще в 1943—1944 годах, так и признанием банкротства усилий Вашингтона изменить положение, сложившееся в ходе второй мировой войны.

Что касается доказательства приемлемости СССР как партнера в существующей международной структуре, то приводится несколько иная система доказательств, носящая в высшей степени произвольный характер. «Ревизионисты» дают поразительное объяснение мотивов советской политики мирного сосуществования. Они находят в ней некий «консерватизм» Советского государства.

Промежуточную позицию занял Б. Бернстейн, работающий в «ревизионистском» ключе, но по сути дела стоящий где-то между «ревизионистами» и ярыми защитниками американского внешнеполитического курса. Вот его интерпретация генезиса «холодной войны»: «Думая лишь о расширении своего влияния в мире и отказываясь от взаимопонимания с русскими, американские политические деятели внесли вклад в политику холодной войны (не ответственны, как это признают «ревизионисты», а только внесли вклад. — *О. С.*). Хотя нельзя доказать, что Соединенные Штаты могли достичь modus vivendi с Советским Союзом в те годы, есть признаки того, что русская политика была благоразумно осторожной и консервативной и что по крайней мере существовала основа для соглашения. Но эта возможность постепенно ускользнула, как только президент Гарри С. Трумэн отбросил рузвельтовскую тактику, направленную на достижение соглашения... Заключив, что советско-американское сотрудничество невозможно, политики стали верить, что Советское государство можно сдержать только силой или угрозой силы» [138].

Итак, Соединенным Штатам следовало после смерти Рузвельта придерживаться его прежней политики, направленной на достижение взаимопонимания с СССР. Но никто не знает, принесла бы эта политика какие-нибудь результаты. Круг рассуждений автора замкнулся, а вопрос о его отношении к «холодной войне» остался открытым.

Подчеркивая «консервативный» характер советского строя, «ревизионисты» считают, что именно это стояло на пути левых сил, не сумевших осуществить во всем объеме свои цели в послевоенной Европе. Г. Колко, подробно рассматривая расстановку политических сил на европейском континенте, приходит к выводу, что сохранению статус-кво в Западной Европе Соединенные Штаты обязаны будто бы только Советскому Союзу. «Если бы русские не дали Западу передышки, — пишет он, — страхи Вашингтона могли бы реализоваться везде. Ибо только русский консерватизм стоял между старым порядком и революцией» [139].

Д. Горовиц включил в редактировавшийся им сборник статью престарелого троцкиста И. Дейчера, жившего в Англии и разделявшего основные положения «ревизионистов». Как это часто практикуется в западной историографии, Дейчер персонифицировал советскую внешнюю политику, указав, что И. В. Сталин «был скрупулезным, юридически скрупулезным в своих сделках с буржуазными союзниками... Он обязался уважать преобладание буржуазного порядка в Западной Европе и выполнил свои обязательства. Задолго до провозглашения «доктрины Трумэна» Сталин спас Западную Европу для капитализма» [140]. Дейчер сознательно запутывал проблему, подставляя под советскую политику мирного сосуществования приведенное «объяснение» ее мотивов, с которым, конечно, никак нельзя согласиться.

«Ревизионисты», взявшие на вооружение и троцкистские концепции Дейчера, ломились в открытую дверь: эта проблема исчерпывающим образом рассмотрена в марксистской литературе. То, что для «ревизионистов» является их новейшим интеллектуальным достижением, в действительности перепев старых взглядов «левых» оппортунистов. Вопрос об отношениях между государствами с различными социальными системами появился в сфере практической политики после Великой Октябрьской социалистической революции. Советская внешняя политика решила его на путях мирного сосуществования. Имея в виду «левых» коммунистов, В. И. Ленин еще в 1918 году указывал: может быть, они «полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма?»

И давал ответ: «Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции» [141]. В. И. Ленин сформулировал принцип мирного сосуществования как основу внешней политики Советского государства.

Объяснения «ревизионистами» генезиса политики мирного сосуществования, которой неизменно следует Советский Союз, находятся в кричащем противоречии с действительностью [142]. Иначе и быть не может. Разбираемое направление в американской политической мысли разделяет ценности буржуазного общества со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако для повседневной практики важно не только установление этого обстоятельства, но и выводы, к которым пришли «ревизионисты», исходя из ложных посылок. Выводы эти о миролюбивом характере внешней политики Советского Союза, конечно, соответствуют действительности. В этом главное. «Ревизионисты», строя описанную систему умозаключений относительно мотивов политики СССР, вероятно, шли в обратном порядке, то есть «подставили» свои субъективные соображения под объяснение объективных фактов. Иначе и не могло случиться, ибо в противном случае им бы пришлось стать на почву единственно научного, марксистского мировоззрения.

*

Как мы видели, «ревизионисты» не испытывали и тени сомнения в том, что Советский Союз — надежный партнер в международной семье народов, отнюдь не агрессор, как его пытаются изобразить антикоммунисты. В равной степени они уверены: Вашингтон подрывал стабильность в послевоенном мире.

Наиболее выпукло обосновал этот тезис Г. Алпровиц: «Считать, что Трумэн летом 1945 года коренным образом изменил политику Рузвельта, значит явно предлагать совершенно иную исходную точку зрения для понимания сущности холодной войны. Находясь в конце 1945 года в Москве, генерал Эйзенхауэр заметил, что «до того, как была взорвана атомная бомба, я мог с точностью сказать, что да, мы можем жить в мире с Россией. Сейчас же я в этом не уверен... Люди напуганы

и взволнованы. Каждый вновь почувствовал непрочность мира...» Я думаю, что в настоящее время, продолжает Алпровиц, имеются все основания утверждать, что для окончания войны и для спасения миллионов человеческих жизней совершенно не нужна была атомная бомба, и это уже тогда хорошо понимали американские руководители. Генерал Эйзенхауэр недавно упомянул, что летом 1945 года он сказал военному министру то же самое: «Я заявил, что возражаю против этого по двум причинам. Во-первых, японцы и так должны были вот-вот капитулировать, и не было никакой нужды сбрасывать на них эту ужасную штуку. Во-вторых, мне была ненавистна сама мысль о том, что наша страна будет первой страной, применившей такое оружие». Эйзенхауэр подчеркивает: «Выходить же за рамки ограниченного умозаключения, что бомба вовсе не была нужна, пока не представляется возможным»[143]. Само по себе испытание атомного оружия, по мнению Алпровица, могло и не привести к обострению напряженности в мире, не будь оно применено в 1945 году как средство политического давления на Советский Союз.

Следовательно, «холодная война» с бесконечными международными кризисами, попытками провести ту или иную пробу сил — дело рук американской внешней политики. Жесткость и бескомпромиссность администраций Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона продлили жизнь политической биполярности до абсурда, с порога срывали любые попытки разумного решения назревших политических проблем. Хотя мир приобретал многополярный характер, Вашингтон слепо вел дела так, как будто политическая биполярность вечна.

Составленный «ревизионистами» список возможностей для советско-американского сотрудничества, упущенных только по вине Вашингтона, очень внушителен. По понятным причинам они особенно детализировали его для периода второй половины 40-х годов, то есть времени возникновения «холодной войны». Как заметили Э. Хоффман и Ф. Флерон, «нереалистическая, а иногда наглая западная дипломатия... была главной причиной холодной войны, ибо она сузила политические альтернативы, имевшиеся у Сталина, побудив его к «твердой» политике»[144]. В этом, настаивают «ревизионисты», и состоит суть дела, поскольку Советскому Союзу не бы-

ло предоставлено иного выбора. Суммируя аргументацию школы, Ч. Мейер отмечал: «Бросая ретроспективный взгляд, представляется, что существовал ряд областей для переговоров, где компромисс по крайней мере мог быть возможным, где для достижения договоренности требовалась относительно небольшая цена и где постоянное нежелание идти на большие уступки углубляло подозрения. Некоторая дополнительная гибкость по проблемам как контроля над атомной энергией, так и финансовой помощи могла бы помочь смягчить растущее отчуждение... Куда с меньшим объективным риском, чем влек за собой вопрос о ядерном оружии, благожелательное отношение к проблеме помощи могло бы дать руководителям США возможность смягчить ссору. К сожалению, помощь по ленд-лизу была прекращена так, что это не могло не оскорбить русских... Если бы была предоставлена помощь на переходный период, прекращение ленд-лиза не повлекло бы за собой таких пагубных последствий. Но предложение о займе всегда привязывалось к требованиям пойти на политические уступки, а русские вовсе не нуждались в том, чтобы стать просителями».

В этих условиях реакция Советского Союза была понятна и неизбежна. «Ревизионисты, — продолжает Мейер, — объясняют, что русским приходилось считаться со смертью дружественно настроенного к ним президента, с приходом на ключевые посты жестких политиков, их бешенным сопротивлением получению Россией репараций с Германии, которые она считала само собой разумеющимися, грубым отказом США предоставить России голос в оккупации Японии» и т. д.[145]

В сфере международного экономического сотрудничества в результате курса Вашингтона шансы на достижение договоренности с Советским Союзом были практически равны нулю. Г. Колко, уделяющий особое вимание этой проблеме, находит, что непреодолимые препятствия, поставленные США получению Советским Союзом репараций с Германии, и отказ даже рассмотреть вопрос о предоставлении ему займов в послевоенный период сделали нереальным любое сотрудничество. Более того, американская политика, первоначально имевшая в виду изыскание средств для репарационных платежей автономно, по зонам оккупации, «заложила основы для расчленения Германии»[146]. Соединенные

Штаты, следовательно, с самого начала не могли быть партнерами в сфере международного экономического сотрудничества. Не только идеологические соображения, но и экономическая экспансия США неизбежно приводили к этому.

То, что вызвало «холодную войну», в еще большей степени способствовало ее углублению. Супруги Колко закончили свою книгу развернутым выводом: «В той же мере, в какой мы настаиваем, что экспансия американского капитализма была основной осью послевоенной истории, мы должны также сделать акцент на ее относительную неудачу: поражения, последствия которых привели к эскалации попыток США достичь своей, произвольно определенной, но ускользавшей судьбы... Несмотря на то что множество американских послевоенных программ удовлетворяло те или иные интересы промышленности или сельского хозяйства в США, в широком смысле они были недостаточны для достижения максимальных целей. За займом Англии в 1946 году последовал план Маршалла, в свою очередь потребовавший широкой военной помощи, четвертый пункт и т. д. Однако всем в Вашингтоне было ясно, что роль экспортера капитала, первоначально отведенная американскому бизнесу, в послевоенном мире была утопией. Поэтому в первое послевоенное десятилетие ключевую роль на себя взяло государство, занявшись полным обеспечением политической и военной защиты, которая, как знали в Вашингтоне, требовалась интегрированному мировому капитализму... Были достигнуты тактические успехи и преимущества, однако США не сумели осуществить своего идеала мирового порядка, который они уверенно предвкушали во время второй мировой войны»[147].

Государство, проводящее такую политику (и в этом смысл рассуждений Колко), разумеется, никогда не согласится не только с ролью одной из держав в мировом «балансе сил», но даже воспротивится быть всего-навсего первым среди равных. Оно претендует и, что еще хуже, ведет практическую политику, исходя из представления о своей «исключительности», но действует оно не в вакууме.

Развиваются мировые процессы — возникновение и усиление социалистического содружества, крах колониальной системы империализма, совершенно неподвластные США, какие бы усилия они ни прилагали к дости-

жению своих целей. В результате Соединенные Штаты оказались в растущей изоляции, притягивая на свою сторону только силы крайней реакции. Таковы, по «ревизионистам», неизбежные последствия американской экономической экспансии. Впрочем, чему удивляться, говорит один из их представителей: «Империализм и есть капитализм, вырвавшийся за пределы национальных границ.., оба неразделимы, не может быть конца империализма без конца капитализма и капиталистического способа производства»[148].

Такого рода категорические суждения, как и описанные концепции Г. Алпровица, «ревизионисты», конечно, не спешат развивать. Аргументация уходит в сферу чистой политики, куда за «ревизионистами» устремляются и те, кто адаптирует их взгляды в рамках господствующих в американской исторической науке концепций. Как это происходит, конкретно видно из диссертации Т. Шмидта. Путем, если угодно, расщепления положений «ревизионистов» добывается достаточно материала, полезного для официальной американской внешнеполитической доктрины.

«Нужно, — внушает Т. Шмидт, — подчеркнуть один вопрос, который разделяет ревизионистов. Речь идет о том, почему американские политики поступали именно таким образом, почему они избрали враждебную политику (к СССР), о чем пишут все ревизионисты. Они дают два объяснения. Первое: американские политики имели альтернативы и сделали среди них выбор. Коротко говоря, они могли бы вести себя более примирительно к СССР, но сознательно не пошли на это... Второе объяснение враждебной американской политики к СССР: государственные деятели США на деле не имели альтернатив. Внутренние, неизменные, детерминированные потребности американского капитализма и заставляли их проводить эту политику... Это коренное различие в анализе и объясняет, почему столь неудовлетворительны споры между сторонниками традиционных взглядов и ревизионистами. При всем этом, однако, все ревизионисты приходят к единому выводу в отношении причин советско-американской конфронтации: решающую ответственность за нее несут США и Г. Трумэн, а не Советский Союз»[149].

«Ревизионисты» с достаточной степенью убедительности показали, что, если США не откажутся от политики

безграничной империалистической экспансии, с ними просто нельзя иметь дело на равноправных условиях. Следовательно, неустойчивость в мире сохранится на неопределенное время. Если Вашингтон будет цепляться за эту политику, тогда конфликт с Советским Союзом будет носить хронический характер, причем вина за него будет неизменно лежать на американской стороне. Осужденный «ревизионистами» курс опасен помимо прочего своей нереальностью. Показу растущего разрыва между действительным развитием событий в мире и американской политикой «ревизионисты» уделили очень большое внимание и пришли к поучительным выводам. Работа эта заняла немало времени.

Когда в 1962 году В. Вильямс выпустил дополненное и переработанное издание книги «Трагедия американской дипломатии», он высказал немало трезвых суждений. «Одним из самых тревожных аспектов международных дел в 1952—1962 годах, — писал он, — является та степень, в которой русские, но не американцы ощущали и воздавали должное реальному положению вещей. В сущности в этом и состоит смысл советской доктрины сосуществования. Они предлагают, чтобы существующий политический и военный баланс был принят за основу международной политики на неопределенный срок. Убийственная ирония состоит в том, что именно США и Китай отказались согласиться с этим. Американское непризнание правительства Мао Цзэдуна в определенной степени служит маскировкой их официально неоформленного согласия по этому жизненно важному политическому вопросу... Что касается Вашингтона, то можно говорить, что речь идет о самом тайном договоре за всю историю страны. Единственный путь для США избавиться от обременительного договора с красными китайцами — принять советскую доктрину сосуществования»[150].

Шаг за шагом, скрупулезно отбирая факты, создавая интересные концепции, «ревизионисты» показывают и, что важнее, доказывают крайнюю нереалистичность американской политики[151], ее опасность для упорядоченных межгосударственных отношений. Так как же выправить положение, как сделать Соединенные Штаты достойным и неопасным, в том числе и для самих себя, членом международного сообщества? «Ревизионисты» задаются этим вопросом, конечно, не в абстрактных интере-

сах человечества, а ради благополучия самих Соединенных Штатов.

Коль скоро «ревизионисты» относили агрессивный характер американской политики за счет строя, существующего в США, а иные из них последовательные экономические детерминисты, то часть ответов имела в виду найти средства для лечения внешней политики внутри страны. В этой связи адепты школы прибегали к весьма звучной и крайне радикальной риторике. К. Лэш, написавший предисловие к «Очеркам холодной войны» Г. Алпровица, кончает его на высокой ноте. Он находит, что контрреволюционные тенденции Соединенных Штатов на международной арене в конечном счете таятся в американской экономической системе. Лэш объявляет, что американская политика изменится только тогда, когда США введут у себя «человечный, гуманный и децентрализованный социализм». Алпровиц, в свою очередь, настаивает: «Мы должны коренным образом перестроить самые глубокие американские воззрения и институты, лежащие в основе нашей системы политической экономии»[152].

Такая постановка вопроса не чужда и Вильямсу. Свою книгу «Контуры американской истории» он закончил в аналогичном ключе, доказывая следующее: «В Юджине Дебсе Америка нашла человека, понимавшего, что экспансия уходит в прошлое, что это такой исход, который губит достоинство людей. Он также верил и отдал свою жизнь служению идее, что американцы в один прекрасный день покажут свою зрелость и проявят достаточное мужество, отложат в сторону «детские игрушки» и займутся строительством социалистического содружества. Поэтому у американцев есть третий выход помимо олигархии и общества классово-сознающего себя пролетариата. У них есть возможность соорудить первый в мире демократический социализм»[153]. Однако пути построения такого общества остаются неясными.

Такие заявления, пусть исходящие из уст апостола «ревизионистов», едва ли можно принять всерьез и по очень основательным причинам. Прежде всего столь решительные выводы, а скорее призывы, никак не соответствуют основному направлению политического мышления школы в целом. Они вызваны к жизни не серьезностью намерений в указанном направлении, а пресле-

дуют куда более узкую цель: привлечь внимание к собственным фундаментальным концепциям и в контексте не только либеральной, но даже квазиреволюционной идеологии.

Иными словами, расширить аудиторию, к которой обращались «ревизионисты», обогнав по части риторики, скажем, «новых левых», что тогда было немаловажно для снижения температуры в стране. То были 60-е годы...

Деловые, стремящиеся привлечь внимание власть предержащих в США рекомендации «ревизионистов» отнюдь не имели в виду подрыв строя, существующего в США, а, напротив, были рассчитаны на его укрепление. В этом направлении немало поработал Г. Колко, стремясь раскрыть глаза официальному Вашингтону на его подлинные интересы. Отправляясь от уже описанной концепции движущих сил американской внешней политики, Колко подчеркивал, что глобализм, или, точнее, установление мирового господства после 1945 года, никогда не был по средствам Соединенным Штатам. Настойчивые усилия в этом направлении и привели к кризису американскую внешнюю политику.

Вновь и вновь Колко возвращается к этому вопросу (анализу его в сущности и посвящены все 700 с лишним страниц книги «Пределы силы»). «Цель Соединенных Штатов — добиться мировой интеграции (так Колко именует установление мирового господства. — *О. С.*), включая в то же время более широко проблемы левых и советской мощи в мире. Соединенные Штаты первоначально сформулировали свою цель, исходя из того, что будет существовать капиталистический мир, который Америка сможет связать универсальной доктриной и должными отношениями. Если бы даже левые движения и революции не стали самыми значительными последствиями войны, положение дел в мире все равно оставалось бы тревожным. Несоциалистические государства мира усмотрели бы в американском универсализме только прикрытие для экспансии и обеспечения конкретных национальных целей США. ...В конечном счете как США никогда не отказывались от собственных интересов, так и Западная Европа не могла бы преступить свои»[154].

Пути, по которым развивались международные отношения, в большей степени были детерминированы американской внешней политикой. Привходящие обстоятельст-

ва, естественно, накладывали на них отпечаток, но никоим образом не могли изменить конечных результатов. Отсюда логически следует, что не существование Советского Союза было причиной колоссальных трудностей, а в конечном счете и тупика, в который зашел глобализм Вашингтона. Но постановка вопроса таким образом идет вразрез с официальными объяснениями в США мотивов их политики. Ведь на протяжении десятилетий руководящие американские деятели оправдывали и обосновывали агрессивный курс Вашингтона ссылками на угрозу, якобы исходящую от Советского Союза.

Теперь, если верить Колко, выясняется следующее: «Представление о советской угрозе, которую раздували все послевоенные администрации, основывалось главным образом на кризисе внутренней законодательной политики и необходимости поддерживать напряжение (в мире), чтобы принять дорогостоящее законодательство, которое в общем требовалось по причинам, первоначально очень слабо связанным с Россией. В определенной степени послевоенные военные ассигнования отражали влияние промышленников, но куда большее значение имели размеры экономических ресурсов. Решение добиться максимальной огневой мощи при минимальных расходах на вооружения в соответствии с общей экономической стратегией привело США к первому из целой серии громадных политических просчетов. Выбор России как наиболее вероятного врага в послевоенную эру заставил Соединенные Штаты готовиться к такой войне, которую им не было суждено, а позднее они просто не смогли бы вести, не пойдя на самоубийство. А ядерное оружие в целом оказалось излишним для контрреволюционных войн против крестьян и наземных армий... Непоследовательный, тщетный поиск Америкой разумной стратегии и оружия, способного компенсировать идеологические призывы партизан, попытки превратить материальную мощь в политический триумф так и не реализовались. При неограниченности политических и экономических целей США в мире никакая военная доктрина или оружие не могли дать желанного успеха там, где не преуспели экономические меры и идеология» [155].

Колко не поставил точки над «і» и не связал себя точными формулировками, но и без этого совершенно ясны его позиции. Он внушает мысль, что конфликт с Советским Союзом не был неизбежным; его рассуждения

дают возможность и допущения, что «холодная война» в смысле противоборства США и СССР — результат фатального сцепления случайностей. В общем Соединенные Штаты не имеют поводов для ссоры с Советским Союзом, если, конечно, исключить американскую экспансию. Иными словами, довольно туманно (видимо, оставляя возможность для отступления) Колко настаивал, что объективно нет почвы для напряженных американо-советских отношений, а следовательно, обе стороны могут принимать участие в комбинациях, исходящих из доктрины «баланса сил».

Пока все идет прекрасно и даже возникает умеренный соблазн записать Колко с супругой в поборники улучшения отношений с Советским Союзом. Но когда из высокой сферы весьма расплывчатых рассуждений Колко опускается на землю, обращаясь к жгучим проблемам сегодняшнего дня, выясняется, что он недалеко ушел от официальных представителей истэблишмента. Профессор теоретически дошел до корней американо-советского конфликта и обнаружил его причину — экспансию США. Многократно Колко предлагал Вашингтону жить по средствам. А Вьетнам?

В 1969 году он открыл: «Для Соединенных Штатов потерпеть поражение во Вьетнаме означало бы демонстрацию того, что даже широчайшего вмешательства самой могущественной державы в истории человечества недостаточно, чтобы повернуть коренным образом социальные и национальные революции в мире. Такое проявление американской слабости было бы равно утрате Соединенными Штатами их нынешнего положения доминирующей сверхдержавы мира». В результате этого, по мнению Колко, Соединенные Штаты оказались бы в растущей изоляции во враждебном мире, а «американское благосостояние в нынешней социальной структуре канет в Лету»[156]. Такова цена теоретических экскурсов Колко в область исследования американской экспансии при столкновении с конкретной ситуацией. Его помыслы обращены прежде всего к тому, чтобы Соединенные Штаты покончили с курсом, приносящим им издержки, они не направлены на обеспечение торжества гуманных принципов, в верности которым клянутся «ревизионисты». И есть ли противоречие по существу между воззрениями Колко и «реалистами»? Вероятно, нет, ибо в центре внимания Колко — анализ соотношения сил.

Что до рекомендаций В. Вильямса, то они в значительной степени являются углублением концепций «идеалистов», изложенных с большой страстью. Публицист К. Солвей справедливо заметил о Вильямсе: «По всем данным он глубоко верующий человек»[157]. Оно и видно. Рекомендации Вильямса — очевидная и настойчивая попытка видеть торжество своих идей в практической политике. Но страсть проповедника, доведенного до экстаза, наносит иногда непоправимый ущерб ясности изложения. Это постоянно отмечают американские рецензенты Вильямса.

В концентрированной форме рекомендации, как вести дела с Советским Союзом, содержатся в книге «Трагедия американской дипломатии», своего рода классическом труде «ревизионистской» литературы. Высказанные там суждения автор никогда не дезавуировал, а следовательно, они отражают его устойчивые воззрения, которые, вероятно, только укрепились с годами, ибо в определенной степени были подтверждены дальнейшими событиями в мире. Вильямс, конечно, не пророк, его суждения оказались правильными по той причине, что он уже в конце 50-х годов весьма трезво подошел к американской внешней политике.

Когда в 1960 году эта книга увидела свет в русском переводе, к нему была предпослана вступительная статья советского исследователя Н. Н. Яковлева, в которой особо выделялась именно эта сторона дела. В ней было отмечено, что призыв Вильямса сообразовывать планы «американской мечты» с возможностями, имевшимися у США, отнюдь не нов. Вильямс в этом отношении пошел вслед за «реалистами». «Не говоря уже о Моргентау, — писал Н. Н. Яковлев, — один из активнейших деятелей этой школы Р. Осгуд еще в 1953 году выступил с книгой «Идеалы и эгоизм в американской внешней политике», в которой высказал соображения, сходные с нынешними рассуждениями Вильямса... Вильямс и другие, реалистически мыслящие историки в США, наконец, поняли, что внешняя политика начинается внутри страны. На его взгляд, американская «демократия» обладает достаточными ресурсами, чтобы Соединенные Штаты могли увлечь за собой мир собственным примером при условии соответствующих реформ дома. В конечном счете остроту его критике современного положения США придает сознание того, что в 90-х годах прошлого столетия наме-

тился разрыв между более ранними «идеалами» и практической политикой. Вильямс серьезно считает, что Соединенные Штаты якобы „могут предложить миру больше в духовном и материальном отношении, чем Советский Союз“» [158].

О возрождении пресловутого мессианского духа американизма и печется Вильямс. Только на этих путях он полагает возможным ликвидировать то, что именует «трагедией американской дипломатии». Вильямс считает, что Соединенные Штаты, по уши ввязавшись в «холодную войну», запоздали с проведением давно назревших реформ. «Стоит освободиться от близорукого сосредоточения на холодной войне, как США смогут заняться проблемой реорганизации собственного общества... с тем, чтобы труд и досуг собственных граждан носили творческий характер и имели разумную цель. Мы давно запоздали с проведением нового обсуждения первостепенных принципов правления и экономики, и формулирование проблемы политической экономии XX столетия, сравнимое с «Федералистом», будет в большей степени способствовать повышению роли Америки в мире, чем любое количество ракет и спутников... Творчески разрешив наболевшие вопросы демократии и благосостояния внутри страны, Соединенные Штаты смогут вновь уделить большую часть своего внимания и энергии международным делам» [159].

В наше время, убеждает Вильямс, лобовая экспансия не сулит ничего доброго Соединенным Штатам, нужно настойчиво искать обходных путей. В сущности Вильямс надеется, что рекомендованная им тактика даст толчок в других странах таким процессам, которые окажутся выгодными для Соединенных Штатов. Его не следует понимать в том смысле, что после «передышки» — обращения к внутренним делам — Соединенные Штаты вновь будут применять методы, созвучные доктрине «открытых дверей». Он предупреждает, что империализм во имя «всеобщего братства» (если такой лозунг и выдвинут Соединенные Штаты Америки) окажется «куда более страшным, чем империализм во имя свободного рынка» [160].

Целесообразная, по Вильямсу, тактика Соединенных Штатов в американо-советских отношениях должна носить в высшей степени изощренный характер. Он подчеркивает, что угрозы, ультиматумы и прочее не прине-

сут никакого успеха в отношении Советского Союза. Указав на достижения социалистического государства, потребовавших громадного труда и самоотверженности, Вильямс лаконично замечает: «Русские будут сражаться перед тем, как капитулировать. А они вооружены ядерными бомбами»[161]. Тем не менее положение, с точки зрения Вильямса, для Вашингтона не безнадежно, американские правящие круги будто бы имеют возможность оказать решающее воздействие на политику Советского Союза.

При детальном ознакомлении оказывается, что аргументация Вильямса отнюдь не оригинальна. Он в целом опирается на оценку советского общества как модели «тоталитаризма», то есть на концепцию, сфабрикованную самым правым крылом «советологов»[162]. Хотя, конечно, Вильямса никак нельзя отнести к людям такого типа, его поучения в адрес творцов американской внешней политики можно должным образом понять и оценить, только имея в виду упомянутую модель[163].

Рассуждая о перспективах отношений США с СССР, Вильямс настаивает: «Америка не должна отказываться от усилий повлиять на события только потому, что их нельзя поставить под полный контроль, или потому, что данная теория, как представляется на практике, приводит к прискорбным результатам. Взяв более скромную цель поощрения позитивных сил и действуя в соответствии с более тонким анализом, можно с достаточными основаниями надеяться на скромный успех. Ключевые проблемы, стоящие перед Россией, — бедность (здесь автор использует клише «советологов». — *О. С.*) и безопасность, а основная тенденция — сопротивление на местах центральной власти коллективными и индивидуальными действиями (снова эти навязчивые клише. — *О. С.*). Отсюда наиболее плодотворным представляется такой путь: приложить усилия, направленные на смягчение бедности, обеспечение безопасности, имея в виду, что достижения в этих сферах приведут к упадку центральной власти»[164].

Расчеты такого рода делались в Соединенных Штатах давно, еще в 20-х годах, до признания СССР, необходимость расширения американо-советских экономических связей нередко обосновывалась именно так. Известно, что никаких результатов (с точки зрения рассуждений Вильямса) эти планы не дали. Нет никаких сомнений,

что они не могут оказаться успешными и в наше время. Конечные цели, которые имел в виду Вильямс, носят химерический характер и заслуживают только глубочайшего презрения. Но отвергая их, нельзя проходить мимо того рационального, что есть в подходе «ревизионистов» к отношениям между США и СССР, а именно их настояний (конечно, по понятным причинам) на развитии дипломатических, торговых и культурных связей.

Говоря о конечных целях Соединенных Штатов, Вильямс рассуждает, как официальный «советолог». Но он достаточно трезво учит своих соотечественников — политиков и историков очевидному: в текущей политике необходимо быть реалистами. Обращаясь к прошлому, он постоянно подчеркивает, что именно нарушение этого принципа и приводило к самым различным трудностям для США. Обозревая политику Соединенных Штатов в середине XX века, он находит: «Страна никогда не определяла и не имела дела с основными проблемами искренне, реалистически, используя свои лучшие идеи и идеалы. В результате происходило узкое применение или интерпретация традиционных позиций и политики. Чрезвычайно рано появилась так называемая политика ведения переговоров с позиции силы, восходящая к тому принципу, что противник должен согласиться с главными американскими положениями до начала переговоров. Таков генезис безоговорочной капитуляции, извращенного и неверно применяемого «урока» из времен гражданской войны в США. Таково быстрое развитие мюнхенского синдрома, который проявляется в ситуациях, не бывших и не являющихся аналогичными. И отсюда бессмысленность гражданского контроля над военными, когда гражданские определяют проблемы в военных терминах»[165].

Эта сдержанная филиппика в адрес внешней политики Соединенных Штатов вполне могла принадлежать и стороннику школы «реалистов». Примерно так рассуждал Дж. Кеннан. В аргументацию «реалистов» Вильямс разве что ввел ссылки на «идеи» и «идеалы». И если конечные цели США даже в трактовке «ревизионистов» совершенно неприемлемы для мира, то способы ведения внешних дел Вашингтоном, на которые они указывают как на целесообразные (разумеется, в интересах Америки), заслуживают внимания, ибо в какой-то мере они подходят к доктрине мирного сосуществования.

«Ревизионисты», безусловно, отразили сдвиги в части американской внешнеполитической идеологии, порожденные не приверженностью иных буржуазных ученых к истине и логике, а осознанием дальнейшего изменения в соотношении сил на международной арене. Истоки этих сдвигов — в духовной жизни Соединенных Штатов, в успехах социализма, росте могущества СССР и других социалистических стран.

* *

Некоторые суждения «ревизионистов» стали теперь общим местом при оценке внешнеполитического курса Вашингтона. Паводок «ревизионизма» в свое время подмыл некоторые традиционные идейные устои американской внешней политики. Только какие?

«Ревизионисты» всего-навсего отразили переход Вашингтона от позиций «биполярности» к системе «баланса сил», то, что уже Р. Никсон именовал «философией новой американской внешней политики» [166]. С точки зрения официальных кругов США, их критика выполнила, безусловно, полезную функцию: только в атмосфере, очищенной от миазмов старых доктрин, возможно проведение различных комбинаций в плане «баланса сил».

«Уорлд политикс» в большой исследовательской статье о «ревизионистах» подчеркнул именно эту сторону дела: «Типичные ревизионистские интерпретации начала послевоенного периода в Европе клонятся к тому, что потрясение в европейской политике полностью объяснялось несвоевременностью американских действий. Такой взгляд — результат узкобиполярного подхода к этому периоду». Мягкие упреки, которые содержались в статье в адрес этого направления, в сущности шли в том же плане: «ревизионисты» рассуждают только о биполярном мире. Но они, заверял журнал, вполне благонадежны. «Ревизионистами» предлагается считать «тех историков, которые заменяют традиционное западное представление о холодной войне не другой моделью, а другим вариантом того же общего типа» [167].

В подавляющем большинстве исследований по проблемам американской внешней политики, выходящих в США, ныне обязательно упоминаются «ревизионисты». Известный своими реакционными убеждениями профессор русского исследовательского центра Гарвардского

университета А. Улам, например, в книге об американо-советских отношениях указывал: «Ревизионисты в исторической науке — всего-навсего проявление интеллектуального мазохизма, которым сопровождалось обсуждение многих проблем в американском обществе»[168].

А. Улам, как и многие другие, сознательно упростил концепции «ревизионистов» и целиком сбросил со счетов то, что с легкой руки Г. Колко иные из них вступили в запретную в США область, где лежат истоки подлинной власти в США. Тут уж речь идет никак не о мазохизме. Есть группа работ[169], которые заслуживают особого разбора, трактующие именно эту проблему. Хотя исходные посылки и выводы этих авторов очень различны, они, по словам проф. А. Саттона (также весьма противоречивого историка), сходятся в одном: «США, несмотря на конституцию и ее предполагаемые ограничения, стали квазитоталитарным государством. Хотя у нас нет открытых признаков диктатуры — концентрационных лагерей и стука в двери в полночь, у нас делается то, что ставит под сомнение выживание критиков истэблишмента: использование службы внутренних доходов, дабы дисциплинировать диссидентов, манипулирование конституцией, судебной системой, которая политически раболепствует перед истэблишментом... Нельзя по-настоящему понять внутреннюю и внешнюю политику США в XX веке, не отдавая себе отчета в том, что финансовая элита полностью монополизировала политику Вашингтона... Нам нужно рассмотреть и обсудить проблему, является ли истэблишмент, концентрирующийся в Нью-Йорке, подрывной силой, злоумышленно пытающейся задавить конституцию и свободное общество. Это мы должны выполнить в последующие 10 лет, а основу для наших обвинений в подрывной деятельности дают доказательства, собранные историками-ревизионистами. Медленно, на протяжении десятилетий книга за книгой, почти строчка за строчкой обнаруживается правда о современной истории»[170]. Едва ли изыскания А. Саттона имеют будущее, то, о чем он пишет, уже пройденный этап для «ревизионистов».

Считалось, что они, обосновывая возможность иного политического курса для США и говоря об упущенных возможностях, развеивали риторику «холодной войны». Г. Смит, рецензировавший, в общем благожелательно, труды Г. Колко для «Нью-Йорк таймс бук

ревью», сам попал на страницы этого журнала, но уже в качестве рецензируемого. В серии книг об американских государственных секретарях он выпустил в 1972 году исследование о Д. Ачесоне. Л. Клеменс, автор работы о Ялтинской конференции, сразу же отметила, что Смит не до конца следует концепциям «ревизионистов», которые она-то разделяет. «Хотя материал, — пишет Клеменс, — по-видимому, потряс даже Смита, он в своих выводах отступает от собственного материала и высказывает суждения, находящиеся в очевидном противоречии с его анализом. Вместо того чтобы разобраться, Смит нападает поочередно на всех противников Ачесона. Дж. Кеннан, который дважды противопоставляется Ачесону как человек, предлагавший альтернативу холодной войне, в конечном счете сбрасывается со счетов, поскольку Смит подтверждает правильность политики Ачесона. Он стремится снять с Ачесона обвинения со стороны Ричарда Никсона в том, что тот был «деканом (игра слов: «Dean» — имя Ачесона означает также «декан».— *О. С.*) колледжа сдерживания коммунизма» [171].

«Ревизионисты» с легкостью необыкновенной попытались задним числом исключить Дж. Кеннана из числа наиболее прилежных учеников бесславного «колледжа», вероятно, из великой признательности. Во втором томе мемуаров Кеннан привел меморандум, который он направил правительству в конце августа 1952 года. В нем он довольно резко раскритиковал тогдашнюю вызывающую политику Вашингтона в отношении Советского Союза. «Этот документ, — прокомментировал Кеннан, — составленный в Москве за многие годы до того, как «ревизионисты» в конце 60-х годов поставили под сомнение уместность и честность американской политики непосредственно в послевоенный период, бесспорно является моим самым резким заявлением по поводу нашей ответственности за ухудшение отношений между Россией и Западом к исходу 40-х годов» [172].

Читать это «ревизионистам», надо полагать, было невыразимо приятно. И вот в рецензии на этот том мемуаров Дж. Кеннана, появившейся осенью 1972 года, всерьез утверждалось, что в начале 50-х годов Кеннан высказался против официальной политики Вашингтона. В рецензии далее говорилось: «Вот вам и ирония судьбы. Кеннан — человек, принадлежащий к официальным кругам, ярый антикоммунист, написал меморандум, спустя

20 лет укрепивший дело историков-ревизионистов, с которыми у него так мало общего... Только подумайте: у Кеннана больше общего с ревизионистами, чем они или он могут считать возможным»[173].

Все это[174] наводит на размышления о том, что пропасть, на первый взгляд разделяющая «ревизионистов» и официальный Вашингтон, при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж широкой, во всяком случае постепенно она заметно сузилась.

Дж. Гэддис, начавший с высокой ноты, завершил критику «ревизионистов» очень благодушно, заметив: «Ревизионисты доказывали, что творцы американской политики имели большую свободу действий, ибо игнорировали ограничения, которые накладывали на них соображения внутренней политики»[175]. Иными словами, по мнению Дж. Гэддиса, политика США, вызвавшая «холодную войну», была национальной политикой, что он настоятельно рекомендует признать и «ревизионистам».

Р. Такер в 1971 году так закончил свою книгу о школе «ревизионистов»: «Влияние ревизионизма в значительной степени определяется событиями. Ревизионизм в период между двумя мировыми войнами, настаивавший на изоляционизме, пошел на убыль, когда развитие международных событий стало заметно угрожать американским интересам... Ревизионизм 30-х годов не прошел проверку жизнью и потерпел крах. В грядущее десятилетие события могут уготовить такую же судьбу для радикальной критики, которая настаивает, хотя и по совершенно иным мотивам, на изоляции капиталистической Америки. Бесполезно гадать, во что именно выльются эти события, однако достаточно очевидно, что они должны предстать как прямая угроза американской безопасности со стороны другой великой державы. Ничто иное, по-видимому, не сможет поколебать скептицизм поколения, не испытавшего состояния отсутствия безопасности. Если, однако, такого вызова не будет, можно ожидать, что влияние радикальной критики будет продолжаться»[176].

«Ревизионизм» 30-х годов, идейно обосновавший «изоляционизм», был частью официальной политики, когда США стремились играть роль державы-балансира в системе международного «баланса сил». «Ревизионисты» пытались показать, что при нынешней расстановке сил в современном мире глобальная стратегия опасна для

США. После затянувшейся мучительной переоценки ценностей, бесконечных провалов на международной арене Вашингтон вернулся к традиционной политике «баланса сил», конечно, на иной основе, ибо научно-техническая революция вносит серьезные коррективы в межгосударственные отношения и заставляет по-новому оценить содержание фактора «силы», понятия «национальная мощь» и пр. В целом «ревизионисты» еще раз подтвердили тот факт, что США лишь одно из государств в мире, что, впрочем, было очевидно и до них.

В пользу проведения политики «баланса сил» на международной арене в сущности и высказываются «ревизионисты». Не касаясь вопроса о реалистичности самой концепции «баланса сил», важно подчеркнуть, что «ревизионисты» рекомендовали своей стране в условиях нынешней силовой конфигурации жить по средствам, отказаться от беспредельных притязаний США, которые и были причиной международной напряженности. Они, конечно, не предлагают США отказаться от идеологической борьбы против идей коммунизма, напротив, зовут усилить ее, мобилизовав до отказа пресловутое «американское наследие».

Нет сомнения, что риторика насчет «прав человека» и прочего была в известной степени подготовлена разысканиями «ревизионистов». В сумме высказываний вашингтонских бюрократов в пользу «прав человека» определенно просматривается лепта Вильямса и к°, ратовавших за осуществление неких американских «идеалов». С этой точки зрения «ревизионисты» обогатили арсенал американской внешней политики, содействовали становлению «согласия» в США к исходу 70-х годов.

И последнее. Важно не только, что они говорили, но и о чем умалчивали. «Ревизионисты» практически обошли стороной острейшее оружие Вашингтона — психологическую войну. Это вопрос первостепенной важности для понимания американской внешней политики. Даже Г. Киссинджер счел необходимым обратить внимание в своих мемуарах: «Президенты от обеих партий понимали необходимость тайных операций в нейтральной полосе — между дипломатией и военной интервенцией. Конечно, мне неприятно обсуждать тайные операции в открытой печати... Американское вмешательство во внутренние дела других стран увеличивается и становится все менее разборчивым» [177].

По всем этим проблемам «ревизионисты» помалкивают. Оно в общем понятно, если верноподданному Г. Киссинджеру определенно боязно говорить о делах ЦРУ и $к^{о}$, то что остается делать «ревизионистам»! Страшно навлечь на себя гнев разведывательного и контрразведывательного сообщества США. Там, свидетельствует историограф ЦРУ, были в курсе всех трудов «ревизионистов», но «длительные споры по поводу генезиса холодной войны представлялись ветеранам УСС (из которого выросло ЦРУ. — *О. С.*) глупейшими. По собственному опыту они знали: с самого начала холодная война выросла из второй мировой войны» [178]. Поэтому гражданское мужество покинуло «ревизионистов» у этой черты. Наверное, такая сдержанность была должным образом оценена подлинными правителями США, когда рассматривался интеллектуальный вклад «ревизионистов» в обсуждение проблем американской внешней политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ НАСАЖДЕНИЯ «СОГЛАСИЯ» В США

Ушла в прошлое война во Вьетнаме, отгремел Уотергейт, и песок времени притушил страсти в американской исторической науке. Очень быстро усилиями историков и публицистов, отмеченных конформизмом, были усечены или напрочь отсечены те концепции «ревизионистов», которые не подходили для официальной интерпретации внешней политики, а другие были приспособлены к текущим нуждам.

В общефилософском смысле это отразило современный духовный климат в Соединенных Штатах, в котором замалчивается истинное прошлое, история заменяется благостными выдумками и сладостными мифами. Профессиональный американский историк не из малоизвестных, а посему получивший трибуну в «Нью-Йорк таймс», Д. Дональд, высказался: «Так называемые «уроки», которым учит американское прошлое, ныне не только не имеют значения, но и опасны... Вероятно, моя самая полезная функция — освободить студентов от чар истории, помочь им понять, что прошлое ничего не значит» [1]. По поводу этой доктрины, набравшей значительные силы, К. Лэш заметил: «Падение веры в историю, которая окружала общественные деяния моральным достоинством, патриотизмом и политическим оптимизмом, невероятно. В прошлом историки исходили из того, что люди учатся на прежних ошибках. Теперь, когда будущее тревожно и неопределенно, прошлое представляется «не имеющим значения» даже тем, кто всю свою жизнь изучает его» [2].

Вот и получилось, что уже хотя бы по этой (одной из многих) причине сами «ревизионисты», добившись известности и респектабельности, сбавили пыл. В американской историографии появилось суждение о том, что

в сущности трудно определить, кто стоял на этих позициях. Такой подход уже проявился в 1974 году, когда Л. Лейт вообще усомнился, а был ли «ревизионизм»[3]. Уже упоминавшийся молодой американский историк Т. Шмидт в своей диссертации в 1977 году рассудил: «Ревизионистской доктрины, как таковой, нет. Следовательно, когда мы рассматриваем литературу, в которой применяются различные методы анализа и точек зрения, мы должны быть осторожны, чтобы не приписывать взгляды некоторых «ревизионистов» другим. Тут существуют широчайшие возможности для ошибочных заключений»[4]. Надо думать, Т. Шмидту все ясно как человеку, только вступающему в науку. Действительно, в наши дни трудновато вычленить среди американских историков тех, кто всего несколько лет назад метал молнии в адрес творцов американской политики. Выросли или приспособились, оценка зависит от точки зрения. Во всяком случае оказались нужными. Этот процесс объяснил, и достаточно давно, один из тех, кто был излюбленной мишенью «ревизионистов», — Д. Ачесон. В своих мемуарах, вышедших в 1969 году, он вернулся к концу 40-х годов, когда в госдепартаменте возник спор между учеными и чиновниками по поводу намерений Советского Союза. «Первые, — писал Ачесон, — поставили под сомнение убеждение, которое я разделял с лицами, планировавшими внешнюю политику, о том, что Кремль ставил во главу угла достижение мирового господства. Они утверждали, что мы приписываем скорее троцкистские, а не ленинские взгляды Сталину. Через полтора десятка лет в академической общине появилась критическая школа («ревизионистов». — *О. С.*), которая заключила: мы сверхпрореагировали на Сталина, что заставило его, в свою очередь, сверхпрореагировать на политику США. Вероятно, это правильно»[5]. Тогда спор был разрешен просто — ученых-диссидентов изгнали.

Времена изменились, и тех, кто выступил новыми еретиками, не изгнали, а приспособили для нужд разработки американского внешнеполитического курса. Без неизбежного шума, который возник бы в случае гонений на интеллектуалов-диссидентов, а путем инкорпорирования того, что с точки зрения Вашингтона полезно, во внешнеполитическую доктрину США. Пусть служат. Помимо того, случившееся с «ревизионистами» всегда можно распропагандировать как новое доказательство

великой «демократии», якобы существующей в США. Их не подвергли остракизму, а, напротив, ввели в ряды респектабельных в том обществе политических мыслителей.

Выпуская в 1978 году академический сборник извлечений из книг и статей, объединенных вокруг темы «Генезис холодной войны и современная Европа», Ч. Мейер, в свое время много писавший о «ревизионистах», предупредил во введении: «Подбор материалов в этом томе преследовал цели, отличные от большинства анталогий, посвященных холодной войне. Я в меньшей степени обращал внимание на вопрос об ответственности за холодную войну, чем на воздействие советско-американского антагонизма на национальные, политические и социальные факторы после второй мировой войны. В сборнике умышленно опущены некоторые статьи, имевшие кардинально важное значение для споров в исторической науке пять — десять лет тому назад. В то время ученые сосредоточили свое внимание на вопросе о «ревизионизме» или оценке соответственных вкладов США и СССР в острую военную и идеологическую конфронтацию после второй мировой войны. Спор, на мой взгляд, так и не был до конца разрешен, хотя спорные области были сужены и резкость полемики притупилась. Теперь «неревизионисты» признают, что американская политика руководствовалась как имперскими, так и идеалистическими мотивами, в то время как нынешние критики менее склонны к обвинениям, чем их предшественники десять лет назад. Не менее важно, что вопрос об ответственности за холодную войну стал меньше занимать ученых»[6].

Сделав это категорическое заявление, Ч. Мейер все же открыл сборник собственной статьей 1970 года «Ревизионизм и интерпретация генезиса холодной войны», которая многократно цитировалась выше. По понятной человеческой слабости он, по всей вероятности, почитает ее классической, а себя — историком калибра никак не меньшего, чем Ч. Бирд и Ф. Тернер (о чем достаточно ясно сообщил в предисловии), а точнее, на его взгляд, статья — важная веха в «приручении» разбушевавшихся в то время «ревизионистов». С оттенком очевидного самодовольства Ч. Мейер заявил: «Статья должна послужить для ориентировки читателя в ревизионистских спорах о происхождении холодной войны... Включая ее в этот сборник, я задавался вопросом, написал бы я ее

иначе сегодня? Думаю, что нет»[7]. Определенная претензия на то, чтобы не забыли и его заслуг в инкорпорировании «ревизионистов» в ряды конформистов.

За всеми этими внешне академическими рассуждениями просматриваются очевидные политические цели. В своих мемуарах Г Киссинджер достаточно откровенно указал (как подобает политику, он не назвал «ревизионистов» по имени), в чем их вред для официального Вашингтона: «К 1969 году война во Вьетнаме стала национальным кошмаром и стимулировала наступление на всю нашу послевоенную политику. До тех пор почти единодушное убеждение в том, что холодную войну вызвали неуступчивость и жесткость СССР, было поставлено под сомнение громогласным и временами яростным меньшинством, которое настаивало, что американская враждебность, американский милитаризм и американский экономический империализм в первую голову ответственны за международную напряженность. Отечественный радикализм никогда не имел широкой поддержки, он рухнул сразу с нашим уходом из Вьетнама. Поразительна, однако, не столько его временная притягательная сила, сколько сокрушительная деморализация им именно тех групп, от которых можно было ожидать защиты основ и достижений нашей послевоенной политики. Интернационалистский истэблишмент, который и обеспечил великие достижения нашей внешней политики, рухнул перед натиском своих детей, поставивших под сомнение все его ценности»[8].

Если так, тогда не преувеличение, что в Америке наших дней, да и на Западе вообще, напоминание о том, что «ревизионисты» доказали ответственность Вашингтона за «холодную войну», граничит с дурным тоном. Еще бы, помнят прошлое! Пример тому — отклики в США и на Западе на издание Чикагским университетом в 1979 году книги советских историков Н. В. Сивачева и Н. Н. Яковлева о советско-американских отношениях. Она вызвала бурную реакцию, понятную в свете сказанного Г. Киссинджером. Критика, порой яростная, пошла по нескольким линиям. Задавая тон, «Нью-Йорк таймс» накануне выхода книги в свет предупредила: «Ожидается, что западный читатель отнесется к ней как к стандартной советской пропаганде»[9]. Пресс-бюро «Нью-Йорк таймс» разослало эту рецензию по американским газетам, которые и воспроизвели ее[10].

Книгу, однако, стали достаточно широко раскупать, что, вероятно, оказалось неожиданным, и поэтому журнал «Бест селлерз» (откликающийся на ходовые издания) счел нужным обругать работу за «попытку взглянуть на историю глазами марксистов». Впрочем, добавил: «чего ожидать другого от авторов», которым-де предписано, что писать [11]. Да, отметил журнал «Чойс», «книга, утвержденная советскими властями к публикации, отражает ортодоксальный советский подход к вопросу». Этот тезис пронизывал множество рецензий — от американской провинциальной газеты «Роанак таймс энд Уорлд ньюз» (1979, 28 окт.), реакционнейшего «Нэшнл ревью» (1979, 20 марта) до солидного английского квартального журнала «Интернешнл афферс» (октябрь 1979 г.).

В дискуссии о книге Н. В. Сивачева и Н. Н. Яковлева, продолжавшейся более полутора лет, постепенно постарались приглушить вопрос о «ревизионистах». В самом деле, тот же Дж. Гэддис (но уже в марте 1980 г.) с невинным видом изрек: «Сивачев и Яковлев, кажется, странным образом не осведомлены, что американские ревизионисты, писавшие о генезисе холодной войны, которых они, конечно, одобрили, не очень высказываются в последнее время» [12]. Ведущий американский исторический журнал «Америкэн хисторикал ревью» в большой рецензии в апрельском номере за 1980 год счел необходимым обойти этот вопрос. В Австралии журнал профессиональных историков предложил: «Ревизионисты, занимавшиеся холодной войной, вероятно, почувствуют определенное замешательство и едва ли ощутят помощь своим усилиям из-за того, что два советских автора время от времени безусловно одобряют их» [13]. Логика понятная, как подвела итог в США обсуждению книги пресловутая газета «Чикаго трибюн»: выход ее полезен, «по крайней мере никогда не вредит знать мотивы врага» [14]. «Советолог» Т. Конвей на страницах влиятельной «Бостон глоб» пожаловался: «Эти двое выдающихся советских ученых Николай Сивачев и Николай Яковлев... не обладают никаким великодушием в отношении тех, кто не придерживается их точки зрения... Говоря об американских мотивах, лидерах или ученых, они последовательно высокомерны, язвительны, воинственны и злобны. Подчеркивая необходимость «обращаться друг с другом на основе равенства и взаимного уважения», ав-

торы постоянно проявляют полную нетерпимость к противоположным взглядам... Впервые исследование такого рода стало доступно американскому читателю.., но оно односторонне и совершенно лишено великодушия»[15].

Чтобы убедить, что дело обстоит именно так, лондонский «Сервей», орган международного антикоммунизма, напечатал на эту тему для своей читательской аудитории рецензию-пасквиль, обнаружив задор клеветника и полное непонимание советской исторической науки, для чего журналу понадобилось примерно пол-авторского листа[16]. В США эту же задачу, но для специалистов (поэтому размер рецензии оказался несколько бо́льшим) попытался выполнить ученый орган — «Стратеджик ревью»[17]. Но вот что особенно расстроило рецензента М. Харви (директора Института изучения высших проблем международных отношений): «Книга — повторение стандартной советской пропаганды, которую оживляет возврат информации — материалы, взятые из работ американских ревизионистов. Эту книгу, несомненно, восхвалят ревизионисты, ибо она превозносит их взгляды и открывает новые горизонты для «интеллектуального мазохизма», в чем гарвардский профессор А. Улам усматривает отличительную черту ревизионистского культа»[18].

Тогда слово взял проф. Вильям А. Вильямс, который в подробной рецензии на работу Н. В. Сивачева и Н. Н. Яковлева указал: «Не впадайте в ошибку: Сивачев и Яковлев прекрасно знают свое дело». Вильямс усмотрел особое достоинство книги советских историков в том, что в ней наглядно показана порочность «двойного счета», принятого в США при оценке международных проблем: «Нам можно критиковать, оказывать давление с целью изменить внутреннюю политику в СССР, а вот им нельзя... Мы поступаем мудро, разрабатывая стратегический план, а они ведут себя по-дьявольски, заботясь о собственных интересах» и т. д.

Обращаясь к истории, В. Вильямс соглашается со следующим: «В книге развивается изощренная диалектическая аргументация: западный капитализм (под водительством Рузвельта) хотел сокрушить державы оси с минимальными издержками для себя. В этой связи в книге тонко критикуются Рузвельт, Черчилль и др. Западу успешно удалось избежать больших потерь и стать победителем вместе с СССР, который обрел территории

и влияние в результате бесчисленных потерь и разрушений. Тут своего рода ревизия ревизионистов. Итак, мы подходим к последствиям того, что разрешили русским разгромить немцев. Написано блестяще. Мы предпочли поменьше потерь и побольше масла в стране. В результате мы отбросили мечту сохранить XIX век, примирившись с реальностью капитализма в обороне».

В. Вильямс обратился к проблеме, в которую внесли лепту «ревизионисты»: Н. В. Сивачев и Н. Н. Яковлев «так трактуют проблему прав человека, что нельзя сомкнуть век до глубокой ночи. Речь идет не столько о еде, жилище, одежде, порядке выборов, а о том, о чем они писали со ссылкой на Джэка Грина: американская революция значила, что «каждый получил равную возможность стать более неравным». Тут и таится смертельная опасность. Либо мы сумеем превзойти американскую и большевистскую революции, либо мы будем продолжать геноцид, толкуя о правах человека»[19].

Почти одновременно с В. Вильямсом выступил д-р Алан Вольф, член редколлегии журнала «Нэйшн». Разделяя взгляды «ревизионистов», он подчеркнул: «Дело в том, что книга «Россия и Соединенные Штаты» ближе к правде в оценке американо-советских отношений, чем любая «официальная» книга об этом в США. Причина проста: ответственность за враждебность между США и СССР с самого начала в большей степени несет Америка, чем Россия... Повествуя о прискорбных действиях США, Сивачев и Яковлев с трудом выдерживают верный тон. Критикуя США, они пытаются сдержать свое негодование. Обладая бо́льшим пониманием сложности американской политики, чем многие советские специалисты по США, они понимают — альтернативные решения были возможны... Изучив труды американских историков-ревизионистов, они часто вступают в важные споры... Они взяли на себя трудную задачу и с блеском выполнили ее»[20].

Лестные слова в адрес советской историографии, которые показывают значение работы наших ученых для тех в США, кто ставит под сомнение официальные «оправдания» агрессивной политики Вашингтона.

Итак, выяснилось — книга советских историков подействовала как лакмусовая бумажка, показав, что под глыбами «согласия» в США теплится интеллектуальная жизнь. Возмездие со стороны официальных кругов, как

и следовало ожидать, не заставило себя ждать. Разве можно было пройти мимо того, что быстро распространилось мнение, проникшее даже в провинциальную американскую прессу: «Изучающие американскую внешнюю политику найдут, что эта книга — эхо наших ревизионистов холодной войны, обвиняющих Соединенные Штаты за отвратительные отношения между двумя странами»[21]. А. Шлезингер взялся напомнить «ревизионистам» об их теперешнем месте. В появлении в США книги советских историков он усмотрел подтверждение своего давнего тезиса: «ревизионисты» нанесли ущерб американским интересам, разумеется, в его понимании. Он не стал атаковывать основную, понятную концепцию книги в лоб, а в громадной статье (более двух авторских листов!) обрушился на тезис «ревизионистов», поименно перечислив ряд из них, начиная с В. Вильямса, об ответственности США за «холодную войну». Об этом, конечно, помимо прочего говорится в книге. А. Шлезингер с большим раздражением заметил: «Чем глубже размышляешь о холодной войне, тем больше представляется не имеющим значения установление ответственности за нее». Даже слова те же самые, что и у Д. Дональда, о неуместности обращения к прошлому!

Сделав это замечательное открытие, ультраконформист американского истэблишмента попытался целиком перечеркнуть все, что было сделано «ревизионистами» и даже их критиками, включая Дж. Гэддиса. Вот ведь что они натворили: «Постревизионистская историография выборочно и ограниченно использовала ревизионизм. Но допустив в некоторой степени формулирование предмета спора ревизионистами, постревизионисты повторили один из пороков ревизионизма. Ревизионизм был только американским феноменом. В Англии, Франции и Германии ревизионистов считанное число... Поэтому для историографии холодной войны ныне настоятельно необходимо сойти только с американской базы, расширить спектр исследований и аналитическую перспективу». Спасение, значит, в использовании апологетической, в отношении США, части западноевропейской историографии.

А тут выступили советские историки Н. В. Сивачев и Н. Н. Яковлев, использовавшие для подкрепления своих тезисов и труды «ревизионистов». А. Шлезингер мечет громы и молнии в адрес американских «ревизионистов» за содеянное ими: «Сивачев и Яковлев с похвалой по-

гладили ревизионистов по голове. Ведь они пишут: «Часто указывают, что их тезисы совпадают с советской точкой зрения. Несомненно, это правильно. Ревизионисты с определенным запозданием согласились с советскими историками относительно того, кто несет ответственность за холодную войну»[22]. Но ревизионисты не пошли достаточно далеко, чтобы удовлетворить Сивачева и Яковлева, рисующих картину добрейшего и непогрешимого Советского Союза, неспособного оскорблять, делать просчеты или ошибаться и терпеливо ищущего мира перед всяческими западными провокациями... Так историю превращают в дешевую мелодраму».

Посему, заключил А. Шлезингер, «советские историки Н. В. Сивачев и Н. Н. Яковлев в целом написали «возмутительную книгу», что, на его взгляд, подтверждает тот вывод, что «советская историография по большей части бесполезна»[23]. Филиппика А. Шлезингера, попытавшегося нанести новый, хотя и запоздалый удар по «ревизионистам», связав их работу с ненавистной ему по классовым соображениям советской историографией, вызвала, мягко говоря, недоумение даже у Дж. Гэддиса. На симпозиуме по проблемам изучения американо-советских отношений, проведенном в декабре 1979 года в США, Дж. Гэддис сказал: «Недавно опубликованная книга двух советских историков Николая Сивачева и Николая Яковлева освещает позиции советской историографии по этому вопросу. Книга Сивачева — Яковлева не очень благоприятно была встречена в нашей стране. А. Шлезингер уже успел списать ее со счетов как «возмутительную», но, на мой взгляд, она заслуживает самого внимательного изучения.., американские ученые теперь с запозданием возвращаются к теме, которая игнорировалась и по которой самая серьезная работа в недавние годы была проведена именно советскими историками». С учетом, разумеется, выполненного в Соединенных Штатах «ревизионистами».

В целом высокий профессионализм советских историков привлек внимание в США к их книге. Если издательство Чикагского университета по понятной причине поставило ее первой в числе десяти лучших, выпущенных им в 1979 году[24] (напечатав ее массовым тиражом в следующем, 1980 г.), то специальные публикации типа «Политикс тудей», «Паблишерз уикли», «Лабрари джорнэл» и многие другие предложили американ-

ским ученым изучать ее. А журнал «Перспектив» нашел: «Совершенно очевидно, что эта книга должна быть в библиотеке каждого колледжа, ибо это в высшей степени научный трактат и важный источник для понимания американской внешней политики с советской точки зрения» [25].

Острота описанной дискуссии показала очевидное: труды «ревизионистов» при творческом использовании дают возможность углублять понимание коренных проблем американской внешней политики. Какие бы усилия ныне ни прилагали люди типа А. Шлезингера и к° в США, чтобы предать забвению неугодное им прошлое, и независимо от того, что иные «ревизионисты» ныне вступили в ряды конформистов, проделанное ими оставило глубокий след. По многим причинам научного и политического характера прошлое, проанализированное «ревизионистами», подводит к пониманию нереалистичности и прямой опасности курса, на который встал Вашингтон на рубеже 70—80-х годов.

Администрация Р. Рейгана, по всей вероятности, уверовала в то, что проводимая ею политика опирается на «согласие» внутри страны. Так ли это?

История недолговечного «ревизионизма», о которой рассказывается в этой книге, оставляет ответ на этот вопрос открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] **Toynbee A.** America and the World Revolution. L., 1962, p. 16—17.
[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 33.
[3] См. **Aptheker H.** Cold War Liars and New Historians. — Political Affairs, 1971, No 8, p. 94, 91.
[4] См. **Schlesinger A. Jr.** Origins of the Cold War. — Foreign Affairs, October 1967.
[5] **Cohler F.** Understanding the Russians. N. Y., 1970, p. 103—105.
[6] **Bohlen Ch.** Witness to History. 1929—1969. N. Y., 1969, p. 273.
[7] **Schlesinger A. Jr.** The Crisis of Confidence. Ideas Power and Violence in America. Boston, 1969, p. 103.
[8] **Harriman A.** America and Russia in a Changing World. A Half-Century of Personal Observations. N. Y., 1971, p. 70.
[9] Jalta Conference. 25 Years ago in a Memory, not «Myth» to Harriman and Bohlen. — The New York Times, 1970, Feb. 8.
[10] Revisionism: A New Angry Look at the American Past. — Time, 1968, Feb. 16.
[11] The Wall-Street Journal, 1971, Oct. 19.
[12] **Hoffman S.** Revisionism Revisited. Reflections on the Cold War. Philadelphia, 1974, p. 3.
[13] «Идеалисты» или, точнее, официальные интерпретаторы политики США, стремясь доказать правоту американских притязаний на руководящую роль в мире, нередко доходят до абсурда. Они выстраивают исторические факты так, что Соединенные Штаты наделяются статусом мировой державы чуть ли не с первых дней существования. С позиций «идеализма» написано множество книг. Едва ли есть хоть один государственный деятель США, начиная с президентов, который в своих мемуарах по-иному бы оценивал цели и методы американской внешней политики. «Идеализмом» пронизаны известные и многократно переиздававшиеся в США курсы истории американской внешней политики Т. Бейли, С. Бемиса, С. Моррисона, Д. Пратта. Значительный толчок этому направлению в американской идеологии дало празднование

200-летия образования США, которое проходило под знаком подтверждения кондовых заявлений «идеалистов».

«Реалисты» считают политику Соединенных Штатов «утопичной», или «нереальной», построенной якобы на чисто умозрительных теориях и чувствах и направленной на достижение мира посредством сотрудничества с другими народами, поддержки таких международных организаций, как ООН и др. В противовес всему этому «реалисты» выдвигают единственно «реалистическую» основу, которой, по их мнению, должен придерживаться Вашингтон,— принцип силы, рационализированный в доктрине «баланса сил». Основателями «реализма» считаются Г. Моргентау, Р. Нибур. Очень близко к ним примыкает и Дж. Кеннан, хотя сам он отрицает собственную принадлежность к какой-либо конкретной школе.

14 **Kissinger H.** American Foreign Policy. Three Essays. N. Y., 1969, p. 79, 94.

15 Вернувшись через 11 лет в своих мемуарах к этой статье, Г. Киссинджер по-прежнему настаивает: «С тех пор нас преследует болезнь серьезнее, чем Вьетнам. Ее исцеление — дело в большей степени не политики, а философии» (**Kissinger H.** White House Years. Boston, 1979, p. 66).

16 **Hoffman S.** Primacy or World Order. American Foreign Policy since the Cold War. N. Y., 1978, p. 3.

17 См. **Sherry M.** Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense 1941—1945. 1977, p. VIII.

18 См. **Ergin D.** Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. N. Y., 1977.

19 The New York Times Book Review, 1977, June 12, p. 1.

20 **Gaddis J.** The United States and the Origins of the Cold War 1941—1947. N. Y., 1971, p. 353.

21 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 22.

Глава I

1 Правда, 1973, 25 июня.

2 Правда, 1975, 15 окт.

3 **Шервуд Р.** Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., 1958, с. 661—663. Записка Гопкинса примечательна помимо прочего тем, что она вобрала в себя весь его опыт ведения дел с СССР, включая посещение им по поручению Трумэна Москвы в мае 1945 года для переговоров с И. В. Сталиным. Поручая Гопкинсу эту миссию, Трумэн напутствовал: «Хочешь, используй дипломатический язык, а если нужно — действуй там бейсбольной битой». В ответ Трумэн и получил эту записку. (**Herring G.** Aid to

Russia, 1941 — 1946. Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973, p. 252).

4 **Sulzberger C.** A Long Row of Candles. Toronto, 1969, p. 307—308.

5 Ibid., p. 259.

6 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 10. М., 1948, с. 104.

7 Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence. N. Y., 1975, p. 709.

8 **Fleming D.** The Cold War and Its Origins. 1917—1960, vol. I (Далее: The Cold War and Its Origins). N. Y., 1961, p. 215.

9 **Gaddis J.** Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History (Далее: Russia, the Soviet Union and the United States). N. Y., 1978, p. 167—168.

10 F. R.: 1945, vol. 5, p. 232—233, 253.

11 Politics and Policies of the Truman Administration. Chi., 1970, p. 23.

12 The Memoirs of Harry S. Truman, vol. I. N. Y., 1955, p. 217.

13 **Arnold H.** The Global Mission. N. Y., 1949, p. 586—587.

14 **Fleming D.** The Cold War and Its Origins, vol. I, p. 268. Эта точка зрения — достояние не только «некоторых», а общепринята, и в первую очередь для «ревизионистского» направления. См., например: **Clemens D.** Yalta. N. Y., 1970, p. 268—274; **Werth A.** Russia: The Postwar Years. N. Y., 1971, p. 56—61, 117—118. Г. Алпровиц в своей работе «Атомная дипломатия» подробно обосновал ее.

15 **Gaddis J.** Russia, the Soviet Union and the United States, p. 169.

16 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг., т. II. М., 1957, с. 217—218.

17 См. **Cochran B.** Harry Truman and the Crisis Presidency. N. Y., 1973, p. 149.

18 **Алпровиц Г.** Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968, с. 5.

19 Там же, с. 56.

20 Там же, с. 57.

21 См. **Sherry M.** Preparing for the Next War, p. 184—185, 208.

22 **Алпровиц Г.** Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. с. 59.

23 The Memoirs of Harry S. Truman, vol. I, p. 72.

24 **Воронцов В. Б.** Трагедия сорок пятого. М., 1969, с. 36.

25 **Bernstein B.** Roosevelt, Truman and the Atomic Bomb. — Political Sceince Quarterly, Spring 1975, p. 23—69; **Sherwin M.** A World Destroyed. N. Y., 1975.

26 **Cochran B.** Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 173. Этот тезис, перекликающийся с тезисом «ревизионистов», ныне отвергается историками истэблишмента. См., например: **Schoenberger W.** Decision of Destiny. Athens, Ohio 1969, p. 285—307; **Ro-**

se **L.** Dubious Victory: the United States and the End of the World War II. Ohio, 1973, p. 305—355.

27 **Жуков Г. К.** Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 732.

28 **Алпровиц Г.** Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам, с. 188.

29 См. **Feis H.** Contest over Japan. N. Y., 1967, p. 19—20; **Schnabel Y.** Policy and Direction: The First Year. Wash., 1972, p. 9—10.

30 The Effects of the Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. Wash., 1946, p. 22.

31 **Fleming D.** The Cold War and Its Origins, vol. I, p. 308.

32 Birken, Earl of Halifax. L., 1965, p. 559.

33 **Williams F.** A Prime Minister Remembers: The War and Post-War Memoirs of Rt. Hon. Earl. Attlee. L., 1961, p. 162—163.

34 **Truman M.** Harry S. Truman. N. Y., 1973, p. 312.

35 Ibid., p. 313.

36 F. R. 1946, vol. 6, p. 696—709.

37 F. R. 1946, vol. 1, p. 1167—1169.

38 **Kennan G.** Memoirs. 1925—1950. Boston, 1967, p. 294—295.

39 Бурный восторг в Вашингтоне по поводу телеграммы Кеннана охватил всех без исключения высших американских руководителей. См., например: **Lilienthal D.** The Journals of David E. Lilienthal. N. Y., 1964, vol. 2, p. 26; The Forrestal Diaries. N. Y., 1951, p. 135—140; **Jones J.** The Fifteen Weeks. N. Y., 1955, p. 133.

40 **Kennan G.** American Diplomacy 1900—1950. Chi., 1951, p. 99.

41 **Burnham J.** Containment or Liberation. N. Y., 1953, p. 37.

42 **Яковлев Н. Н.** Новейшая история США. М., 1961, с. 488.

43 **Fleming D.** The Cold War and Its Origins, vol. I, p. 436.

44 **Acheson D.** Present at the Creation: My Years at the State Department. N. Y., 1970, p. 293.

45 **Lippmann W.** The Cold War. N. Y., 1947, p. 29—30.

46 **Brown W.** and **Opie R.** American Foreign Assistance. Wash., 1954, p. 440.

47 **Тюрккая Атаёв.** США, НАТО и Турция. М., 1973, с. 132, 136.

48 **Fleming D.** The Cold War and Its Origins, vol. I, p. 448.

49 **Kennan G.** Memoirs. 1925—1950, p. 336.

50 См. Внешняя политика Советского Союза. 1947 год, ч. II. М., 1952, с. 117—121.

51 **Smith H.** The State of Europe. N. Y., 1949, p. 118.

52 См.: **Zinn H.** Postwar America: 1945—1971. Indianapolis and N. Y., 1973, p. 69.

53 Цит. по: **Fleming D.** The Cold War and Its Origins, vol. 1, p. 399.

54 **Kennan G.** Memoirs. 1925—1950, p. 358.

55 Ibid., p. 364.

56 **Kennan G.** Needed: A New American View of the USSR. Common Sense in U. S. — Soviet Relations. Wash., 1978, p. 27,

57 **Kennan G.** Memoirs. 1925—1950, p. 304.
58 **Truman M.** Op. cit., p. 309.
59 Ibid., p. 346.
60 Foreign Policy, Summer 1972, p. 3—4.
61 Documents Relating to the North Atlantic Treaty. Wash., 1949, p. 8.
62 См. Советский Союз и берлинский вопрос (документы). М., 1948, с. 32.
63 См.: **Truman M.** Op. cit., p. 12.
64 См. **Мельников Д.** Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1951, с. 135.
65 **Мельников Ю. М.** От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 113.
66 Цит. по: **Cochran B.** Harry Truman and the Crisis Presidency, p. 254.
67 Gazette and Daily, 1949, March 18.
68 **Мельников Ю. М.** Указ. соч., с. 116.
69 **Zinn H.** Postwar America: 1945—1971, p. 41.
70 См. **Ненни П.** От Атлантического пакта к политике смягчения напряженности. М., 1955, с. 26—27.
71 **Truman M.** Op. cit., p. 358.
72 **Gaddis J.** Russia, the Soviet Union and the United States, p. 191.
73 **Ergin D.** The Shattered Peace, p. 336.
74 The Papers of General Lucius D. Clay: Germany 1945—1949, vol. I. Bloomington, 1974, p. 569.
75 **Kennan G.** Memoirs. 1925—1950, p. 422.
76 F. R. 1948, vol. I, pt. 2, p. 665—669.
77 Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945—1950. N. Y., 1978, p. 324.
78 Ibid., p. 358.
79 Ibid, p. 361—364.
80 Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945—1950, p. 366—368.
81 **Shilling W., Hammond P., Snyder G.** Strategy, Politics and Defence Budgets. N. Y., 1962, p. 267—378.
82 F. R. 1950, vol. I, p. 237—292.
83 Naval War College Review, May — June 1975, p. 51—108.
84 **Kennan G.** The United States and the Soviet Union. — Foreign Affairs, July 1976, p. 682.
85 **Kolko G.** The Politics of War. N. Y., 1968, p. 601.
86 United States Statues at Large, vol. 64, pt. 1. Wash., 1952, p. 5.
87 См. Доклад Комиссии ООН по вопросу о Корее, т. I, 1949, с. 33.
88 F. R. 1950, vol. I, p. 241
89 **Sulzberger C.** A Long Row of Candles, p. 579.

[90] **Brown W.** and **Opie R.** American Foreign Assistance. Wash., 1954, p. 377.

[91] Ibid., p. 377.

[92] **Collins J.** War in Peacetime: The History and Lessons of Korea. Boston, 1969, p. 4.

[93] Внешняя политика Советского Союза. 1950 год. М., 1953, с. 204.

[94] **Wooten J. Dasher.** The Roots and Rising of Jimmy Carter. N. Y., 1979, p. 186.

[95] **Ergin D.** The Shattered Peace, p. 489, 408.

[96] См. Внешняя политика Советского Союза. 1950 год, с. 588—589.

[97] **Sulzberger C.** A Long Row of Candles, p. 594.

[98] Memoirs by Harry S. Truman, vol. II. N. Y., 1956, p. 395—396.

[99] См.: New York Times, 1950, Nov. 30.

[100] **Gaddis J.** Russia, the Soviet Union and the United States, p. 202.

[101] New York Times, 1951, May 9.

[102] Если не считать поразительного суждения Г. Киссинджера спустя тридцать лет. В мемуарах он написал: «Прекратив наши военные операции в Корее в 1951 году, когда начались переговоры о прекращении огня, мы, несомненно, затянули эти переговоры» (**Kissinger H.** White House Years, p. 629).

[103] United States Statues at Large 1951, vol. 65. Wash., 1952, p. 373—374.

[104] **Foster W.** History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 475.

[105] **Cochran B.** Harry Truman and the crisis presidency, p. 399.

[106] New York Times, 1952, Oct. 3.

[107] См.: **Donovan R.** The Inside Story. N. Y., 1956, p. 115.

[108] **Adams S.** First-Hand Report. The Story of the Eisenhower Administration. N. Y., 1961, p. 49.

[109] **Weigley R.** The American Way of War. A History of US Military Strategy and Policy. N. Y., 1973, p. 398.

Глава II

[1] **Hoffman S.** Primacy or World Order. American Foreign Policy Since the Cold War. N. Y., 1978, p. 7.

[2] **Fleming D.** The Cold War and Its Origins, vol. II, p. 659.

[3] **Осгуд Р.** Ограниченная война. М., 1960, с. 271.

[4] History of American Presidential Elections 1789—1968, vol. 4. N. Y., 1971, p. 3284.

[5] Department of State Bulletin, 1954, Jan. 25, p. 107—110.

[6] **Gaddis J.** Russia, The Soviet Union and the United States, p. 208, 212.

[7] Цит. по: **Буданов А. Г.** Американская агрессия во Вьетнаме. М., 1967, с. 5.

[8] Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945—1950, p. 220.
[9] Ibid., p. 219.
[10] Цит. по: **Буданов А. Г.** Американская агрессия во Вьетнаме, с. 5.
[11] **Хо Ши Мин.** Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 346.
[12] New York Times, 1954, May 23.
[13] Независимость и мир вьетнамскому народу. Ханой, 1967, с, 13.
[14] Цит. по: Международная жизнь, 1965, № 1, с. 103.
[15] См. The Vietnam Hearings. N. Y., 1966, p. 67—69.
[16] См. Правда, 1954, 11 мая.
[17] **Eisenhower D.** Mandate for Change. N. Y., 1963, p. 332—333.
[18] См. **Farley M. S.** United States Relations with South-East Asia. N. Y., 1955, p. 26.
[19] The Department of State Bulletin, 1954, Aug. 2, p. 163.
[20] **Kalb M., Abel E.** Roots of Involvement The U. S. in Asia. 1784—1971. N. Y, 1971, p. 99—100.
[21] См. **Farley M. S.** United States Relations with South-East Asia, p. 26.
[22] См. Documents on American Foreign Relations, 1955. N. Y., 1956, p. 299.
[23] **Morgenthau H.** Three Paradoxes. — The New Republic, 1975, Oct. 11, p. 17.
[24] См.. **Eisenhower D.** Mandate for Change. p. 527; **Lyon P.** Eisenhower: Portrait of the Hero. Boston, 1974, p. 660.
[25] См. **Bell C.** Negotiation from Strength: A Study in the Politics of Power. N. Y., 1963, p 235—236.
[26] См. **George A.** and **Smoke R.** Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice, N. Y., 1974, p. 355—358.
[27] См. **Horelick A.** and **Rush M.** Strategic Power and Soviet Foreign Policy. Chi., 1966, p. 42—49.
[28] См. **Class Ph.** Secret Sentries in Space. N. Y.,, 1971, p. 47—48, 50—51.
[29] См. **Alino R.** American Defense Policy from Eisenhower to Kennedy. Athens, Chic., 1975, p. 47—60.
[30] New York Times, 1958, Jan. 1.
[31] Подробное рассмотрение последствий запуска спутника для США см.: **Вельтов Н.** Успехи социализма в СССР и их влияние на США. М., 1971.
[32] **Cline R.** Secrets, Spies and Scholars. Blueprint of the Essential CIA, Wash., 1976, p. 155—156.
[33] Агрессоров к позорному столбу. Правда о провокационном вторжении американского самолета в воздушное пространство СССР, М., 1960, с. 109.

[34] **Ulam A.** The Rivals. America and Russia since World War II. N. Y., 1971, p. 311—312.

[35] Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities. U. S. Senate, Book 4. Wash., 1976, p. 59.

[36] **Kennedy J.** The Strategy of Peace. N. Y., 1960, p. 14—44.

[37] **Hoffman S.** Primacy or World Order, p. 16.

[38] **Halberstam D.** The Best and the Brightest. N. Y., 1973, p. 91.

[39] **Зубок Л. И., Яковлев Н. Н.** Новейшая история США. М., 1972, с. 304.

[40] См. **Abel E.** The Missile Crisis. N. Y., 1966, p. 38—39.

[41] **Gaddis J.** Russia, the Soviet Union and the United States, p. 235.

[42] См. **Kahan J.** Security in the Nuclear Age: Developing U. S. Strategic Arms Policy. N. Y., 1975, p. 90.

[43] **Alsop S.** Kennedy's Grand Strategy. — Saturday Evening Post, 1962, March 31, p. 14—16.

[44] **Kahan J.** Security in the Nuclear Age, p. 90—92.

[45] **Kennedy R.** Thirteen Days. N. Y., 1969, p. 111.

[46] **Sorensen T.** Kennedy. N. Y., 1965, p. 714.

[47] **Schlesinger A.** A Thousand Days. N. Y., 1965, p. 827.

[48] **Stossinger J.** Nations in Darkness. China, Russia and America. N. Y., 1971, p. 183.

[49] The Pentagon. Papers as published by the New York Times (Далее: The Pentagon Papers). N. Y., 1971, p. 45.

[50] Containment and the Cold War. American Foreign Policy Since 1945. Massachusetts, 1973, p. 159.

[51] **Halberstam D.** The Best and the Brightest, p. 96—97.

[52] The Pentagon Papers, p. 128.

[53] **Halberstam D.** The Best and the Brightest, p. 501.

[54] The Pentagon Papers, p. 432.

[55] **Fulbright J.** Reflections: In Thrall of Fear. — The New Yorker, January 1972, p. 48.

[56] **Colby W.** and **Forbath P.** The Honorable Men. My Life in the CIA. N. Y., 1978, p. 270, 230.

[57] Все лето 1966 года 47 ученых, «цвет американской технической мысли», совещались в Институте оборонного анализа и не смогли придумать только, как установить «электронный барьер» вдоль границы, эффективность которого была явно сомнительной (См. The Pentagon Papers, p. 483—485).

[58] Containment and the Cold War. American Foreign Policy Since 1945, p 159.

[59] **Kennan D.** The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. Boston, 1977, p. 97—98.

[1] См. **Hall L.** The Cold War as History. N. Y., 1967; **Кпарр W.** A History of War and Peace, 1939—1965. L., 1967; Cold War Critics: Alternatives to American Foreign Policy in Truman Years. Chi., 1971.

[2] См. **Feis H.** The Atomic Bomb and the End of World War II. Princeton, 1966; **Gardner G., Schlesinger A., Morgenthau I.** The Origins of the Cold War. Waltham, 1970.

[3] **Schmidt T.** An Image Analysis of International Politics: Harry S. Truman and the Soviet Union. 1977, p. 34.

[4] **Williams W.** American-Russian Relations 1781—1947. N. Y., 1952; **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959, 1962.

[5] **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 303.

[6] **Gaddis J.** The United State and the Origins of the Cold War, 1941—1947, p. 357.

[7] World Affairs, June 1970, p. 89.

[8] Saturday Review, February 1970, p. 40.

[9] **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 297.

[10] Ibid., p. 300.

[11] Ibid., p. 297.

[12] Politics and Policies in the Truman Administration. Chi., 1970, p. 4.

[13] **Williams W.** The Contours of American History. N. Y., 1961, p. 18.

[14] Ibid, p. 19.

[15] **Williams W.** The Roots of the Modern American Empire. A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. N. Y., 1969, p. XII.

[16] Ibid., p. XIV.

[17] Ibid., p. XVI.

[18] Ibid., p. XVII.

[19] **Williams W.** American-Russian Relations 1781—1947, p. 105.

[20] **Вильямс В.** Американская интервенция в России. — История СССР, 1964, № 4, с. 173, 177.

[21] **Levin N.** Woodrow Wilson and World Politics: America's Response to War and Revolution. N. Y., 1968, p. 2. См. также **Mayer A.** Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. N. Y., 1968.

[22] **Tucker R.** The Radical Left and American Foreign Policy. Wash., 1971, p. 32—36.

[23] **Williams W.** Contours of American History, p. 475.

[24] **Aron R.** The Imperial Republic. The United States and the World 1945—1973. Englewood Cliffs, 1974, p. 32—33.

25 См. **La Feber W.** America, Russia and the Cold War, 1945—1966. N. Y., 1968.
26 **Kolko G.** The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943—1955. N. Y., 1969, p. 624—625.
27 **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 186—187.
28 Cold War: Origins and Developments. Hearings before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 92nd Congress, 1st session. Wash., 1971, p. 16.
29 **Вильямс В.** Трагедия американской дипломатии. М., 1960, с. 201, 37.
30 **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 2.
31 **Вильямс В.** Трагедия американской дипломатии, с. 37.
32 **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 300.
33 Ibid., p. 305.
34 **Williams W.** The American Century 1941—1957. — The Nation, 1957, Nov. 2, p. 301.
35 **Horowitz D.** The Free World Colossus. N. Y., 1965, p. 257.
36 **Solwey C.** Turning History Upside down. — Saturday Review. 1970, June 20, p. 63.
37 The New York Times Book Review, 1970, Nov. 22, p. 14.
38 Studies on the Left, vol. 2, 1961, p. 74—75.
39 **Tucker R.** The Radical Left and American Foreign Policy, p. 72—73.
40 The Washington Post, 1969, Apr. 16.
41 См. **Kolko G.** The Roots of American Foreign Policy. An Analysis of Power and Purpose (Далее: The Roots of American Foreign Policy). Boston, 1969, p. XI.
42 **Kolko G.** The Roots of American Foreign Policy, p. 9.
43 Ibid., p. 9—10.
44 **Kolko G.** Wealth and Power in America. An Analysis of Social Class and Income Distribution. N. Y., 1962; The Triumph of Conservatism. A Reinterpretation of American History, 1900—1912. N. Y., 1964; Railroads and Regulation, 1877—1916, N. Y., 1965.
45 **Ландберг Ф.** Богачи и сверхбогачи. М., 1971, с. 41.
46 **Hodgson G.** America in Our Time. From World War II to Nixon. What happened and why. N. Y., 1969, p. 84.
47 **Kolko G.** The Roots of American Foreign Policy, p. 9—10.
48 **Huntington S.** Political Order in Changing Societies. 1968, p. 265.
49 **Zinn H.** Postwar America: 1945—1971. N. Y., 1973, p. 149, 196.
50 **Lightfoot C.** Human Rights U. S. Style. N. Y., 1977, p. 50.
51 См. Положение в области прав человека в США. Публикация Коммунистической партии США. Пер. с англ., М., 1978.
52 См. **Kolko G.** The Roots of American Foreign Policy, p. XIV.
53 См. America's Asia: Dissenting Essays on Asia-American Relations. N. Y., 1971, p. 259.

[54] **Kolko G.** The Roots of American Foreign Policy, p. 132.

[55] См. **Berkhoter R.** Behavioral Approach to Historical Analysis. N. Y., 1969, p. 56—57; **Fisher D.** Historian's Fallacies: Toward a Logic of Historical Thought. N. Y., 1970; **Hofstadter R.** The Progressive Historians: Turner, Beard, Parrington. N. Y., 1968, p. 242—245.

[56] См. The New York Times Book Review, 1969, June 29, p. 10.

[57] Ibid., p. 6.

[58] **Kolko G.** The Politics of War. The World and United States Foreign Policy 1943—1945. (Далее: The Politics of War). N, Y., 1969, p. 9.

[59] Ibid., p. 241, 254.

[60] Ibid., p. 252.

[61] Ibid., p. 19, 30.

[62] Ibid., p. 19—20.

[63] Ibid., p. 622, 624.

[64] World Affairs, June, 1969, p. 81—82.

[65] Survey, Autumn 1979, p. 123—125.

[66] **Morgenthau H.** Truth and Power. N. Y., 1970, p. 71, 75.

[67] **Kolko J.** and **G.** The Limits of Power. The World and United States Policy 1945—1954 (Далее: The Limits of Power). N. Y., 1972, p. 4.

[68] **Kennan G.** Russia and the West under Lenin and Stalin, Boston, 1961, p. 14.

[69] **Kolko J.** and **G.** The Limits of Power, p. 2, 6.

[70] Ibid., p. 714, 11.

[71] Ibid., p. 550, 715.

[72] The New York Times Book Review, 1969, Apr. 13, p. 7.

[73] The New York Times Book Review, 1972, Feb. 27, p. 31.

[74] **Gaddis J.** The United States and the Origins of the Cold War 1941—1947, p. 358.

[75] Politics and Society in American History from 1865 to the Present, vol. 2. Englewood Cliffs, 1973, p. 360.

[76] Введение в споры по этому вопросу см. The Origins of the Cold War. Lexington, 1970; **Sellen R.** Origins of the Cold War. A Historigraphical Survey. — West Georgia College Studies in the Social Science, June 1970, p. 57—98.

[77] **Maier Ch.** Revisionism and the Interpretation of Cold War Origins. — Perspectives in American History, vol. 4, 1970, p. 313. См. также **Lash Ch.** The Cold War, Revisited and Revisioned. — New York Times Magazine, 1968, Jan. 14, p. 14.

[78] **Richardson I.** Cold War Revisionism. A Critique. — World politics, July 1972, p. 579. Более ранний обзор исследования «ревизионистами» это периода см. **Seabury P.** and **Thomas B.** Cold War Origins. — Journal of Contemporary History, January 1968, p. 169—

198; Revisionist Historians and the Cold War. — Dissent, November — December 1968.

79 **Fleming D.** The Cold War and its Origins, 1917—1960, vol. I. Garden City, 1961, p. 20—35.

80 См. **Horowitz D.** The Free World Colossus. N. Y., 1965.

81 См. **Mayer A.** Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918—1919. N. Y., 1967.

82 Проблема датировки начала «холодной войны» в американской историографии разработана: **Seabury R.** The Rise and Decline of the Cold War. N. Y., 1967, p. 4—10; **Paterson T.** The Origins of the Cold War. Lexington, 1970, p. VII.

83 **Alprovitz G.** Cold War Essays. Garden City, 1970, p. 97.

84 **Fleming D.** The Cold War and its Origins, vol. I, p. 351.

85 **Schmidt T.** Op. cit., p. 36.

86 **Kuklick B.** The Division of Germany and American Policy on Reparation. — Western Political Quarterly, July 1970, p. 293.

87 **Gaddis J.** The United States and the Origins of Cold War 1941—1947, p. 357.

88 **Fleming D.** The Cold War and its Origins, vol. I, p. 373.

89 **Kolko G.** The Politics of War, p. 619.

90 **Langer W.** Political Problems of a Coalition. — Foreign Affairs, October 1947, p. 88.

91 См. **Ulam V.** Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy 1917—1967. N. Y., 1968, p. 403—404; 420—423; **Hall L.** The Cold War as History. N. Y., 1967, p. 11, 17, 46.

92 См. **Brogan D.** The Illusion of American Omnipotence. — Harper's Magazine, December 1952, p. 21—28.

93 **Alprovitz G.** Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. N. Y., 1965, p. 227.

94 Ibid., p. 234.

95 Ibid., 234—235.

96 **Schmidt T.** Op. cit., p. 40.

97 **Alprovitz G.** Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam, p. 13.

98 **Зубок Л. И., Яковлев Н. Н.** Новейшая история США, с. 162.

99 **Alprovitz G.** Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam, p. 227.

100 Ibid., p. 239.

101 Ibid., p. 188.

102 **Mayer Ch.** Op. cit., p. 319. Другие «ревизионисты» в этом вопросе, несомненно, проявляют бо́льшую сдержанность. Г. Колко видит в решении сбросить атомную бомбу «торжество механизма», то есть всего-навсего результат действия сил в бюрократических ведомствах. См. **Kolko G.** Politics of War, p. 566—567.

103 С определенным злорадством Дж. Гэддис отметил, что Алпровица раскритиковал не кто иной, как «его единомышленник ре-

визионист Колко», и любезно отослал к надлежащим страницам книги последнего (**Gaddis J.** The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947, p. 246).

104 В этом отношении Вильямс и Колко оказываются позади официального историка Г. Файса, который после долгих лет колебаний пришел к выводу, что одним из мотивов применения атомной бомбы было желание «проучить» СССР. См. **Feis H.** The Atomic Bomb and the End of World War II. Princeton, 1966, p. 194.

105 **Ergin D.** Shattered Peace, p. 433.

106 **Schmidt T.** Op. cit., p. 55.

107 **Dallek R.** Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979, p. 534.

108 **Oglesby C.** and **Shaull R.** Containment and Change. N. Y., 1967, p. 42.

109 **Chromsky N.** American Power and New Mandarins. N. Y., 1969, p. 399—400.

110 **Alprovitz G.** The United States, the revolution, and the Cold War: Perspective and Prospect. — Cold War Essays, p. 75—121.

111 **Horowitz D.** From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War. N. Y., 1967, p. 70—74.

112 Perspectives in American History, vol. 4, 1970, p. 338—339.

113 См. **Kaplan M.** System and Process in International Politics. N. Y., 1957.

114 **Gaddis J.** The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947, p. VII—VIII.

115 Ibid., p. 35.

116 **Druks H.** Harry S. Truman and the Russians, 1945—1953. N. Y., 1966, p. 11.

117 **Feis H.** Churchill — Roosevelt — Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1966, p. 599.

118 **Tucher R.** The Radical Left and American Foreign Policy, p. 3, 7.

119 См. **Lasch Ch.** The Cold War, Revisited and Revisioned. The Conduct of Soviet Foreign Policy. Chi., 1971, p. 266.

120 **Schmidt T.** Op. cit., p. 35.

121 **Williams W.** Op. cit., p. 228—229.

122 **Alprovitz G.** Op. cit., p. 13.

123 Ibid., p. 23.

124 **Gardner L.** Architectors of Illusions: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949 (Далее: Architectors of Illusions). Chi., 1970, p. 317.

125 **Williams W.** Op. cit., p. 230—231, 239.

126 **Kolko J.** and **G.** The Limits of Power, p. 33.

127 Имея в виду «ревизионистов», Н. Гребнер в этой связи сухо заметил: «Даже те, кто указывает на глубокие исторические корни советско-американской конфронтации, соглашаются, что борьба резко обострилась с выдвижением России до господствующего положения в Европе после сражения под Сталинградом (**Graebner N.** Cold War Origins and the Continuing Debate: A Review of Literaure. — Journal of Conflict Resolution, 1969, No. 1, p. 126).

128 **Шервуд Р.** Рузвельт и Гопкинс, т. 2. М., 1958, с. 431—432.

129 **Matloff M.** Strategic Planning for Coalition Warfare 1943—1944. Wash., 1959, p. 292—293.

130 F. R. The Conferences at Malta and Yalta. 1945, p. 107.

131 **Matloff M.** Op. cit., p. 523—524.

132 **Hoover H.** Addresses upon American Road. Stanford, 1955, p. 13.

133 **Sivachev N.** and **Yakovlev N.** Russia and the United States. Chi., 1979, p. 213, XI.

134 **Horowitz D.** The Free World Colossus: A Critique of American Foreign Policy in the Cold War. N. Y., 1965, p. 19—20; **Gardner L.** Architectors of Illusions, p. X—XI.

135 **Gaddis J.** The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947, p. 358.

136 **Ulam A.** The Rivals. America and Russia since World War II, p. 97.

137 **Kissinger H.** White House Years, p. 62.

138 Politics and Policies of the Truman Adminisrtation. Chi., 1970, p. 16—17.

139 **Kolko G.** The Politics of War, p. 450.

140 **Deutscher I.** Myths of Cold War. L., 1967, p. 17.

141 **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 35, с. 403.

142 Супруги Колко, например, стремясь укрепить шаткий тезис о мнимом «консерватизме» СССР, походя опрокидывают излюбленное положение всей школы о том, что СССР будто бы был «слабым» по сравнению с США. Рассуждая о сдержанности СССР на международной арене, они пишут: «Если эту политику можно оправдать ограничениями, которые реальность накладывает на слабого, то этот фактор никак не объясняет консерватизм советской политики в Европе после 1952 года, когда атомная мощь Советов уравновесила американскую силу и дала России куда большую свободу как для заявлений, так и для действий. На деле русские давно оставили мысль о революции где-либо в Европе в пользу национальной безопасности и встали на путь сведения до минимума политического риска». Иными словами, «ревизионисты» прибегают к любым умозаключениям, за исключением одного — признать, что мирное сосуществова-

вание органически присуще социализму (**Kolko J.** and **G.** The Limits of Power, p. 715).

143 **Alprovitz G.** Op. cit., p. 14.

144 **Hoffman E.** and **Fleron F.** The Origins of the Cold War. N. Y., 1974, p. 213.

145 **Maier Ch.** Revisionism and the Interpretation of Cold War Orogins, p. 401, 575.

146 **Kolko G.** The Politics of War, p. 401, 575.

147 **Kolko J.** and **G.** The Limits of Power, p. 710—711.

148 **Horowitz D.** Empire and Revolution: A Radical Interpretation of Contemporary History. N. Y., 1969, p. 38.

149 **Schmidt T.** Op. cit., p. 42.

150 **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 304.

151 Официальная американская историография обычно признает высокий профессионализм и необычайную плодовитость «ревизионистов». Так, профессора Ф. Нерли и Т. Вильсон, редактировавшие объемистый том о «творцах» внешней политики США от Б. Франклина до Г. Киссинджера, подчеркивали: «С ревизионистской точки зрения написана гора книг и статей с критикой политики Ачесона». Или говоря о том, что «литература о «холодной войне» весьма обширна», приводят список, который открывают работы Лафебра, Габриэль и Дж. Колко (Makers of American Diplomacy From Benjamin Franklin to Henry Kissinger. N. Y., 1974, p. 552, 588).

152 **Alprovitz G.** Cold War Essays, p. 23, 121.

153 **Williams W.** The Contours of American History, p. 488.

154 **Kolko J.** and **G.** The Limits of Power, p. 711.

155 Ibid., p. 715—716.

156 **Kolko G.** The Roots of American Foreign Policy. N. Y., 169, p. 90, 85—86

157 Saturday Review, 1970, June 20, p. 62.

158 **Вильямс В.** Трагедия американской дипломатии, с. 17—18.

159 **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 306.

160 **Williams W.** The Roots of American Empire. N. Y., 1969, p. 452.

161 **Williams W.** Tragedy of American Diplomacy, p. 288.

162 Впоследствии «ревизионисты» решительно высказались против этой модели. Л. Адлер и Т. Паттерсон раскритиковали подобную точку зрения. Дискуссия, которой они дали толчок, привела к тому, что «тоталитарная» модель оказалась скомпрометированной в американской историографии. См. **Adler L.**, **Patterson T.** Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarism, 1930's — 1950's.— American Historical Review, April 1970, p. 1046—1064.

163 М. Шерн показал, что во второй половине 40-х годов эта модель лежала в основе штабного планирования войны против СССР: параметры «врага» определялись именно в рамках этой модели. (**Sherry M.** Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defence, 1943—1945, p. 216).

164 **Williams W.** The Tragedy of American Diplomacy, p. 288—289.

165 **Williams W.** The Shadow FDR Casts on the Troubles of Today. — Saturdy Review, 1970, Sept. 11, p. 25.

166 U. S. Foreign Policy for the 1970's. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States, February 9, 1971. Wash., 1971, p. 3.

167 **Richardson R.** Cold War Revisionism. A Critique. — World Politics, July 1972, p. 605, 580.

168 **Ulam A.** Op. cit., p. 94.

169 **Archer J.** Plot to Seize the White House. N. Y., 1973; **Allen G.** None Dare Call it Conspiracy. Seal Beach, 1973; **Domhoff W.** Who Rules America? Prentice Hall, 1967; **Lasell H.** Power Behind the Government Today. N. Y., 1963; **Quigley R.** Tragedy and Hope. N. Y. 1966.

170 **Sutton A.** Wall Street and the Rise of Hitler. Seal Beach, 1976, p. 172—174.

171 The New York Times Book Review, 1972, Sept. 10, p. 24. Г. Смит извлек урок из критики «ревизионистов» и, обратившись спустя четыре года вновь к политике Ачесона, попытался быть беспристрастным: «Для историков, винящих США за начало и увековечение холодной войны, Ачесон — источник всех несчастий, ведущий «архитектор иллюзии». Для прославляющих годы правления Трумэна Ачесон почти бог» (The New York Times Book Review, 1976, Sept. 12, p. 7).

172 **Kennan G.** Memoirs. 1950—1963. Boston, 1972, p. 137—138.

173 Book World, 1972, Sept. 17, p. 9.

174 Автор неопубликованной диссертации о Дж. Кеннане суммировал его взгляды во всяком случае в одном отношении: «Из-под пера Кеннана никогда не выходило ни слова по поводу советской формы правления, которое не свидетельствовало бы о том, что он считает: эта форма правления — глубокое зло и является самой страшной опасностью для западной цивилизации» (**Green J.** The Political Thought of George Kennan: A Study of the Development and Interpretations of American and Soviet Policies, p. 291—292).

175 **Gaddis J.** The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947, p. 360.

176 **Tucker R.** Op. cit., p. 155—156.

[177] **Kissinger H.** White House Years, p. 658.

[178] **Powers T.** The Man Who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA. N. Y., 1979, p. 24—25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[1] The New York Times, 1977, Sept. 8.

[2] **Lasch C.** The Culture of Narcissism. American Life in an Age of Diminishing Expectations. N. Y., 1979, p. 19.

[3] **Leigh L.** Is There a Revisionist Thesis on the Origins of the Cold War? — Political Science Quarterly, 1974, No 1, p. 101—116.

[4] **Schmidt T.** Op. cit., p. 33.

[5] **Acheson D.** Present at the Creation. N. Y., 1969, p. 753.

[6] The Origins of the Cold War and Contemporary Europe. N. Y., 1978, p. IX.

[7] Ibid., p. 3—4.

[8] **Kissinger H.** White House Years, p. 64—65.

[9] The New York Times, 1979, Feb. 18.

[10] См. The Minneapolis Tribune, 1979, March 12.

[11] Best Sellers, August 1979, p. 183.

[12] The American Spectator, March 1980, p. 4.

[13] Australian Institute of International Affairs, August 1980.

[14] Chicago Tribune Book World, 1980, Aug. 3.

[15] Boston Globe, 1979, Apr. 15.

[16] Surfey, Spring 1979, p. 200—204.

[17] Strategic Review, Summer 1979, p. 57—62.

[18] Ibid., p. 57.

[19] In These Times, 1979, June 20—26.

[20] Nation, 1979, June 30, p. 797.

[21] The Sunday Oregonian, 1979, Aug. 5.

[22] А. Шлезингер опустил продолжение фразы: «...и кто несет ответственность за то, что не были реализованы имевшиеся возможности в американо-советских отношениях...?» (**Sivachev N., Jakovlev N.** Russia and the United States. Chi., 1980, p. 247).

[23] **Schlesinger A. Jr.** The Cold War Revisited. — The New York Review of Books, 1979, Oct. 25, p. 48, 46.

[24] Choice, March 1979, p. 17.

[25] Respective, September 1979, p. 135.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Степанова О. Л.

С79 «Холодная война»: Историческая ретроспектива. — М.: Междунар. отношения. 1982 — 192 с. — (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

Автор разбирает основные внешнеполитические концепции США, сыгравшие роль в возникновении «холодной войны», показывает борьбу, которая ведется в современной американской историографии по вопросам внешнеполитического курса США после окончания второй мировой войны. Разбирая взгляды крупнейших американских теоретиков послевоенного периода, автор показывает их связь с последними переменами во внешнеполитическом курсе Вашингтона.

Для историков-международников, преподавателей, лекторов и читателей, интересующихся историей международных отношений.

С $\frac{11101-013}{003(0)-82}$ 53—82 0801000000 ББК 66.4(0)

Ольга Леонидовна Степанова

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Редактор *Б. И. Марушкин*
Редактор издательства *Т. М. Апестина*
Художественный редактор *В. В. Сурков*
Технический редактор *Т. С. Орешкова*
Корректор *Е. П. Клименкова*

ИБ № 685

Сдано в набор 10.07.81. Подписано в печать 27.11.81. А08669. Формат 84×108 1/32. Бумага кн. журн. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,40. Уч.-изд. л. 10,71. Тираж 20000 экз. Заказ 391. Цена 35 коп. Изд. № 176—И/80.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва, Б-53, Садовая-Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

35 коп.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

В книге разбираются основные внешнеполитические концепции США, сыгравшие роль в возникновении «холодной войны», показывается борьба, которая ведется в современной американской историографии по вопросам внешнеполитического курса Соединенных Штатов после окончания второй мировой войны. Рассматривая взгляды крупнейших американских теоретиков послевоенного периода, автор показывает их связь с последними переменами во внешнеполитическом курсе Вашингтона.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА